

РОРА ДОН

ЮВЕЛИР
его величества

18+

Рора Дон

Ювелир его величества

«Автор»

2026

Дон Р.

Ювелир его величества / Р. Дон — «Автор», 2026

Ее зовут Рида. Она бежит от беспринципного, жестокосердного мужа и его семьи, которые превратили ее в пленницу и служанку в собственном доме. Она надеется, что там, на другом конце бескрайней жаркой пустыни, она сумеет затеряться в чужом городе, открыть ювелирную мастерскую и жить тихо, воспитывая маленькую дочь. Но вдалеке от эгоистичных жадных родственников тоже приходится отстаивать свое счастье. Что делать, если сам эмир положил на тебя глаз? Придумать себе защиту в лице нового мужа? А если выдуманный муж явится и предъявит свои права? Как лавировать между двумя мужьями: настоящим и фальшивым, как вернуть дочь, которую у тебя обманом забрали и передали в чужую семью, как избавиться от лживых обвинений в колдовстве, успеть обустроить дом, наладить работу мастерской, да еще разобраться, кто из мужчин, что бросают на тебя пылкие взгляды, обещает настоящую любовь, а кто лишь ее видимость? Справится ли героиня?

Содержание

Книга 1. Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	71
Глава 11	84
Глава 12	103
Глава 13	110
Глава 14	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Рора Дон

Ювелир его величества

Книга 1. Пролог

Рида

Яркие лепестки тюльпанов и маков Фарезийского оазиса приглушили первые сумерки. В воздухе еще витал сладковатый аромат свежее испеченного хлеба, но корийцы – кочевой народ центральной пустыни – уже стягивали цветастые тюки и ставили их на верблюдов. Племя готовилось к ночному переходу через Розовые пески, самую жаркую часть пустыни Арибо.

Рида присела на корточки у приоткрытой двери шатра из плотной козьей шерсти. Сейчас он стоял единственный не собранный в лагере. Она ласково коснулась урчащего живота дочери, игриво пощекотала его и спросила, хотя заранее была уверена в ответе:

– Твоя маленькая армия непосед сможет подождать, пока я поговорю с тем дядей в смешной шапке?

Девочка улыбнулась, легонько отбила ее руку и закивала. Рида потрепала ее по щеке, поправила платок, весь желтый от песка. Пальцы ощутили мелкие, неровные песчинки и она покатала их и смахнула о длинную темно-коричневую накидку. Взяла дочь за руку и они шагнули в шатер.

Внутри воздух ощущался тяжелее и жарче. Царили полумрак и пустота. По периметру горели керосиновые лампы. Одна из них, ярче и больше остальных, стояла на столе, составленном из двух плоских деревянных сундуков с кожаной отделкой. Широким кругом она освещала стол и хозяина, сидевшего рядом – дородного мужчину, уже немолодого, в темной робе и рубашке с короткими рукавами.

Рида с дочерью подошли и устроились на подушках. И хозяин шатра взглянул на них неприветливо, не скрывая разочарования. Было видно, он ожидал гостей, оттого его шатер продолжал стоять, хотя вещи уже собрали и вынесли к верблюдам. Но он ждал не Риду. Рида не могла считаться желанным гостем. Ее скромные, неброские одежды, без вышивки и рисунка, говорили, что она принадлежит к арибо – народу пустыни, названному по ее имени. Арибо были свободными путешественниками, которые не относились ни к одному клану, поселению или городу. Их все знали, как людей миролюбивых, но часто безденежных. Таким было нечего предложить скупщикам драгоценных камней, коим являлся мужчина в чалме. Только законы гостеприимства не позволили ему тут же выгнать их из шатра. Он натянуто улыбнулся и без охоты подтянул к себе длинными пальцами маленький, холщовый мешочек, который Рида положила на стол.

– Этот камень оставила мне мать, – объяснила она. – Я не хочу его отдавать. Но муж погиб год назад. В походе на юг. И нам с дочкой нужны деньги, чтобы устроиться в новом месте.

Она старалась говорить проще, как говорила бы женщина из бедной семьи.

Хозяин быстрым движением развязал тонкие веревочки и выкатил содержимое на стол. Крупный сапфир вспыхнул ярким блеском, лишь свет от лампы коснулся его. Насыщенно-синие грани заискрились, перемежаясь то со светло-фиолетовыми, то с еще более голубо-синими участками; голубоватая звезда, слепяще-белая в центре, заскользила тонкими лучами по поверхности. Хозяин шатра на выдохе издал звучное «Ба!» и недоверчиво посмотрел на Риду. Он желал больших объяснений, но она терпеливо молчала и ждала, когда он примется за оценку и назовет, сколько готов ей заплатить.

Цена ее волновала сейчас прежде всего. Если бы она добралась до лагеря быстрее, ей предоставился бы большой выбор покупателей. Но ей пришлось бежать с ребенком из

укрепленного, охраняемого сотнями стражниками дома, она пробиралась по тайному лазу под городскими стенами, пряталась в повозке с зерном – и не думала о времени. Обрадовалась, что добралась, сумела. И смешная чалма хозяина шатра, украшенная мелкими камушками и оттого напоминавшая пчелиный улей, подтверждала, что ей удалось пересечь границу. Такие смешные одеяния носил народ орнегов, проживавший на севере соседнего царства. И Рида старательно сдерживала улыбку ликования, пока наблюдала, как мужчина рассматривает сапфир, обхватив его тонким пинцетом. Он вращал самоцвет под разными углами, подставлял под свет лампы то одну, то другую грань и все время недоверчиво качал головой, хотя его лицо выражало восторг и умиление.

Ноги Риды ныли от долгих миль блуждания по раскаленным пескам, тело ломило от усталости, кожа чесалась от песка и царапин, которыми наградили ее корни и ветки деревьев под стенами родного Гермена. Колючие веточки из мешков в крестьянской повозке запутались в волосах и теперь скатывались за воротник и кололи шею и грудь. Она ничего этого не замечала. Думала о том, насколько благосклонно отнесется к ней судьба на этот раз: пошлет ли вновь помощь и удачу в лице доброго, честного человека.

Хозяин шатра подошел к изучению камня с замечательным усердием. Долгое время рассматривал сапфир под лупой, сделанной из слоновой кости, местами потускневшей и пожелтевшей от солнца, что выдавало солидный возраст инструмента. На столе из сундуков словно из воздуха один за другим возникли гидровесы для измерения удельного веса камней, стеклянная ванночка с дюжиной керамических крошечных сосудов, наполненных жидкостями, для выявления угла преломления, кожаный чехол с иглами из различных материалов: от грифеля до закаленной стали и кремния. Сапфир уверенно выдерживал проверку за проверкой.

Каждый раз хозяин шатра удивленно приподнимал брови и жмурился. Наконец он взял одной рукой стальную иглу, другой поднял камень и пристально посмотрел на Риду. Его взгляд говорил: «Давайте, госпожа, остановите меня. И я дам вам хорошую цену за эту великолепную имитацию. Если же я проведу этой иглой и останется царапина, вы не получите даже пяти золотых монет. А можете получить все пятьдесят».

Рида стойко выдержала его взгляд. Хозяин шатра вздохнул. Грубо, с размахом черкнул иглой по камню, словно по кремнию, желая добыть огонь, пригляделся, поднес лупу, посмотрел еще внимательнее – и Рида услышала уже знакомое, громкое «Ба!». Игла не оставила на сапфире и тонкой черточки.

– Сто семнадцать карат, быть такого не может, – шепотом пробормотал человек в чалме.
– Сознайтесь, ведь это подделка!

Рида покачала головой.

– Последние россыпи, где находили сапфиры в шестьдесят пять карат – он сделал паузу, – закрылись на севере Арибо почти пятьдесят лет назад. Откуда у вас этот камень?

– Я же сказала. Он достался мне от матери.

– И кто была ваша мать, позвольте спросить?

– Моя семья до замужества принадлежала к восточным кочующим племенам – инокезам.

На этот раз Рида не врала. Не видела необходимости. К инокезам относилось туча племен, маленьких и побольше, которые давно осели по разным городам, что выросли на границах пустыни, и проверить, из какой семьи она была родом, никто бы не смог. Она же надеялась, что искренность в ее голосе тронет сердце хозяина шатра и он предложит хорошую цену. Но хозяин шатра пожевал нижнюю губу, покрутил камень и твердо заявил:

– Я могу дать вам сто золотых. Это в два раза больше, чем вы получите за хорошую имитацию. Никто другой, уверяю вас, не предложит вам больше.

– Но он стоит в десятки раз дороже.

– Я знаю. Но это, если камень настоящий.

– И разве вы не проверили, что он настоящий?

Хозяин шатра закусил верхнюю губу и обнажил белые зубы.

– Дочка, – начал он мягко и вкрадчиво, – нынче выращивают такие подделки, что мне остается только разводить руками. Если бы Великий бог солнца и луны даровал мне магический дар и я бы мог видеть камни насквозь, я бы знал точно, настоящий твой сапфир или нет. Но Великий бог не дал мне такого дара, – он поднял глаза в темному заостренному потолку шатра, – и я не вижу правды. Ты можешь попытать удачу в столице далеко на юге. Но идти туда одной, с маленьким ребенком и с такой ценностью – хорошо, если ты и твоя девочка доберетесь живыми. Мой тебе совет – возьми сто золотых. Для такой женщины, как ты, это целое состояние.

У Риды сжалось сердце от его слов. Она рассчитывала получить по меньшей мере в десять раз больше и это была бы далеко не самая справедливая цена. Тысячи золотых ей бы хватило на год достойной жизни, пока она не устроится и ее дело не начнет приносить доход.

Рида сомневалась. Ей не хотелось продавать такой крупный камень там, куда она держала путь. Она не желала, чтобы ее новые соседи знали, что ей могли принадлежать настолько дорогие вещи. Она надеялась затеряться среди жителей среднего достатка в одном из горных, южных городков и прожить тихую жизнь, воспитывая дочь в любви и заботе. Но сто монет рушили ее надежды, выжигали их также безжалостно, как непредвиденная засуха уничтожает посевы пшеницы и риса.

На сто монет она могла лишь снять сырую, полуподвальную комнату и ей бы пришлось жизнь впроголодь, чтобы денег хватило хотя бы на два месяца. Она не хотела такой участи для дочери. Но и мотаться по пустыни, а следом долго идти по пыльным дорогам до столицы тоже было опасно.

Рида вдруг поняла: перед ней сидел опытный делец. И этот человек не уступит ей ни одной монеты сверху, сколько бы она ни просила. Он угадал ее положение и пользовался этим. Он не сомневался в ее согласии – и уже держал сапфир в руках так, словно купил его и расплатился за покупку. Поглаживал, покручивал его, любовался блеском, как будто желал в нем умыть свое холеное лицо. Мысленно он уже подсчитал прибыль и довольно улыбался своей сметливости и удачливости, пусть улыбка и не отображалась на его безэмоциональном, скрытом словно под маской лице.

Рида беспокойно прокручивала в голове оставшиеся возможности. Старалась не замечать злого сопения дочери, которая сидела рядом, уткнувшись ей в плечо, не смотрела на хозяина шатра. Она размышляла о том, что пастухи-кочевники, которые собирали скраб на улице, могли бы перевести ее через Розовые пески к следующему оазису и она могла бы дожидаться там других скупщиков драгоценностей. Но этот оазис казался ей слишком близко расположенным к Кандове, городу на склоне гор, который она выбрала для нового дома. Вернее было отправиться на восток, вглубь пустыни, но идти пришлось бы одним. И могла ли она рассчитывать на порядочность человека, что сидел напротив нее? Не захотел бы он догнать ее и отобрать силой то, что она отказалась ему продать?

Мысли Риды суетливо сменяли одна другую – и вдруг шорох шагов за спиной грубо оборвал их. Рида непроизвольно вздрогнула, почувствовала, как дочь резко оторвалась от ее плеч, оставив на платье влажный след там, где касалась его губами, и обернулась.

В шатер вошел высокий мужчина в свободном песчаного цвета платье и платке на голове вместо чалмы. Выглядел он гораздо моложе своего соплеменника, что сидел за столом, и, по уверенности шага Рида догадалась, что он был гораздо выше его по статусу.

Если бы не беспечный, мальчишеский взгляд можно было бы сказать, что он недурен собой. Черты его лица казались правильными и гармоничными, Рида даже сказала бы точными, словно опытный скульптор мастерски вырезал их из камня, хотя их ни в коем случае нельзя было назвать женственными. Они носили отпечаток мужественности и ответственности и это еще сильнее не вязалось с ветреностью его взгляда и вызывало удивление, даже любо-

пытство. Ведь он явно был хозяином этого шатра, всех камней, что здесь продавались и покупались, и человека, которого Рида по ошибке приняла за главного.

Мужчина остановился около сундуков, окинул Риду и ее дочь взглядом, и с нескрываемой иронией спросил:

– Это и есть твои загадочные продавцы, Мерод? Действительно страшно представить, во сколько мне обойдутся их товары, которые ты так расхваливал.

– Что вы, мой господин, – суетливо замахал Мерод руками. – Разве я бы не посмел вас беспокоить из-за такой мелочи! Женщина случайно забрела в мой шатер. И она уже уходит.

Молодой господин рассматривал сапфир старательно, с невозмутимым выражением лица, но к хитрым игрушкам Мерода не прикоснулся. Рида заключила, что он не знает, как их применить. Относится к той породе торговцев, которые занимаются только денежными делами, а оценку товаров доверяют подручным. Она мысленно произнесла благодарность судьбе, что удача не отвернулась от нее. Подарила второй шанс. Вдруг с этим человеком ей удастся лучше договориться.

– Господин, этот камень достался мне от покойной матушки, – сказала она. – Это большая ценность в нашей семье. Он принадлежит нам уже сотни лет.

– Сотни лет? – молодой хозяин посмотрел на Риду с сомнением, наклонился к ней чуть ближе и она заметила, какого необычного, песчаного цвета у него глаза, словно сама пустыня жила внутри этого человека.

Мужчина сощурился и стал внимательно изучать лицо Риды. Она не отвела взгляд и он заодно, по-мальчишески хохотнул.

– Признаться, я впервые вижу такой крупный сапфир. Не думал, что такие существуют. Что скажешь, Мерод?

– Вы правы, мой господин, – подобострастно ответил подручный, сложил руки на животе и учтиво склонил голову. – Такие крупные камни не могут быть настоящими. Я уже назвал госпоже хорошую цену, на которую она может рассчитывать. Полагаю, она примет ее. Лучшего предложения ей не сыскать во всей Арибо.

– Это так? – обратился молодой хозяин к Риде. Но она молча опустила голову. – Сколько же ты предложил ей, Мерод?

– Сто золотых монет, господин.

– Сто золотых монет, – произнес задумчиво молодой хозяин и Риде показалось, что он не одобряет названной цены.

«О Великий бог, благодарю тебя!» Она затаила дыхание и напряженно ожидала ответа. Но когда подняла голову и случайно встретила взгляд со своим возможным благодетелем, то поняла, что надеется напрасно.

Интерес к ней и ее необычному камню боролись в нем с нескрываемым пренебрежением. Этот человек презирал таких бедных, безродных существ, каким посчитал ее: без дома, без семьи, без поддержки. Он полагал, она недостойна его общества, но оттого его интерес лишь усиливался. Почему такая, как она – та, что носит платье нищенки – владеет настолько красивой, редкой вещью, как этот сапфир? За половину стоимости этого камня можно было купить и ее, и ее дочь.

Выбирая платье, Рида хотела стать неприметной, слиться с кочевым народом, что скитался по пустыни от оазиса к оазису. Она не подумала о том, что вместе с тем станет слабой и беззащитной и должна будет следовать этому представлению о себе, куда бы ни направилась. Прояви она сейчас характер – ее растоптали бы такие люди, как этот молодой хозяин, только чтобы подтвердить свое право топтать тех, кто ниже их по положению. Рида знала это, она девять лет прожила в окружении таких людей. Потому не сказала ни слова – заставила себя опустить голову и сделала вид, что ничего не увидела и не почувствовала.

– Полагаю, ты хотела получить больше, – произнес молодой хозяин. – Сколько в нем, Мерод? Сто карат, сто десять?

– Сто семнадцать, мой господин.

– О, это и правда большая ценность... Где твой муж? – сменил он резко тему разговора. – Почему ты идешь по пустыне одна, да еще с ребенком? Это твоя дочь или сестра?

Рида, почувствовала, как девочка крепко вцепилась в ее руки и прижалась к спине всем телом.

– Это моя дочь, – ответила она твердо. – Мой муж погиб и мы идем на юг, чтобы найти новый дом.

Молодой хозяин кивнул, недолго подумал, покрутил в руке камень и наконец сказал:

– Хорошо. Заплати ей, Мерод... Тысячу золотых монет.

Рида резко вскинула голову, удивленно заморгала и с трудом удержалась от улыбки. Почувствовала, как рядом встрепенулась дочь, отпрянула и снова прильнула к ней. По телу Риды разлилось волшебное, окрыляющее чувство.

– Но, мой господин, он столько не стоит! – воскликнул Мерод, охлаждая ее радость.

– Он стоит гораздо дороже и ты это знаешь.

– Клянусь, он не настоящий, мой господин. Не рождены Великим богом такие горы на земле Арибо, чтобы дарить сапфиры в сто семнадцать карат.

– Вот мы это и узнаем. В столице.

– Но, м-мой господин! Так, п-поздно же б-будет. – Мерод чувствовал, что проигрывает, и все больше суетился, но отступить не желал. – Как мы искать ее будем п-по всему Арибо?

– Мы легко ее найдем. Женщина с ребенком и глазами зелеными, как малахиты, подобно тем, что вставлены в статую святой Марите в столичном дворце. Как много таких бродит по Арибо?

У Риды кольнуло в груди и она нервно облизала губы.

– Ты, верно, принадлежишь к инокезам? А точнее, к клану ритонов, что кочевали на северо-востоке и затем осели недалеко от северной столицы Гермен?

Рида торопливо поправила платок, чтобы он заметил ее иссиня-черные, тщательно перекрашенные волосы – цвет, несвойственный ритонам.

– Нет, господин, – ответила она, – моя семья жила на востоке ближе к югу, и осела в тех же местах, недалеко от города Фрозы.

– Вот оно что, значит, ты из наших земель, – задумчиво произнес он и принялся вновь разглядывать ее и дочь.

Она стала поправлять платок и черные локоны девочки. Старалась, чтобы это вышло неумышленно: словно она хотела, чтобы дочь не выглядела небрежно перед их благодетелем. Для убедительности она даже шепнула ей сесть ровнее и не щипать края накидки, которые уже сильно распушились по обеим рукам. Девочка промолчала, но ее живот издал громкое урчание, словно возразил несправедливым упрекам.

– Мерод, – обратился молодой хозяин к прислужнику и тот встрепенулся и вопросительно глянул на своего господина. – Деньги.

– Деньги?

Прислужник скривился и попытался снова возмутиться, но замолк на полу слове – хмурый полез в сундуки, что стояли бок о бок, образуя стол, и принялся отсчитывать золото, исподлобья поглядывая на Риду.

«Добилась своего, лиса хитрая, – читалось в его взгляде, – смотришь зелеными глазами, словно ненастоящими, а вставленными, у, ведьма; не золото тебе положено — на костер тебя надо».

Рида затолкала дочь за спину, защищая от недобрых глаз Мерода. Сама же села ровно и стала ловить его взгляды исподлобья, отгоняя проклятья.

– Что ты там возишься? Дай сюда. – Молодой хозяин выхватил у Мерода холщовые мешочки, перекинул с руки на руку, выбрал один побольше, добавил другой поменьше и протянул оба Риде. – Здесь ровно тысяча. Пересчитай, если желаешь.

Рида кивнула, но пересчитывать не стала. Спрятала деньги в кожаную сумку и поднялась с подушек. Она заметила изношенные крепления на браслете молодого хозяина, когда он протягивал ей деньги, но одернула себя и говорить об этом не стала. Попрошались, взяла дочь за руку и направилась к выходу из шатра, за откинутой тряпичной дверью которого уже темнело вечернее небо.

Она была благодарна судьбе за ее благосклонность. За ее подарки, когда та посылала ей в помощь честных и благородных людей или заставляла даже таких, как этот молодой хозяин, проявлять свои лучшие качества. Беспокоилась Рида лишь о том, что, стремясь продать сапфир дороже, она рассказала о себе больше, чем собиралась, и привлекла внимание. Ей следовало быть осторожнее. И она правильно поступила, что промолчала, когда заметила поломку на браслете. «Он достаточно богат, чтобы купить себе новое украшение, а ты слишком уязвима, чтобы жалеть подобных ему».

Она уже почти переступила порог шатра, чувствовала, как вечерний ветер коснулся ее кожи и заиграл в волосах – но тут в шатер влетел взмыленный, взлохмаченный мужчина и чуть не сбил ее с дочерью с ног. Заставил отойти в сторону и она остановилась оправить платки и накидки себе и дочери, краем глаза наблюдая за гостем. Длинные по плечи волосы мужчины торчали мокрыми, некрасивыми паклями. Платье перепачкалось в грязи и песке и местами затвердело, накидка порвалась почти до пояса. Он подлетел к сундукам, упал коленями на подушки перед молодым хозяином и, тяжело дыша, быстро заговорил:

– Простите меня, господин. Я опоздал. Я загнал двух лошадей и трех верблюдов. Но вы только посмотрите, что мы нашли в тех горах на западе Арибо.

Рида услышала, как мелкие камушки посыпались на кожаную набивку сундуков, и следом увидела, как разлилось красное, переливчатое сияние. Слишком яркое для самоцветов, даже самых дорогих и редких. Любопытство опытного ювелира взяло верх и, удерживая дочь за спиной, она осторожно шагнула в сторону мужчин, сидевших на подушках.

– Какой глубокий насыщенный цвет! – восторгался Мерод, рассматривая камни один за другим под лупой на свету лампы. – Это превосходные рубины, мой господин. Нам невероятно повезло, что прииск еще не купили. Ведь еще не купили?

– Нет, господин, – заверил гость. – Они ждут ваш ответ, как было оговорено.

Рида с интересом разглядывала камни, остановившись поодаль, дочь тихонько стояла рядом и привычно прижималась к ее спине. Их никто не замечал, мужчины слишком увлеклись беседой и рубинами, которые лежали на сундуках яркой россыпью, чтобы смотреть по сторонам. Камни были не слишком мелкие, не слишком крупные – все, как любил Мерод – идеального размера: ровно такие, что обычно находят близ горных рек вокруг пустыни. Вот только они не были настоящими.

Рида видела это также четко, как темное, звездное небо за шатром минуту назад, когда направлялась к выходу, или как сейчас наблюдала склоненные над сундуками головы мужчин, макушками почти соприкасающиеся в центре, или как сразу при входе заметила пустые, темные стены шатра, на которых лампы рисовали большие, светлые круги. Она ждала, что Мерод применит свои диковинные игрушки и тотчас громко заявит, сокрушаясь: «О, мой господин, это же подделка, дивная подделка, нас пытался обмануть этот негодяй», – и гостя погонят прочь, осыпая проклятиями. Но Мерод проверил несколько рубинов и, напротив, подтвердил их подлинность. Его иголки из кожаного чехла не оставили на камнях ни тоненькой черточки. И это удивило и печально озадачило Риду.

Корунды, к которым относились рубины и сапфиры, всегда отличались высокой твердостью, а их подделки были мягкими и сталь легко оставляла на них порезы и царапины. Вышло, что Рида ошиблась – но она никогда не ошибалась, если речь шла о камнях и металлах.

– Когда ваши хозяева хотят получить плату за прииск? – спросил молодой хозяин и взял с сундука еще один рубин, покатался его в пальцах и глянул сквозь него на свет.

– Они велели передать, что хотят получить десять миллионов вперед, господин. И еще десять миллионов в течение трех дней и не днем позже, – ответил поздний гость.

Молодой хозяин покачал головой.

– Это большие деньги, – сказал он с сожалением. – Мне понадобится время, чтобы их собрать. Я могу заплатить пятьсот тысяч сейчас, шесть миллионов через пять дней и остальные деньги еще спустя неделю.

– О, господин, – запричитал гость, – мои хозяева все понимают. Но они хотят видеть серьезность ваших намерений.

– Я оставляю в залог купчую на три моих магазина, – предложил молодой хозяин. – Этого будет достаточно для подтверждения моих намерений?

Гость склонился в подобострастном поклоне. Он никак не мог согласиться на предложение хозяина шатра. И Рида понимала почему. Мошенник не успел бы продать магазины в такой короткий срок, а через полторы недели его обман мог бы раскрыться.

– Боюсь, господин, – сказал гость, – мои хозяева захотят искать других покупателей. Их уже осаждают предложениями – и лишь данное вам слово не позволяло им принять их. Покупатель из столицы... – Он запнулся. – Простите, господин, мне не следует говорить большего. Но боюсь, если вы сейчас откажетесь, вы потеряете прииск.

– Ну, что ж, – ответил молодой хозяин и Рида уже обрадовалась, что ее благодетель, сам того не ведая, отвел от себя несчастье.

Но вдруг Мерод дерзко выхватил из рук своего господина камень, поднес его под яркий свет лампы и нарочито медленно, с сильным нажимом провел иголкой. Снова поднес к свету и выдал коронное «Ба!».

– Истинный корунд, мой господин! Истинный! А этот глубокий, насыщенный цвет! А как он искрится переливами подобно алмазу! Вы только гляньте на его фиолетовый отлив, подобный голубой крови! Истинно королевский камень, мой господин!

Он продолжал держать в руке тонкую иголку и Рида, не желая того, пригляделась к ней. Ответ на сложную загадку явился ей тут же. Это была не стальная игла, как та, которой Мерод проверял ее сапфир. Это была мягкая иголка из белого золота, которая не оставила бы след даже на стекляшке или дешевом кварце. Двое мошенников сговорились, чтобы обмануть богатого, неопытного торговца. И уже были на полпути к успеху.

Но почему Риду это должно было беспокоить? Она получила свою разгадку и ей следовало убираться из шатра, пока ее не заметили. Словно в подтверждение этих мыслей, дочь, уставшая и голодная, легонько дергнула ее за рукав, а пастухи-кочевники, которые собрали пожитки на улице, прокричали, что отправляются в дорогу. Однако Рида никак не могла уйти.

Речь больше не шла о недорогом золотом украшении, которое могло затеряться в барханах, упав с руки ее благодетеля. Двадцать миллионов золотых монет были огромными деньгами. Рида никогда не испытывала нужды: ни в детстве, ни выйдя замуж. Но в ее представлении лишиться таких денег даже богатому человеку было сродни вмиг остаться без дома, магазинов, лавок на базаре и мастерских. А у молодого хозяина могла быть семья: жена, дети, родители. Им бы пришлось влачить такое же нищенское существование, как ей сейчас с дочерью. Риду раздирали сомнения.

Она не могла сказать правду: ей бы никто не поверил и только Великий бог знает, чем бы закончилось ее вмешательство. Но заставить себя уйти она тоже не могла: ноги ее не слушались, когда она пробовала сделать шаг, в груди болезненно щемило, и внутренний голос без

конца твердил, что она проявит черную неблагодарность, если не поможет человеку, который спас ее от беды.

Молодой хозяин молча перебирал и рассматривал камни, склонившись над сундуками. Двое других мужчин внимательно следили за ним и терпеливо ждали ответа. «Сейчас они поднимут случайно голову, увидят меня и погонят прочь, – говорила себе Рида, – и уже ничего нельзя будет изменить». Она должна уйти немедленно или остаться и указать на обман, если желала помочь. Сейчас или никогда. Рида окинула взглядом мужчин и фальшивые рубины на сундуке, шагнула назад и почувствовала, как дочь торопливо отскочила в сторону – нет, ее девочка не должна видеть, как несправедлив этот мир. Пусть знает, что за добро платят сторицей.

Рида сосредоточила взгляд на камне, лежащем на краю ближнего к ней сундука – и тот еле заметно покачнулся, чуть сдвинулся вперед и соскользнул вниз. Беспшумно ударился о шерстяной ковер и принялся ловко маневрировать между ворсинками. Подкатился к Риде и замер у ее ног. Идеальное перемещение, совершенное исполнение ее воли. Однако его слишком рано заметил молодой хозяин. Он поднял голову от камня и удивленно уставился на Риду. «Что она здесь все еще делает?» – говорил его взгляд. Разговор утих и Риду наконец заметили остальные мужчины. Все трое замерли в недоумении, разинув рты и сведя брови к переносице.

Рида торопливо поклонилась в извинении. Прикрыла лицо платком, перехватила руку дочери, всем видом показала, что собирается покинуть шатер – и словно нечаянно, в спешке, наступила на камень, лежащий перед ней. Встала на него посильнее, разве что не подпрыгнула. Задержалась подольше. Она старалась не смотреть на мужчин, пусть и чувствовала, как они тянули к ней руки в немом восклицании: «Поди прочь с камня, глупая женщина!» Она ждала. О, Великий бог, каким же долгим казалось это ожидание. Бесконечным. И вот он – щелчок. Резкий, нехарактерный для настоящего рубина. И она замерла. Ноги не убрала. Подняла глаза: мужчины сидели в оцепенении. Она заморгала, словно не понимая, что произошло. Поджала губы.

– Полоумная! Великий бог покарает тебя! – услышала она истошный вопль Мерода и лишь тогда убрала ногу.

Камень треснул вдоль и поперек, раскрошившись по краям маленькими блестящими кристаллами.

Рида постаралась придать лицу выражение глубокого раскаяния. Она принялась низко и часто кланяться, причитать, молить о нисхождении. Поймала взгляд молодого хозяина, сейчас вовсе не беспечный, а пронзительный и недоверчивый, и почувствовала, как внутри все сжалось, а сердце бешено забилося.

Но сомнения и испуг одолевали ее лишь мгновение. Вдруг камень у ее ног зашевелился, запрыгал, как тушканчик, и к немалому удивлению молодого хозяина резко взлетел к потолку шатра. Сбросил остатки стеклянной пыли, расправил маленькие красные крылышки, залетал вокруг ламп, закружил меж темных тканевых стен и с легким жужжанием унесся прочь в ночную пустыню. Воцарилась молчание. Мужчины смотрели друг на друга и больше не смотрели на Риду. И она схватила дочь, подобрала юбку длинной туники и опрометью бросилась из шатра вслед за красным жуком.

Ее не волновала, чем закончится эта история с фальшивыми камнями: ни для позднего гостя, ни для Мерода, ни для молодого хозяина. Но она надеялась, что пока они будут разбираться и искать виновных, у нее выйдет уйти далеко вместе с караваном пастухов-кочевников и ее не смогут отыскать, даже если соберутся.

Она примкнула к группе женщин с детьми, что шли между крайними верблюдами. Купила у них акульих лепешек и козьего молока накормить ребенка. И за весь долгий переход ни разу не посмотрела назад, даже мельком через плечо, чтобы случайно не выдать себя: не

подсказать своим возможным преследователям, что среди женщин в одинаковых одеждах она именно та, что устроила переполох в последнем шатре Фарезийского оазиса.

Лишь один раз за весь переход она позволила себе остановиться. Это случилось глубоко за полночь, когда небо озарилось ярким звездопадом Артосет – потоком метеоров из созвездия Лебеда. Это чарующее зрелище можно было увидеть только здесь, в Розовых песках Арибо. Рида уже и забыла, как это прекрасно. Маленькой Нати звездопад и вовсе был в новинку. Девочка запрокинула голову и смотрела на небо не отрываясь. Пастухи же не обратили на звездный дождь никакого внимания и не остановились ни на минуту, настолько они к нему привыкли. Караван пришлось догонять, карабкаясь по высоким барханам, как по горам. Рида с дочерью долго и тяжело дышали и кашляли, когда наконец достигли свою группу. И потом тихонько смеялись над своей неуклюжестью и неумением ходить по вязким пескам пустыни.

Однако смех смехом, а Риду так вымотала эта погоня за караваном пастухов, что она почти не чувствовала своего тела. И все же увидеть Артосет случайным путешественникам считалось хорошим знаком. Это дало ей надежду. Артосет обещал исполнение задуманного тем, кто не опустит руки и пройдет через трудности и неудачи. И Рида верила, что небесные камни исполнят предзнаменование. Ей даже казалось, что их обещание уже начало исполняться. Она прошла через немало трудностей и впереди ее ждал новый дом в чудесной Кандове на склонах южных гор. В сумке лежала тысяча золотых монет, а с сердца свалился тяжелый груз, когда она раскрыла обман с рубинами. Казалось, даже преследователи сбились с пути и ей с дочерью ничто не угрожает. И все же на следующий день ее сердце снова тревожно забилося.

После полудня караван остановился для отдыха и они с дочерью сели утолить голод лепешками и остатками козьего молока, позволили себе подремать час-другой в тени деревьев под журчание подземной реки, которая чудесным образом выходила на поверхность в этих местах и образовывала небольшой оазис. И Нати поела и привычно принялась за расспросы. На людях она стеснялась разговаривать, но, когда они с Ридой оставались одни, ее почемучкам не находилось конца. Они сыпались из нее, как зерна из стручков созревшей фасоли.

– Мама, – сказала она, лежа на плече Риды, – а тот красный камень, что улетел – он был настоящим жуком, да? Как божья коровка, только без кружочков?

Рида подтвердила.

– Но те дяди как будто не все удивились. Как будто удивился только один, а остальные испугались. Они что, хотели его обмануть?

Рида не удержалась от улыбки. Дочь не унаследовала ее талант тонко чувствовать камни и металлы и управлять ими, но росламышленной девочкой. И Рида жалела лишь о том, что она растет слишком быстро и запомнит их скитания и трудности. Она хотела, чтобы Нати подольше оставалась маленькой и начала взрослеть, лишь когда их жизнь наладится. Когда в доме воцарится счастье и довольствие, а в сердце наступит покой.

– Но ты ведь тоже знала, что камень – это жук, да? – не отступала Нати. – Ты нарочно подкатила его и наступила?

– Почему ты так решила? – Рида обеспокоенно приподняла голову и посмотрела на дочь. Нати пожала плечами.

– Я думаю, что ты бы так смогла, – сказала она уверенно. – И я бы хотела, чтобы ты так сделала. Ведь тот дядя, он же нам помог, да?

Рида сжала руку дочери.

– Нати, – постаралась она сказать серьезно и строго, – пообещай мне одну вещь, милая.

– Какую? – В маленьких черных глазах дочери заискрилось любопытство.

– Пообещай, что ты никогда, слышишь? никогда-никогда никому не расскажешь эту историю. Ни о нашем большом синем камне, ни о маленьких красных камнях-жуках, ни о дяде, который нам помог, и тем более о том, что я сделала, как тебе показалось, хорошо?

– Хорошо, но почему?

– Потому что я тебя об этом прошу, вот почему. Обещаешь? – Нати кивнула.

И Рида поцеловала ее в щеку и крепко обняла – А теперь спи, моя радость. Через четыре часа уже вставать.

Она закрыла глаза.

– А я смогу делать также, как ты с тем камнем-жуком, когда вырасту? – пробурчала Нати засыпая.

– Нет, – ответила Рида и погладила ее по руке.

– А почему? – Потому что ты другая, милая, и у тебя будет другая жизнь. Но самая-самая счастливая. Обещаю тебе.

Рида ненавидела свой магический дар, при всей его силе и возможностях. Она давно мечтала отыскать способ избавиться от него и тайне благодарила Великого бога, что тот пожалел ее дочь и не наградил магическими способностями. Он подарил ее девочке шанс быть счастливой. Тот шанс, которого никогда не будет у нее самой. И казалось, большего подарка бог не мог бы сделать. Хотя Рида не отпускала надежду, что однажды у нее выйдет осуществить свою мечту и стать обычным человеком – и тогда, быть может, ей тоже повезет стать счастливой. Но сейчас она могла думать лишь о том, чтобы заставить свой дар приносить золотые монеты и у нее не было права на ошибку. Она с любовью посмотрела на спящую дочку.

– Господин, мы отправляемся! – громко позвал Юсуфа слуга-колдун. – Что вы там усмотрели, в этих барханах?

Юсуф наконец отвлекся от созерцания темно-рыжих песчаных гор, в сторону которых исчезла недавняя гостья. Какая необычная женщина, слишком красивая для нищенки: гладкая, чистая кожа и удивительные малахитовые глаза. А как ловко она обращается с самоцветами! Да и приторговывает занятыми вещами. Сапфир-то ее не разколится и не улетит? Юсуф достал из внутреннего кармана последнюю покупку и внимательно осмотрел. Хмыкнул, не обнаружив изъяна, и вернул за пазуху.

– Господин, животные устали ожидать, а впереди путь в тысячи миль. Разве годно по жаркому солнцу топтать пески, если...

Юсуф не дослушал, развернулся и направился к своему верблюду. Если эта женщина продала ему фальшивку или он переплатил за ее камень, он отыщет ее, даже если она провалится сквозь землю, и она заплатит за каждый утеранный золотой.

Глава 1

Первый месяц жизнь Риды в Кардове текла размеренно, пусть не без мелких трудностей. Маленький домик, который она сняла в верхней части города, был светлым и уютным. В нем не нашлось места для внутреннего двора, но был второй этаж и сам дом располагался в конце длинной живописной улицы, на плато у обрыва. Плато словно крыша нависала над городом у подножия горы и пустыня, которая начиналась сразу от его стен, напоминала золотой океан, когда Рида смотрела на нее из окон своего дома. Ей доставляло удовольствие любоваться золотистыми волнами, особенно при ярком солнечном свете. Нравилось ей, и что дом стоял в тихом, отдаленном от центра месте и обошелся в незначительные пятьсот монет в год. Но Рида рисковала, снимая его. Сейчас, спустя месяц, она понимала, что переживала не напрасно. Ее мешочки с золотыми монетами изрядно потеряли в весе.

Кардова слыла городом ремесленников и путешественников. Нижние кварталы никогда не спали: караваны приходили и отправлялись и днем, и ночью. Лавки, чайные и ханы близ городских ворот не закрывались круглые сутки и заработать приезжему мастеру здесь было куда проще. Но случайный путешественник из родного Гермена мог легко заприметить Риду. В горах среди местных она оставалась в большей безопасности, однако и заработок давался с трудом. Рида крутилась, как могла. За это и навлекла на себя беду, как потом полагала.

На ее улице стояло четыре ювелирные лавки. Товары они продавали в основном местным жителям или более крупным мастерским и магазинам из центра. Потому порой за покупателей разгорались яростные сражения. Хозяева лавок лишь на людях относились друг другу с почтением, а за глаза осыпали проклятиями и молились Великому богу и богиням ремесла и удачи, чтобы соперников постигло несчастье, они закрыли свои мастерские и уехали в места подальше.

Боги, должно быть, не всегда слышали эти молитвы или не обращали на них внимание. Спустя месяц бесплодных поисков Рида наконец получила свой первый крупный заказ. Это был договор на изготовление партии чеканных пуговиц из червленого серебра и меди для богатой лавки недалеко от городских ворот. Деньги небольшие — всего пять золотых монет. Но здесь, в Кардове Рида еще ни разу не получала столько от одного покупателя. Она вся светилась от счастья, возвращаясь домой с задатком в две монеты. Замечала, как мужчины оборачиваются на нее, долго глядят вслед, а женщины, напротив, с недовольством поджимали губы. Но она наслаждалась своим счастьем и позволила себе не думать о последствиях в этот чудесный, солнечный день. Однако последствия не заставили себя ждать.

— Откуда ты только такая взялась? — бросила ей уже на следующий день хозяйка соседней ювелирной мастерской, когда Рида проходила мимо нее. — Ты думаешь, я не вижу, что ты каждый день подкрашиваешь свои волосы? Какие они у тебя там настоящие: рыжие или русые? От кого ты бежишь и прячешься, лиса? Убила кого, видать? Мужа своего, видать? Тоже мне, вдова. Видела я таких вдов: от своих мужей избавились и теперь на чужих засматриваются и покупателей чужих воруют.

Хозяйка мастерской, женщина крупная, сбитая, вечно в темных одеждах и платке, замотанном с головы по самую грудь, яростно плеснула под ноги Риды чан грязной воды. Рида еле успела отпрыгнуть. Хотела ответить скандальной женщине, что чужие волосы — не ее забота и она, Рида, не засматривается на чужих мужей и своего не убивала. Он жив и здоров, к ее несчастью. Но промолчала и не стала затевать ссору. Правду о ее муже знать никому не следовало. А со спесивыми и нахальными сплетницами спорить всегда выходило себе дороже. Рида это хорошо знала. У ее мужа жил целый гарем таких скандалисток и интриганок.

Однако слова соседки долго не выходили у нее из головы. Работа в мастерской не заладилась: инструмент валился из рук, воск не принимал форму, точильные камни не точили —

и Рида оставила заготовки, подошла к окну и стала вглядываться в даль на блестящие барханы Арибо. Песчаные волны сегодня переливались и искрились так, словно солнце подняло из недр земли россыпи желтых алмазов и бериллов. Пустыня была красивейшим местом, если смотреть на нее с безопасного горного плато, но она превращалась в суровый край для тех, кто решит ее пересечь или жить среди песков.

«Никто не подумает искать меня в Кардове, – убеждала себя Рида, – только бы я сама себя не выдала».

Как дурная женщина заметила краску на ее волосах? Рида даже хну не покупала на базаре, собирала сама, вставала для этого на два часа раньше и отправлялась искать лавсонию. Она покупала лишь индиго, но его использовали не только в косметике. Понятно, что Маниша, так звали скандальную соседку, на нее злилась. Рида перехватила заказ, который мог бы достаться ей. Но семья Маниши давно уже держала лавку в Кардове и таких недорогих заказов получала немало. Маниша жадничала и болезненно переживала свой проигрыш.

«Ей придется смириться, – говорила себе Рида. – Найдет меня муж в Кардове или нет, будет неважно, если я не начну зарабатывать».

И казалось, ей удалось себя убедить: внутри вновь поселилась решительность, необходимая, чтобы рука уверенно держала инструмент. Рида уже собралась вернуться к работе, формы из воска следовало закончить не позже завтрашнего утра – но вдруг почувствовала руку на своем плече. Вздрыгнула, как от удара, и резко обернулась.

– Жасмин? – услышала она свое новое имя.

– Как ты думаешь, мне пойдут такие неброские недорогие вещи? — спросила Талия. Осторожно сняла с ажурной деревянной подставки золотую серьгу с крошечным сердоликом и поднесла к уху.

Талия была красивой, ухоженной молодой женщиной, чуть старше Риды, с длинными, темными, слегка выющимися волосами, которые она не любила убирать под платок, и маленькой игривой родинкой на правой щеке, которую подводила, чтобы сделать чуть ярче. Она умела выбирать себе наряды. Потому серьги с сердоликом смотрелись бы на ней прелестно, но неприлично. Ее муж держал три крупных магазина ковров в центре города и она не носила дешевых украшений, которые продавала Рида. За месяц знакомства она не купила в ее лавке ни одной вещи. Однако часто заглядывала и они смогли подружиться.

Обычно Рида была рада видеть подругу. Только сегодня выдался неподходящий день для приема гостей да и Талия вела себя странно. Подкралась со спины, напугала, словно хотела видеть реакцию, и теперь кружила по магазину от столов с кольцами к столам с ожерельями и браслетами, но не объясняла, что ей нужно. Рида пробовала намекать о незаконченном заказе на пуговицы, но Талия намеков не понимала и уходила отказывалась.

«О, Великий бог, – думала Рида. — За что ты послал мне этот день: словно солнце поднялось на западе, а сядет на востоке. Что мне делать с этой женщиной? Как понять, что она хочет и отправить ее домой?»

Талия вернула серьги на подставку и взялась примерить кольцо с сердоликом. Показала Риде и задала прежний вопрос. Не дождалась ответа, подскочила к подвескам и проделала то же самое.

– Почему бы тебе не взять все? — наконец предложила Рида.

Она не представляла, что могло произойти с Талией за два дня, которые они не виделись. Может, случилась неприятность в школе, где подруга работала учительницей младших классов? Может, ссора с мужем? Не дай бог, заболел ее ребенок. У Талии была дочь шестнадцати лет от первого брака, которая жила с отцом в другом городе. Наконец Талия могла наслушаться сплетен Маниши, с которой общалась, как и со многими торговцами в городе, и теперь пришла выяснить, что из этого правда, но не хотела спрашивать напрямую, чтобы не обидеть Риду.

– Ты могла бы купить все в этом магазине и сам магазин тоже, – сказала Рида, провоцируя на откровения.

Талия с пониманием улыбнулась, но сразу не ответила. Подошла к окнам, что смотрели на барханы Арибо, пошире раскрыла ставни, вгляделась вдаль и лишь тогда задумчиво произнесла:

– Знаешь, мой Фарух как-то сказал, что пустыню может понять лишь тот, кто в ней родился. Я никогда не пойму. А ты?

Рида опустила глаза. Скверный язык Маниши все же разнес сплетни по городу. Но она знала, что это могло произойти, и вопрос Талии ее расстроил, но не испугал. Она подошла и встала рядом.

– Я родилась и выросла в пустыне, – сказала она. Это никогда не было секретом. — Но я не уверена, что понимаю пустыню до конца. Я люблю пески, потому что они меня успокаивают и вдохновляют.

– Тогда почему ты здесь, а не там? — Талия посмотрела Риде прямо в глаза. — Почему ты уехала из того места, где жила?

Рида не раз отвечала на этот вопрос жителям Кардовы, с которыми знакомилась и те желали узнать о ней больше. В такие моменты она рассказывала о Фрозе, погибшем муже, о том, что на старом месте у нее не осталось близких людей и она решила перебраться в город покрупнее с большими возможностями. Но Талия слышала эту историю. Чтобы придумать для нее новую, Рида должна была знать, какую ложь разнесли по городу скверные люди. Она лишь боялась, что в Кардову пожаловали гости из Фрозы и случайно выдали ее, сказав, что никогда не встречали в родных краях зеленоглазую женщину из ювелирной лавки. Фроза располагалась в отдалении на юго-востоке Арибо, но была слишком маленьким городом, скорее, поселением, чтобы на Риду с ее яркой внешностью не обратили внимание.

Потому она, чуть подумав, спросила:

– Почему ты снова заговорила о моем прошлом?

– А почему ты так не любишь о нем рассказывать? — Талия не сводила с нее глаз.

– Я прошлое оставила в прошлом. Я приехала в Кардову, чтобы начать новую жизнь.

– Ты красишь волосы, мало о себе говоришь, ни с кем не общаешься – ты словно прячешься от кого-то, – обиженно сказала подруга. – И хуже всего, что когда ты поселилась в городе, появились те опасные синие огни над барханами по ночам.

– Я ни от кого не прячусь.

Рида говорила твердо, хотя эта уверенность далась ей не без труда.

Как же быстро они раскрыли ее маскировку. Должно быть, ее видели, когда она собирала листья хны. Но какое она имеет отношение к тем огням?

— Об огнях я тоже ничего не знаю, — заверила она. – Не я одна перебралась в Кардову месяц назад. Почему ты решила, что с огнями связана именно я?

– Одни купцы говорят, что огни – дело рук бандитов. Другие — что колдунов. Но все уверены, что в городе есть человек, который помогает нападать на караваны.

– И люди считают, что это я? — Рида не сдержала улыбки.

Ей было тоже любопытно, откуда взялись эти синие мерцания. Но вряд ли караваны гибли из-за них. И уж точно они гибли не из-за нее. Неужели у Маниши настолько богатая фантазия? Почему тогда лавка ее мужа до сих пор не процветает?

– Что ты улыбаешься? Это не шутки, – укорила ее Талия. — Много людей так думает и это нехорошо. Ты не получишь ни одного заказа от местных купцов, если слухи распространятся дальше. И я не смогу тебе помочь. Они могут даже не заплатить тебе за твои пуговицы.

– Думаю, эти огни и есть шутка, – ответила Рида, но улыбка исчезла с ее лица.

Она рассчитывала на деньги с заказа.

— Кто-то дурачит нас и смеется над нашими страхами, — попыталась она объяснить. — Какие бандиты станут предупреждать о том, что хотят напасть на караван, зажигая по ночам огни? Караваны и раньше гибли. Может, в городе, и правда, есть человек, который связан с нынешними нападениями, но это точно не я. Посмотри, как я живу. Какие камни использую в украшениях. Да если бы я разграбила четыре каравана, то уже давно бы перебралась в другой город, купила большой дом и лавку в самом центре. Зачем мне мозолить людям глаза?

Талия долго не отвечала. Отошла от окна и снова принялась бродить вдоль столов с украшениями.

— Почему ты мне не веришь? — не выдержала их напряженного молчания Рида.

Она хорошо понимала, что правда не имеет значения, если все верят в ложь. Ее муж был жестоким и жадным человеком, ставившим свои желания выше желаний остальных. Но все знали его, как великого генерала, выигравшего для страны немало сражений, и никто не хотел видеть иную правду.

— Я бы хотела тебе верить, — сказала Талия, — но... — Она опустила голову.

Рида ждала продолжения и ее взгляд невольно скользнул по ее новому дому: по выложенному яркой мозаикой ступенчатому потолку, по белым стенам, украшенным картинами и коврами, по огромной карте местности, оставшейся от прежнего хозяина, по резным массивным столам с украшениями, по глубоким альковым, которые она приспособила для демонстрации подарочных шкатулок. Она уже привыкла к этому месту и не хотела его покидать. Но если с ней откажутся работать, она не сможет остаться в этом городе. А как будет трудно Нати в школе из-за нелепых слухов. О, Великий бог! При мысли о дочери сердце Риды сжалось. Ее девочка снова будет страдать из-за жадности и жестокости взрослых.

— Хорошо, — тихо сказала она, не дождавшись объяснений Талии. — Если все настолько серьезно, то нам с Нати, и правда, лучше уехать.

Талия виновато посмотрела на нее. Немного подумала и вдруг предложила:

— Знаешь, а ведь я действительно могла бы купить весь этот дом. Тогда у тебя были бы деньги, чтобы начать на новом месте.

Это был очень щедрый подарок, достойный самого султана, и Риде захотелось обнять подругу, она с трудом сдержала себя. Но почувствовала, как в уголках глаз выросли крохотные капельки.

Талия, видимо, заметила ее слезы и махнула рукой.

— Я не только для тебя это делаю, — сказала она. — Ты слишком расчувствовалась. У тебя здесь столько розового кварца, амазонита и сердолика, что я надеюсь, если все это одену, то снова почувствую себя новобрачной. Или, может, мой Фарух перестанет называть меня никчемной дурехой каждый раз, когда я прошу принять в гости мою дочь.

Талия пыталась снова говорить с легкой небрежностью и игривостью, так ей свойственными. Но в ее голосе сквозила грусть и боль. Рида хотела бы подбодрить ее, сказать, что именно так все и случится. Но она знала, что ни один камень не вернет чувства, которые ушли. Она потратила годы и все свое магическое искусство, чтобы этого добиться, и у нее не вышло ничего. И все же она сказала:

— Ты можешь взять любое украшение, что тебе нравится, прямо сейчас. А я буду молиться, чтобы оно исполнило твоё желание.

Талия довольно улыбнулась. В глазах ее заискрились огоньки. У нее было достаточно денег, чтобы купить целый дворец в центре города, но Рида не раз замечала, что получать подарки ей нравилось куда больше, чем покупать дворцы.

Однако она отказалась от предложенного подарка и попросила совсем неожиданно:

— Мне очень нравится твой кулон. — Она мягко улыбнулась. — Если ты действительно хочешь меня отблагодарить, я бы выбрала его.

Рида непроизвольно поднесла руку к груди. Это был ее талисман. Как сапфир и другие камни он достался ей от матери, но с ним она не хотела расставаться. И он стоил больших денег, чтобы отдавать его в подарок.

Талия словно почувствовала сомнения Риды и поспешила с новым предложением:

– Я знаю, что он дорогой и я заплачу за него вместе с твоим домом.

Рида пыталась подобрать слова, чтобы вежливо отказаться, но мысли, как назло, рассыпались внутри ее головы, как горсть гороха по широкой миске

Талисман был сделан в форме небольшого шарика, украшенного множеством маленьких звезд и полумесяцев и сочетал в себе три камня: хризоберилл, циркон и аметист. И Рида ухватилась за эту единственную достойную отговорку.

– Тебе такой не пойдет, если ты хочешь сохранить брак, – серьезно сказала она. – Аметисты носят вдовы и те, кто хочет забыть старую любовь. Ты же не собираешься бросить своего Фаруха?

Она почти сразу пожалела о сказанном. Талия поджала губы, сузила глаза и бросила с вызовом.

– Собираюсь. Я развелась с первым мужем не для того, чтобы жить в слезах со вторым. Думаешь, у меня решимости не хватит?

Рида так не думала. Но Талия, казалось, задалась целью развеять любые ее сомнения и продолжила:

– Знаешь, в соседнюю лавку рядом с магазином моего Фаруха сегодня утром появился ищейка из палат султана. Как начал всех женщин в лавке за руки хватать и в лица им вглядываться. Кого там наш султан на этот раз себе в жены захотел взять? С карими, зелеными глазами? Может, с тремя бровями? Спасу от них нет, дорогая моя. — Талия в возмущении всплеснула руками. – Я этому наглецу бросила в лицо: «Да как вы смеете! Вы кто такие? А ну подите прочь!» А он мне: я еще никогда не видела таких шальных и нахальных — он меня генералами как стал пугать. Я его мерной палкой, да по шее... Так почему ты считаешь, что я не справлюсь со своим мужем?..

Рида дальше не слушала. Бросилась к дверям, словно в тумане.

– Ты куда? – крикнула ей вслед Талия.

– Нати, – только и вымолвила Рида.

– Я видела Нати на улице, она собирает цветы, – донеслось со спины. – Не волнуйся, я уже сказала моему Фаруху, а он передал стражникам. Этого человека поймают, допросят с пристрастием и расскажут, как следует себя вести.

«О, Великий бог, о богиня удачи, неужто вы отвернулись от меня!»

Рида столкнулась с Нати на пороге.

– Мама. – Большие черные глаза дочери, казалось, сделались еще больше. Ее голос еле слышно, испуганно шептал. – Ищет. – Она посмотрела за плечо Риды и запнулась. – Дядя большой и высокий по улице ходит и спрашивает. Он к тете Манише только что в лавку зашел.

Вокруг Риды все плыло: стены, лицо дочери, цветущие кусты акации за порогом дома, каменные ступеньки, дорожка, усыпанная мелким гравием. Что она говорила, что делала – она не осознавала. Вот, она стояла у двери, смотрела на перепуганную дочь – а мгновение спустя они уже сидели под большим, полностью закрытым с трех сторон столом у стены напротив входа и крепко прижимались друг к другу.

Этот стол служил Риде для записей, пересчета денег и хранения лишних шкатулок для украшений. Она клала украшения в одинаковые аккуратные коробочки, которые делала из дешевой древесины саксаулов. Их даже нельзя было назвать шкатулками, настолько просто они выглядели: шесть скрепленных квадратных дощечек и маленькая гравировка на верхней из них в форме букв «ЖГ» – что значило: украшения от Жасмин Гуляди. Сейчас вокруг Риды

рассыпалась вереница таких коробочек, но она смотрела на них и не могла понять: что эти деревянные безделушки здесь делают и почему на них вырезаны чужие инициалы.

Донеслись тяжелые шаги и она больше не видела даже их. Еще крепче прижала дочь к себе и обратилась с молитвой: «О, Великий бог и богиня дома и удачи Марите! Помогите, не дайте в обиду. Знаю, прошу слишком часто вашего заступничества. Но в последний раз. Спасите и уберегите меня и мою девочку».

Рида закрыла глаза. Ей тотчас представилось, какая страшная судьба ее ждет по возвращении в Гермен. Муж не заявит в суд, не обвинит в воровстве, но жизнь до побега покажется ей непостижимым счастьем. Участь Нати пугала больше всего. Муж всегда вымещал злость на ней. Потому в последние годы брака Рида никогда не перечила ему, она превратилась в самую послушную жену во всей Арибо. Она отказалась выполнить лишь одно повеление и оттого из госпожи превратилась в презренную служанку и пленницу в собственном доме.

Дрожь все сильнее пробивало тело и Рида отклонилась от боковин стола, чтобы ненароком не выдать себя. Постаралась дышать ровнее. Но ужас когтистыми лапами впился в нее и не отпускал. Ее убежище под столом вдруг стало таким крошечным, словно сжалось до размеров сундука.

Шаги остановились и Рида затаила дыхание. Теперь лишь деревянная перегородка отделяла ее от опасного человека.

– Чем я могу вам служить, господин? – услышала она уверенный голос Талии.

– Я ищу украшения. Что-то с сапфирами, нефритами и бирюзой.

Человек точно назвал те камни, что Рида взяла с собой, не считая ее талисмана. Не осталось сомнений, этот он разыскивал ее и Нати.

– Простите, господин, но здесь вы не найдете таких дорогих камней, как сапфиры. Все, что дороже кунцита – добротные имитации, сложенные из двух или трех камней или хорошо обработанный кварц с тонкой прослойкой серебра и золота.

Талия так подробно объясняла, словно всю жизнь прожила в ювелирной лавке.

– Но если вы согласитесь на что-то попроще, я могу предложить вам изумительные серьги из розового кварца и фианитов. К нему мы можем подобрать колечко. Или, если хотите, у нас есть невероятной красоты бусы из сардоникса. Цепочки из золота: белого, желтого...

Рида думала уже схватить Талию за край юбки, чтобы она не смела показывать этому человеку ее работы: он мог узнать гравировку или крепление камней или... да бог его знает, что бы бросилось ему в глаза. Но Рида не успела. Когда протянула руку, Талия уже шагнула в сторону и повела гостя смотреть украшения.

Они гуляли меж столов ее магазина, а для Риды время словно остановилось, обратилось вспять и вернуло ее на месяц назад. Она вдруг снова увидела себя в родном Гермене и снова пережила те дни, когда бежала из города. Она вспомнила, как пробиралась на цыпочках мимо уснувших стражников, опоенных травами, и вздрагивала от каждого шороха, как платила двадцать золотых монет беспризорным мальчишкам, чтобы они тайно вывели ее с дочерью за городские стены, как упрашивала крестьян спрятать их в своей повозке и довести до Сатмы, маленького городка у края северной части Арибо. Только перейдя границу, что пролегла по Фарезийскому оазису, она почувствовала себя в безопасности. Наконец добралась до Кардовы и впереди ее ждал целый месяц жизни, о которой она мечтала много лет.

«Я тогда смогла и сейчас смогу». Рида крепче обняла дочь. Нати сидела и даже не вздрагивала. Все-таки боги благословили ее: ее девочка росла умной, сильной и смелой.

Талия с искренним удовольствием показывала гостю украшения, разложенные на прилавках. Рида была ей благодарная за помощь, но ей все больше казалось: человек не уходит, потому что его не отпускали. Наконец Талия сказала:

– Простите, господин, но тогда мне больше нечего вам предложить. Вам лучше посетить магазины нижнего города. Они крупнее и товары у них богаче.

Теперь опасный человек должен был покинуть ее лавку. Рида с волнением ждала, когда услышит звуки удаляющихся шагов. Но она лишь услышала, как Талия мягкой поступью вернулась к столу. Человек не уходил.

– Это разве ваш магазин? — задал он грубый вопрос и Рида вздрогнула.

Талия ответила не сразу — Риде показалось, что прошла вечность, — но, когда она заговорила, ее голос звучал спокойно и уверенно.

– Да, магазин принадлежит моей семье. Вы пришли смотреть украшения, но решили купить целую лавку? Простите, господин, не думаю, что мы ее продадим.

– Ваше лицо мне сразу показалось знакомым, — ответил человек. — Я все думал, где вас видел. И теперь вспомнил: вы та женщина с нижнего города. Разве вы не стращали меня, что у вашего мужа магазины ковров?..

– И что? — оборвала его Талия. — Да, у моего мужа магазины ковров. Целых три магазина. Но почему у него не может быть еще и этой лавки? Почему вы решили, что я вас обманываю? «О, Великий бог, — взмолилась Рида. — Он сейчас догадается».

– Нет, вы не хозяйка, — сказал опасный человек и она вздрогнула. — Мне говорили, что у хозяйки этой лавки зеленые глаза и маленькая дочь семи лет. Я хочу говорить с хозяйкой. Пусть она выйдет. И пусть дочь свою тоже покажет.

Воцарилось молчание. И словно вместе со голосами исчезло все вокруг. Рида больше не чувствовала ни ковер под ногами, ни боковин стола, ни столешницы над головой. Была только тишина: вязкая, тяжелая, бесконечно долгая.

И вдруг среди нее раздался гневный голос Талии, но такой далекий, что Риде показалось, он звучит из другого мира.

– Что значит выйдет? Что это вам надо от моей невестки?

Человек не отвечал.

– Мне сказали, она вдова, — наконец раздался его голос также издалека.

– Мой брат погиб. И что? — ответила ему Талия. — Что вам нужно от честной женщины?

– Она недавно...

– Да, она недавно сюда перебралась. Ближе к семье. Из Фрозы.

– Я... Эта женщина сбежала от мужа и украла дочь...

– Уходите, господин, — отрезала Талия. — Потому что я тоже вас вспомнила и вспомнила то, как возмутительно преступно вы себя вели. Вы — гость в этой лавке. Я забыла прошлые обиды и проявила вежливость. Но видит Великий бог, если вы сию минуту не выйдете за эту дверь, я точно расскажу о вас мужу. А он очень уважаемый в городе человек. Вы не успеете оседлать своего верблюда...

Наконец раздались поспешные, удаляющиеся шаги и, когда они стихли, донесся лязг дверной щеколды и стук закрывающихся ставень. Рида открыла глаза. По ее щекам катились слезы. А она вся дрожала, как рябь на водной глади пруда.

Под руками зашевелилась Нати и внезапно Риду охватило жгучее чувство стыда за свой страх и слабость. Дочери не следовало видеть ее такой. Никому не следовало.

Она смахнула слезы, обняла и поцеловала свою девочку, чтобы это придало ей сил, глубоко вздохнула и стала медленно выбираться.

Талия стояла, подбоченясь, как истинная хозяйка этого места, когда Рида наконец поднялась с пола и виновато, но с благодарностью посмотрела на нее. Во взгляде Талии читался укор. Она желала получить объяснения. Она не могла не догадаться, что человек не врал о сбежавшей зеленоглазой преступнице. Но Рида знала, что подруга не поймет, если она расскажет правду, осудит ее и бог знает как решит поступить. Женщина, которая ушла после развода, оставив ребенка, как того велел закон, не сможет понять ту, что ребенка украла.

– Ты же этого не делала, правда? — спросила Талия строго.

Рида промолчала.

– Неужели я соврала зазя? Я обманула хорошего человека, который всего лишь выполнял свой долг?

Талия вскинула руки вверх.

– Тали...

Рида искала слова, чтобы ее успокоить, объяснить и нашла лишь один выход.

– Это не так, Тали. Ты правильно сказала: мы прячемся. Но только потому, что мой муж задолжал большие деньги перед смертью, – соврала она. – И они собирались продать нас с Нати, чтобы вернуть долг. Я продала лавку и клялась, что отдам остальные деньги – но они не желали ждать. Поэтому... – она сделала паузу, – поэтому мы сбежали.

Рида обняла дочь, что подошла к ней со спины и уткнулась в руку.

– Почему ты мне не сказала? — Талия продолжала хмуриться и все еще смотрела недоверчиво. – Сколько же денег ты должна?

Рида опасалась, что она об этом спросит и следом может предложить оплатить ее долг.

– Твоему мужу пришлось бы расстаться с одним из своих магазинов, – сказала она и быстро подошла и обняла подругу. – Милая моя, хорошая. Вовек не забуду, что ты сегодня сделала для нас с Нати. Если бы не ты, даже не знаю, что бы с нами было... Мы уедем, клянусь тебе. Растает, как облако в небе, – и все забудется.

– Все равно, ты должна была сказать... хотя бы мне, – бросила Талия с обидой и обняла Риду в ответ. — Что только люди не напридумывали... Мой Фарух даже пригрозил... Ах, сколько зла на этом свете...

Талия замолчала.

Они долго стояли, обнявшись втроем посреди комнаты и не говорили ни слова. Наконец Талия собралась уходить. И уже у дверей Рида остановила ее, сняла кулон и повесила ей на шею.

– Не возражай, – сказала она. – Пусть он бережет тебя так, как берег меня. Пусть хризоберилл все наладит в твоей семье, аметисты отгонят лишнее и подарят добрые сны, а цирконы пусть принесут магазинам твоего мужа богатство и процветание. Это меньшее, чем я могу тебя отблагодарить.

Она проводила подругу, отправила дочь наверх, велев сегодня и завтра не выходить на улицу, а сама до вечера кружила по дому, нигде не находя себе места, и впервые радовалась, что в лавку редко заглядывают покупатели. Она то и дело подкрадывалась к окнам, приоткрывала ставни и смотрела, не следит ли кто за домом. Но никого не приметила.

Смогла ли Талия прогнать опасного человека или он лишь затаился и вскоре вернется? Рида поняла, что не сможет спокойно уснуть этой ночью, если не узнает точно.

Рида уложила Нати, набросила темную накидку, повязала платок так, чтобы он закрывал большую часть лица и выскочила на улицу через заднюю дверь. Побежала вдоль дорожки, держась ближе к кустам акаций, что цвели в этих местах повсюду. Спустилась в нижний город, прошмыгнула по длинным, узким улочкам, где даже в поздний час продолжалась торговля и потому смешаться с гостями города не составляло труда. И остановилась у большой площади перед воротами, откуда обычно отправлялись караваны через пустыню. Рида прижалась к стене дома так, чтобы темнота полностью скрывала ее, и стала наблюдать.

Она терпеливо ждала. Час, два, может, даже три. Беспокойство и страх заставили забыть о времени. Наконец она увидела его – человека, который пришел их искать. Там, в магазине она так перепугалась, что не смогла опознать его по голосу. Но теперь она без труда его узнала. Этот человек служил в отряде ее мужа. Его звали Тамиль Амалык. Он охранял ее дом и Рида опоила его людей зельем, когда бежала из Гермена. Удивительно, что он сохранил голову на плечах. Рида с сожалением думала об этом. Но не потому, что желала Тамилю зла. Он нес

опасность для нее и дочери. Раз ему сохранили жизнь, он сделает все, чтобы отплатить за этот дар: не остановится, пока не найдет их.

Рида с облегчением вздохнула, когда Тамиль вскочил на верблюда и вместе с торговым караваном направился к воротам. «Теперь он еще не скоро вернется в Кардову, – подумала она. – Пока проверит все города, что раскинулись по границе Арибо, минет год или даже больше. Но куда он направляется и где успел побывать?» Рида обещала Талии уехать, но сейчас смотрела на отбывающий караван и понимала, что остаться было для нее безопаснее всего.

Она вернулась в дом. Подошла к постели спящей Нати, поправила одеяло и долго смотрела на дочь, прежде чем уйти в свою комнату и лечь спать. Однако сон не шел. Рида ворочалась, то не сводила глаз с темного потолка, то вставала, открывала ставни, закрывала и снова открывала. Она думала о пуговицах, о грязной воде в чане Маниши, о лжи, которую сказала Талии, о том, как Талия ее выручила, дважды за один день. Она вдруг осознала, что хотела бы стать похожей на нее: быть такой же смелой и решительной, доброй и честной. Но казалось, все в этом мире сговорились помешать ей это сделать.

«Я не смогу сдержать свое обещание», – с сожалением призналась себе Рида. Между двумя опасностями: что ее поймает муж и что ей придется нарушить слово — первое страшило ее куда больше. Но как она будет зарабатывать, если останется в городе?

Ей следует перебраться в нижний город, чтобы торговать с приезжими. Но где взять деньги на новую лавку? В холщовых мешочках, что она получила за сапфир, осталось меньше двухсот золотых монет. Под полкой еще лежал припрятанный белый нефрит — последний из трех драгоценных камней, что она получила в наследство от матери. И Рида согласилась, что его придется продать. Но сперва она разделит его на мелкие части. Не только потому, что камень слишком крупным. Бабушка учила: если однажды она поймет, что дар больше мучает ее и приносит лишь несчастье, и захочет избавиться от него, сперва она должна разделить свои камни. Рида точно следовала этому наказу.

Она продала сапфир тем торговцам у границы. Закопала бирюзу в песках Арибо недалеко от Фарезийского оазиса. И нефрит она собиралась оставить при себе. Но если она разделит его и продаст по частям, то она тоже выполнит наставление старшей. С этими мыслями Рида наконец провалилась в глубокий сон. Но он не принес ей облегчения. Ей вновь снились кошмары, как первые дни в Кардове. А утром, словно в продолжение дурных сновидений, ее разбудили громкие удары кулаком в дверь.

Глава 2

Из-за недостатка сна у Риды гудела голова, комната перед глазами кружилась. А из-за ночных кошмаров на сердце лежала тревога. Снизу снова донеслись тяжелые удары о дверь. Кто и зачем пожаловал в ее лавку в столь ранний час? За окнами только занималась заря.

Рида встала, но к дверям сразу не направилась. Отодвинула занавеску в соседнюю комнату и взглянула на спящую дочь. Прислушалась к ее мерному дыханию, сладкому посапыванию. Не хотелось будить Нати, зазря пугать. Казалось, все страшное забрал с собой Тамиль, когда покинул город, и бояться нечего. Может, это всего лишь кому-то срочно понадобилась ее помощь?

Рида, не спеша, спустилась, сдвинула тяжелый засов и толкнула двери.

На пороге стоял крепкий, плечистый мужчина в форменной одежде городских стражников. На поясе у него висела кривая сабля, украшенная агатами, а на руке внимание Риды сразу привлек перстень с таким же камнем. «Он пришел, как покупатель? — подумала она. — Но почему так рано?» Рида подняла голову — мужчина был очень высок — и вопросительно посмотрела на него.

— Жасмин-дайя? — громко спросил он низким голосом. Рида кивнула. — Я должен с вами поговорить.

«О чем поговорить?» — задала она немой вопрос.

Ей вдруг вспомнились слухи о синих огнях. Но не станут же они ее арестовывать из-за глупых сплетен?

— Вы же хорошо знакомы с вашей соседкой Манишей-дайя? — Тут уже сердце Риды забилося в дурном предчувствии. — Маниша-дайя сказала, что вы украли у нее дорогой камень.

Рида нахмурилась. Даже слухи об огнях казались ей меньшей нелепицей. Да как Маниша могла так нагло врать? Но эта ложь вдруг успокоила Риду. Маниша не сможет доказать, что она взяла ее камень, если она этого не делала.

— Я ничего не крада, — заявила Рида твердо. — Врешь ты все, зеленоглазая лгунья!

Из-за широких плеч стражника, словно из укрытия, вынырнула взбитая фигура Маниши, привычно закутанная в несколько слоев платьев и платков. Женщина уперла руки в бока и гневно продолжила:

— Ты его взяла, не отпирайся. Волосы перекрасила, лиса, — думаешь, никто о тебе не узнает? Не у меня одной наворовала, видать. Не верьте ей, господин. Вы бы слышали, какие слухи о ней ходят по городу.

Стражник шагнул в сторону, чтобы ответить Манише, и Рида также увидела за его спиной мужа скандальной соседки. В отличие от жены Рахмед был спокойным, скромным человеком, который знал и любил свое дело, и ненавидел женские склоки. За что Великий бог наказал его такой женой? Рахмед стоял, понурив голову, и молчал, словно чувствовал вину, но не знал, как вразумить свою благоверную.

— Мы во всем разберемся, госпожа, — сказал стражник.

— Господин, — обратилась к нему Рида. Хотелось побыстрее закончить это глупое представление.

На столе в мастерской ждали забытые накануне пуговицы и ими следовало заняться хотя бы сегодня, если она собирается побороться за право остаться в городе. Да и Нати следовало скоро будить и собирать в школу. Ей не стоило пропускать занятия, пока она еще могла их посещать.

— Я несколько дней не заглядывала в лавку Маниши-дайя, — объяснила Рида. — Я ничего не могла у нее взять.

– Ах, ты бессовестная! – вскрикнула Маниша на всю улицу. – А кто ночью, таясь ото всех, укрытая в покрывало с головы до ног, петлял по тропинкам?

Рида застыла.

– Великий бог все видит. Все твои дела дурные видит.

У нее даже слов не находилось, чтобы ответить. Она испуганно взглянула на стражника и он нахмурился от ее взгляда.

– Простите, госпожа, но я должен обыскать ваш дом, – сказал он и жестом показал разрешить ему войти.

Рида сделала шаг в сторону и пропустила его внутрь. Казалось, это был самый быстрый способ отправить завравшуюся соседку искать свои камни в другом месте.

– Только у меня дочь спит наверху, – попросила она. -- Я буду очень вам признательна...

Стражник с пониманием кивнул и зашагал по дому. Маниша сорвалась последовать за ним, но он ее остановил и велел дожидаться на улице. Она насупилась, нервно заломила руки, но приказа послушаться не решилась. Осталась стоять у порога, суетливо переминаясь на своих коротких, но чересчур резвых ножках, и браня шепотом мужа за его неуместную робость.

Стражник последовательно осмотрел все комнаты на первом этаже: самую большую, сейчас пустую, что служила выставочным залом, маленькую мастерскую, изучил все камни и украшения во всех шкатулках, сундуках и альковах, заглянул в еще одну комнату, что Рида приспособила под чулан, зашел на кухню. Наконец извинился и поднялся на второй этаж. Он проверил спальню, сундуки с вещами. Риде пришлось даже показать свои сбережения и лишь нефрит, спрятанный под полкой, она скрыла и поблагодарила бога, что догадалась положить камень отдельно.

Последним стражник заглянул в комнату Нати и дочь пришлось разбудить. Но это было меньшим из зол. Стражник ожидаемо ничего не нашел. Пожал плечами, извинился и Рида заставила себя ему улыбнуться. Казалось, опасность миновала, и она уже больше из любопытства спросила, а какой камень они разыскивали. Он ответил, что они ищут голубой турмалин в десять карат и это сильно удивило Риду.

Камень был пусть небольшой, но очень редкий и потому дорогой. С чего в такую мелкую лавку, как у Маниши, принесли настолько ценную вещь? И кто теперь будет за нее расплачиваться? Уж точно не хозяйка лавки.

Рида вдруг поняла, что сегодня не сможет вернуться к пуговицам, а Нати некому будет вести в школу.

Когда они спустились к дверям, у порога уже собралась добрая половина улицы: ювелиры из двух соседних лавок, Амир и Анвар, гончар, что обеспечивал посудой чуть ли не весь западный район верхнего города – дядя Марат, артисты: гадалка Зальха и заклинатель змей Матиф, ткач и кожевенник, с которыми Рида даже ни разу не успела заговорить – все они стояли за спиной Маниши и кто с укором, кто с любопытством и сочувствием смотрели на нее.

Маниша знала, что Рида не крада ее вещь. Рида не сомневалась в этом. Она также не была уверена, пропал ли камень на самом деле или Маниша спрятала его и выдумала кражу, чтобы опорочить соперницу. Но неужели сотня серебряных пуговиц стоили таких стараний? Рида не знала, как правильно поступить, и потому лишь внимательно наблюдала за людьми, столпившимися у порога ее дома. Она ждала, что же придумает Маниша, и надеялась, что найдет способ разоблачить ее ложь.

– Маниша-дайя, – сказал стражник, выйдя на улицу, – не думаю, что в этом доме спрятана ваша вещь.

Но Маниша, конечно, ждала этих слов и не думала с ними соглашаться.

– Продала она его, лиса, господин, – громко заявила жадная лавочница. – Не зря она ночью в нижний город спускалась. Накануне ходил по нашим домам приезжий и искал жен-

щину с зелеными глазами и маленькой дочерью. Посмотреть на него – вылитый бандит был, приспешник ее, видать. Приходил, долг требовать. Она моим камнем от него и откупилась.

– Да, что вы выдумываете! – не выдержала Рида. – Я даже не знала, что в вашу лавку принесли такой редкий камень.

– Вы посмотрите на эту бессовестную! – всплеснула руками Маниша. – Не знала она. Да ежели б мы знали, что у кого в голове творится... Господин, ведите ее к эмиру на суд. Это она перед нами хорохорится, а перед эмиром она живо признается.

Стражник долго хмурил брови, переводил взгляд с Риды на Манишу, обратно. Огляды-вал собравшихся людей.

Рида ощущала себя загнанной в угол. Маниша так ловко слагала свою ложь, что ей было трудно возразить. Она не могла сказать правду: почему приходил чужак ее искать и почему она ночью спускалась в город увидеть его. Она было понадеялась найти поддержку среди местных жителей, что продолжали собираться у ее дома. Они могли бы вступить за нее и сказать, что Маниша горазда на выдумки, когда задевают ее гордость. Но все молчали. И Рида догадывалась почему: она была чужой в этом городе и о ней уже всюду ходили пугающие слухи, а Маниша была своей, пусть скверной и сварливой, но все давно привыкли к ее дурному характеру и потому лишь старались держаться подальше.

Сзади незаметно подкралась Нати и привычно уткнулась носом в спину. И Рида обняла ее, крепко прижала к себе. Они вдвоем словно снова оказались в той крестьянской повозке, которая увозила их из Гермена или под тем столом в мастерской днем накануне. Только сейчас рядом не находилось никого, кто бы согласился их защищать.

Наконец стражник сказал:

– Госпожа, тот приезжий человек, которого вы упомянули, может подтвердить ваши слова?

– Так он уже уехал, господин, – развела руки Маниша. – Эта лиса заплатила ему и он поспешил покинуть город.

Стражник потер переносицу.

– Тогда, госпожа, не думаю, что эмир согласится судить человека на основании лишь ваших слов.

Крошечная надежда вспыхнула в груди Риды, но тут же растаяла.

– А какие еще слова вы хотите? Вон, мой муж тоже видел, как эта лиса ночью по улице кралась.

Маниша ткнула локтем Рахмеда вбок. Рахмед лишь молча шагнул в сторону и отвернулся. Стражник покачал головой. Маниша плюнула и продолжила:

– Тогда Талию спросите, жену Фаруха, что держит магазины ковров в нижнем городе. Эта бессовестная ей вчера такую брошь продала, что царям преподнести не стыдно. Откуда у нее такие редкие вещи? Разве редкие бериллы в тридцать карат могут водиться у таких?..

Маниша презрительно смерила Риду взглядом.

Рида вдруг подумала, а существовал ли этот голубой турмалин на самом деле. Что если Маниша выдумала не кражу, а сам камень. Выдумала из зависти: оттого, что у бедной чужачки в лавке продавались украшения, на которые она лишь засматривалась в магазинах внизу. Рида с мольбой устремила взгляд на Рахмеда: он-то знал правду. Но Рахмед случайно поднял глаза на нее и тут же их отвел. Ах, эти двое стоили друг друга: жена жадная и завистливая и муж, страдающий от ее жадности, но не умеющий ей возразить. И как было вывести их на чистую воду?

– Госпожа, вы действительно продали такую редкую вещь? – задал ожидаемый вопрос стражник и Рида нехотя кивнула.

Она понимала, что сбережений в ее сундуке не хватит, чтобы оплатить даже половину броши, которую она отдала Талии. Выдумка Маниши чудесным образом подтверждалась: каза-

лось, Рида действительно заплатила тому человеку, который ее искал. Стражник сурово на нее посмотрел. И она увидела, что он уже догадался: царское украшение стоит гораздо больше двухсот золотых монет, которые лежали в ее сундуке.

Рида шла по тесным улицам рядом со стражником и Нати семенила за ней, крепко сжимая ее руку. И больше всего, Рида переживала за то, что дочь тоже заперта в темнице. Нати была совсем маленькая и не должна была попасть в это мрачное, пугающее место. Удивительно, что Маниша вырастила пятерых сыновей, но совсем не пожалела маленькую девочку, пусть она и была ей чужой.

Рида крутила головой, рассматривая торговцев, что уже начали выкладывать товары у своих домов: развешивать платки и ковры, расставлять глиняную посуду, раскладывать широкие кувшины со специями. Но разве могла она оставить дочь незнакомым людям? Стали бы они заботиться о той, чью мать обвиняли в воровстве и вели на суд и о которой говорили, как о сообщнице разбойников, зажигающих синие огни в пустыне и истребляющих караваны? Казалось, Великий бог и богиня удачи оставили ее. И тот раз, когда Тамиль покинул город, стал последней их помощью.

Рида решила на просьбу: могут ли они зайти в один из магазинов Фаруха Махмад-амин и оставить ее девочку у хозяйки. Стражник окинул ее усталым, недоверчивым взглядом, но согласился и они долго петляли по узким улочкам нижнего города в поисках лавок ковров. Однако в магазине их встретил лишь Фарух и хоть принял девочку, но не без большого желания. А Нати, предчувствуя долгую разлуку, крепко схватилась за платье Риды и долго не желала отпускать. Ее глаза наполнились слезами и она молча молила не отдавать ее чужим людям.

Рида поцеловала дочь, уверенно соврала, что они скоро воссоединятся, и поспешила покинуть магазин. Всю дорогу до дворца эмира по ее щекам катились слезы. Как же наивно она думала, что здесь, в Кардове, вдалеке от людей, которые задались целью сделать ее жизнь невыносимой, она легко построит свое счастье.

Глава 3

Юсуф Торговый караван Юсуфа Ахмеди стройной чередой навьюченных одногорбых верблюдов покидал Фарезийский оазис. Он обогнул большое озеро Наждан и вожак – маленький, загорелый до черноты орнег – взял курс на юго-восток. Это означало, что караван намерен пройти по краю Розовых песков и спустя двадцать дней прибыть в Тахмалин – большой, богатый город на границе Арибо, известный своими коврами и финиковыми и сахарными базарами в период сбора урожая.

О чудесных тахмалиновых коврах слагали легенды. Обычно Юсуф забирал эти ковры вместе с финиками и сахарным тростником из Тахмалина и вез их через пустыню в более северные районы южного царства. А оттуда привозил хлопчатник, кожу, золото и драгоценные камни. Последние были его истинной страстью. Он держал три крупных ювелирных магазина в Тахмалине и давно мечтал приобрести богатый прииск самоцветов. Но Великий бог не благоволит. Последняя попытка купить прииск обернулась полным провалом.

Юсуф вспомнил о Мероде, прыгнул с верблюда и двинулся в хвост каравана. По всей его длине с боков больших животных свисали огромные разноцветные тюки – и лишь на одном из последних в корзине, словно камень в оправе короны, ехал огромный, глиняный кувшин с широким пузом и узким горлышком. Из горлышка торчала голова Мерода в неизменной, усыпанной камнями чалме и лицо его, испещренное глубокими морщинами, казалось, омрачали безмерные заботы и пронизывала скорбь вселенского масштаба.

Он увидел Юсуфа еще издали и заголосил:

– О, мой господин, да сколько же вы будете наказывать своего доброго слугу? Видит Великий бог, я всегда служил вам верой и правдой.

– Так, я никогда иначе и не думал, – ответил ему Юсуф, дождался, когда верблюд Мерода поравняется с ним и зашагал рядом. – Это не я, это кувшин тебя наказывает. Ты, видимо, хотел забрать у него то, что дали ему на хранение. И он забрал тебя.

– Да как же, мой господин? – промямлил Мерод. – Да кто ж в кувшинах алмазы хранит? Не положено же. Украдут. Я и взялся забрать, да сказать об этом хозяину.

– Так, какому хозяину?

– Да вам же, господин. Если б я только смог отсюда выбраться... Отпустите, мой господин. Не виновный я. Уже три часа сижу. Кости старые ломит. Шея затекла. Нужда справляться требует.

Юсуф подошел к соседнему верблуду, отвязал кожаный сосуд, что обычно использовали для воды, и крикнул Мероду:

– Ныряй, сейчас будет тебе, куда справлять нужду.

– У, мой господин. Пожалейте старика. Разве можно... Не смогу я так.

– Ну как хочешь, до Тахмалина далеко.

Мерод разохался, разахался. Но в кувшин нырнул и Юсуф ловко забросил к нему кожаную сумку. Ускорился, чтобы не слышать, как Мерод управляет с флягой, и зашагал, наслаждаясь серповидными дюнами.

Он думал о том, что скоро уже солнце спустится к горизонту, земля погрузится в темноту, а на небе высветятся далекие яркие звезды. И он будет идти по барханам и наслаждаться одиночеством, которое подарит ему темнота, и тишиной пустыни, когда слышны лишь звуки каравана и шепуршение мелких зверей и насекомых. В такие моменты Юсуфу всегда казалось, что человек словно растворяется в песках и они забирают его заботы и все напускное, что набросил на него мир за пределами песчаного царства.

– Мой господин! – снова услышал он Мерода. Развернулся и подошел к его верблуду.

– Бросай!

Мерод бросил и сумка упала в песок. Юсуф нагнулся за ней, поднял и понял, что она пустая.

– Не могу я, мой господин. Сжальтесь, выпустите меня.

Вот, хитрец. Значит, не очень хочется. Решил на жалость надавить, шантажом будет брать.

– Тогда расскажи, как вы тех жуков в камни превратили, – бросил он Мероду.

– Да откуда же мне знать, мой господин. Я ж их, что ли, превращал? Заколдовал их кто-то. И брат Сайраф какой бледный сидел! И его обманули. Утром были камни, а вечером – жуки... Я вот думаю, может, та девчонка с дочерью и заколдовала камни. А мы зря от того прииска отказались. Вы сами поразмыслите, ну разве добывают сегодня такие крупные сапфиры, да со звездами.

– Не знаю, Мерод. Только я проверил сапфир в Ахибаре. И сапфир настоящий.

– Ах, что там в Ахибаре знают, – возмутился Мерод и отвернул голову. – Рубины вот тоже сначала были настоящие.

– Ну смотри, Мерод, догадаешься, как камни превратили, – и кувшин тебя сразу отпустит.

Мерод сделал громкий, глубокий вдох, наполненный горечью и жалостью к себе, безвинно наказанному, доброму и порядочному человеку.

Юсуф не обратил внимание, забросил кожаную флягу обратно к Мероду в кувшин и пошел быстрее вперед, чтобы нагнать своего верблюда. Не стоило ждать, что слуга сразу признается. Хотя сомнений не оставалось: о жуках он знал заранее. Но мучить его Юсуф тоже не желал. Только проучить. Ведь выгнать его он не мог. Самому вышло бы дороже.

Еще больше Юсуфу было любопытно: знала ли все же о жуках та женщина с зелеными глазами. Он продал ее камень в разы дороже и у него никак не выходило из головы, почему обладая такой ценностью и таким красивым лицом, она носила безликое платье нищенки. Он бы руку отдал на отсечение, что она неместная: такие яркие зеленые глаза отмечались у выходцев с северных земель. Так почему она врала, что с юга? И что делала посреди пустыни с ребенком, и почему, будучи с юга, отправилась снова на юг?

Она словно бежала от кого-то, пряталась. И если знала о жуках, то, выходит, помогла ему? Но не хотела показать, что помогает. Тогда откуда она догадалась, что камни ненастоящие? Юсуф вернулся к объяснению, о котором подумал еще в день их встречи, и оно подтверждало, что женщина врала о своем происхождении. Такими способностями обладали только северные племена.

Юсуф добрался до своего верблюда, но подниматься не стал. Вожак знаком показал, что нужен разговор и он двинулся к нему вперед каравана.

– Не так что-то, господин, – сказал орнег, когда Юсуф догнал его. – Солнце светит прямо и еще только клонится к закату. А тени, посмотрите, какие длинные и косые стали, словно уже давно закат идет и вот-вот закончится.

Юсуф посмотрел на тень под ногами, поднял голову к небу, оглянулся на животных, что шагали позади, и согласился: тени лежали длинные, а солнце стояло еще слишком высоко.

– И что бы это значило?

– Не знаю, господин. Но о Розовых песках в последний месяц немало худого говорят. Целые караваны пропадают. Даже людей не находят. Я вас предупреждал, что лучше сделать круг. Опасно здесь, особенно по ночам.

– Я должен товары доставить в срок, – задумчиво сказал Юсуф. – А если кругом пойдем, две недели потеряем.

– А если не пойдем, господин, можем, вообще не дойти, – осторожно ответил вожак, понизив голос. – Дурное у меня предчувствие, господин.

Юсуф в сомнении посмотрел на подручного. Он давно его знал, опытный был человек и порядочный, не под стать Мероду. Такой бы обманывать не стал да и пустыня говорила сама за себя. Юсуф еще раз оглянулся на длинные тени, посмотрел на солнце, что только начало медленно спускаться к западу, прислушался к звукам. Они словно тоже притихли. Он слышал лишь шаги каравана и похлопывание тюков о спины животных.

Что же, за невезение настигло его! После встречи с той женщиной все у Юсуфа шло наперекосяк, пусть она и спасла его от обмана. И караван довести заказали в меньший срок, чем обычно, и партия хлопчатника досталась в два раза меньше, и вот теперь наваждение с тенями. Сейчас это наваждение перепугает его людей и они разбегутся и бросят караван посреди пустыни. И понятно тогда, почему караваны пропадают, а людей не находят.

– Хорошо, – сказал Юсуф вожаку. – Бери на восток. Будем делать круг.

Но далеко на восток они уйти не успели. Лишь последний луч солнца коснулся песков, вверх от барханов стали подниматься крошечные синие огоньки. По каравану пронесся испуганный шепот. Юсуф в спешке скатился с верблюда, да так, что больно шлепнулся о песок, но тотчас вскочил и громко крикнул вожаку: чтобы тот не смел останавливаться и прибавил шагу. Сам же подошел к синему, светящемуся шарiku и пригляделся.

– Не трогайте его, мой господин! – донеслись сразу причитания Мерода. – Выпустите меня, пока это наказание божье всех не убило.

– Да, чтоб ты одолел это наказание? – буркнул Юсуф. – Ты со своим справиться не можешь.

Шар светился синим пламенем лишь по верхнему краю, а внутри просматривалась зеленая сердцевина с мелкими рыжими и бурыми прожилками. Юсуф протянул руку и дотронулся до огонька. Холодный, почти ледяной. Но безвредный. Рука Юсуфа не жгла, не болела. Кожа не покраснела. Эти огоньки всего лишь выросли из песков, испускали яркий свет так, что, казалось, вошло синее солнце, иплыли вверх, пока не растворятся в черном небе.

Но почему они здесь? Что за странности родила пустыня? Еще месяц назад Юсуф шел с караваном по этим землям и не видел ни огней, ни теней, ни иных путающих знаков. Он ухватился за эту мысль: а не знак ли это, не предупреждение? Вот только о чем? Пустыня ответила раньше, чем он успел додумать.

Пески вокруг животных и Юсуфа вдруг взметнулись вверх, словно фонтаны, и стали собираться в небе рыжим гудящим облаком. Синие огни резко потускнели, а облако начало быстро расти, заволакивая небо. Песок же продолжал бить из земли жесткими струями и словно решеткой оградил Юсуфа со всех сторон. Не выбраться.

– Мой господин! Мой господин! – кричал, надрываясь Мерод. – Спасите от наказания божьего. Все расскажу, во всем признаюсь.

– Нашел время для признаний, – буркнул Юсуф.

Он резко прыгнул сквозь песчаные фонтаны, но тут же рухнул на песок с другой стороны и застонал от боли. Его тело словно исполосовало тысяча кинжалов.

– Не тяните, мой господин!

Мерод был прав: дальше тянуть было нельзя. Юсуф с силой сжал кулаки, стиснул зубы, напрягся всем телом и из его спины, разрывая одежду в клочья, вырвались, как из плена, черные перепончатые крылья. Грудная клетка расширилась, деформировалась, мышцы вздулись, кожа почернела, покрылась чешуей, а руки превратились в лапы и на них выросли длинные, острые когти. Черный дракон взметнулся в небо.

Прорвал рыжее облако и оно резануло лезвиями по его коже и крыльям. Стало медленно опускаться, накрывая караван. Дракон зашел на новый круг, развернулся и ударил по облаку огненной волной. Гул превратился в жалобный стон. Облако рассыпалось и рыжие песчинки бросились атаковать его со всех сторон. Это был долгий, но равный бой. Песок падал, опален-

ный огнем дракона. А дракон истекал кровью от острых, режущих ударов, но вышел из этого поединка победителем.

Юсуф упал на пески вместе с последними опаленными хлопьями и долго лежал, не в силах пошевелиться.

– Мой господин, – услышал он голос Мерода у самого уха и открыл глаза. – О, спасибо, Великий бог, вы живы!

Вокруг Юсуфа уже стала собираться толпа извозчиков и прислужников при верблюдах. И он испуганно оглядел себя. С облегчением понял, что снова был человеком и лишь его одежда висела клочьями, а на коже виднелись шрамы от порезов.

«Что они видели и поняли? – забеспокоился он. – А Мерод как выбрался из кувшина?»

– Испуганное животное сбросило меня и кувшин разбился! – ответил слуга на его вопросительный взгляд. – Об остальном не волнуйтесь, мой господин.

Он поднялся от Юсуфа, развернулся, вскинул руки вверх, прошептал что-то вроде заклинания на непонятном языке, ни одно слово на котором Юсуф даже не взялся бы повторить, и люди вокруг закутились в молчаливом недоумении: а что произошло, почему караван стоит и где весь караван.

– Караван! – спохватился Юсуф и вскочил с земли, которая теперь больше напоминала застывшую лаву, чем песчаные дюны.

Резкое движение принесло ему невероятную боль. Кинжалы словно еще оставались под его кожей и сейчас впились в нее глубже и провернулись. Но под любопытными взглядами прислужников ему пришлось эту боль стерпеть. Он не остановился и не издал ни звука. Однако прыть умерил. Раздал указания работникам, а сам подошел к одному из верблюдов, что со страху не дали деру по пустыне, и, чтобы дать телу время восстановиться, сделал вид, что проверяет животное и товар.

Уже через час им удалось собрать большую часть разбежавшихся животных. Но вместо двадцати верблюдом в караване теперь стояло только пятнадцать. И оставалось лишь радоваться, что никто из людей не пострадал и не пропал в песках.

Юсуф обошел остатки своего хозяйства и с сожалением подсчитал убытки: вся партия хлопчатника теперь гуляла по пустыне и случайным путешественникам или племенам кочевников удача могла послать скоро дорогие подарки.

Стоило отправляться в путь и убраться как можно дальше от проклятого места. Но хоть никто из работников каравана не помнил произошедшее благодаря стараниям Мерода, все чувствовали страшную усталость и даже животные отказались идти, опустились на колени и требовали отдыха. Лишь Мерод чувствовал себя воодушевленным и с трудом скрывал радость.

«Почему, когда остальным плохо, Мероду хорошо? – в очередной раз язвительно спросил себя Юсуф.

Как бы он хотел избавиться от этого человека. Но его нечем было заменить. А если по пустыне пойдет молва о необычной второй сущности младшего сына самого султана южного царства, проблемы с Меродом и его жадностью покажутся розовым сном с летающими в небе лепестками фарезийских тюльпанов.

Юсуф посоветовался с вожаком и дал добро устроить привал. Сам же отправился еще раз проверить крепление и цельность тюков. Больше терять товары он не мог себе позволить.

Но дурные вести на том не закончились.

– Чистой воды и еды, почти не осталось, мой господин, – сообщил ему Мерод, старательно делая голос более виноватым и печальным.

– Говори, – велел ему Юсуф.

– До ближайшего оазиса десять дней пути. А до ближайшего города – лишь пять... – Мерод сделал паузу и продолжил почти шепотом и с опаской: – Заглянем в Кардову, мой господин?

Юсуф сощурил глаза и зло смерил слугу взглядом. Мерод же знал, как ненавистен ему этот город.

– Ради спасения каравана, мой господин. Мы вас нарядим, загримируем. Вас даже мать родная не узнает, не то что брат.

– Я щас сыму с твоей чалмы все камни и продам ради спасения каравана, – резко ответил Юсуф, но идти в Кардову все же согласился.

Мерод сказал правду: до оазиса они бы недотянули. Потому спустя четыре часа, когда солнце показалось из-за горизонта, их караван двинулись в путь, забирая сильно на восток, чтобы обойти заколдованные земли.

Глава 4

Рида

Рида предстала перед эмиром лишь спустя двое суток. После сырого подземелья большой, белый зал с резными стенами и потолком и чередой высоких окон, залитых светом, показался ей неземным местом – домом счастья и довольствия. Эмир, одетый весь в золото, мужчина еще молодой, хоть и не юнец, сидел на троне, украшенном роскошными коврами, драгоценными камнями и росписью. Рядом с ним по обеим сторонам стояло по два человека в более простых одеяниях: в длинных темных халатах и маленьких шапочках, усыпанных мелким камнем. А вдоль стен теснился народ, принадлежащий самым разным сословиям, судя по пестрым одеждам – от бедных простолюдинов до богатых вельмож. Когда Риду вывели в центр зала, велели преклонить колени и зачитали обвинение, взгляды всех этих людей были устремлены на нее.

– Есть ли у тебя, что сказать в свое оправдание, женщина? – спросил один из судебных советников по правую руку от трона – так Рида решила величать людей, стоящих рядом с эмиром.

– Есть, господин, – ответила она.

– Владыка, – поправил ее советник.

– Есть, владыка.

Она склонила голову.

За два дня в темнице Рида много думала и поняла, что ее новая история не может перечить истории, которую она рассказала Талии. Ведь если Талию вызовут в суд, вряд ли такая честная женщина, как она, станет врать перед законом. И Рида повторила слово в слово то, что поведала подруге два дня назад: о долгах мужа, о вероломстве ростовщиков и о том, как они вынудили ее с дочерью бежать из родного дома.

Советники один за другим стали подходить к эмиру и перешептываться с ним. Наконец все тот же человек по правую руку снова заговорил:

– Так ты утверждаешь, женщина, что откупилась от того мужчины деньгами, которые получила от Талии, жены Фарука, за брошь?

Рида кивнула. Даже сейчас она не могла сказать правду. Если бы они узнали, что Талия помогла ей обмануть ростовщика, ее могли бы тоже судить.

– И ты не брала дорогой камень из лавки своей соседки, как она тебя обвиняет? – продолжил допрос советник.

– Не брала, владыка.

– Есть ли у тебя доказательства, что ты не делала этого? Как свидетельствовала Талия, ты получила за свою брошь лишь пятьсот золотых монет. А твой долг стоит больше магазина ковров в центре Кардовы. Разве этого было достаточно, чтобы откупиться от ростовщика?

– Я отдала лишь часть денег, владыка, – ответила Рида и отметила для себя, что была права: Талия соврала лишь в самом необходимом.

Но она не осудила ее, потому что по необходимости врал сама и гораздо больше.

– Я пообещала вернуть остальную часть через год с большими процентами. А про камень моей соседки я даже не знала. В их лавку никогда не привозили настолько ценные вещи. И если позволите, владыка, – Рида снова сдержанно поклонилась, – мой долг так велик, что не существует драгоценный камень, который смог бы его покрыть целиком.

Советники снова зашептались. А наблюдатели у стен, казалось, с еще любопытством стали разглядывать Риду.

– Стражник Халиф! – наконец громко крикнул советник через зал. – Эмир желает слушать просительницу. Пусть войдет.

Рида обернулась на двери, но ей тут же велели смотреть только вперед. И она возвратилась в прежнее положение и стала терпеливо ждать.

Маниша так спешно семенила по залу, что Риде показалось, бежит отряд диких муравьев. Она громко плюхнулась на покрытый ярко-рыжим ковром пол перед тронем и тотчас воздала хвалу богу и эмиру и пожаловалась на свою горькую судьбу. Советник позволил ей полностью высказать первое и остановил на середине второго.

– Наш владыка желает знать, есть ли у тебя, женщина, доказательства, что твоя соседка, Жасмин Гуляди, взяла у тебя дорогой камень – голубой турмалин?

– Есть, о, владыка, как не быть! – затараторила Маниша. – Я видела, мой муж, Рахмед, видел, как эта лиса ночью, кутаясь ото всех в черное, кралась по улицам. Бандит из чужой страны приходил искать ее, долг требовать. Она брошь дорогую продала, которой не может обладать. Явно эту брошь украла. И ее магазин снят на целый год вперед. Я узнавала, она пятьсот золотых монет заплатила, а еще инструмент купила – да самый дорогой и лучший. Откуда у нее такие деньги, если ее с дочерью чуть за долги не продали?

Советник выслушал и тотчас велел Риде объяснить. Рида готовилась к таким вопросам и ответила быстро.

– Моя мать, – сказала она, – оставила мне в наследство это украшение и еще несколько других дорогих камней. Я клялась, что никогда не продам их и передам своей дочери. Но ради ее счастья нарушила клятву. Часть денег отдала ростовщику, а оставшиеся приберегла, чтобы начать в Кардове свое дело и заработать на уплату долга.

– Да что ты врешь! – взвыла Маниша. – Да как ты заработаешь, если ничего в этом не смыслишь?.. О, владыка! Эта лиса обманывает несчастных глупцов, что заходят в ее лавку. Обещает им счастье в семье и богатства несметные, если будут носить ее камни. Да как камни могут дарить любовь и деньги? Камни – это просто камни. Они служат красоте и лишь подтверждают богатство человека, которое у него есть. – Маниша протянула вперед руки, показывая на эмира, словно воздавая честь и хвалу его богатству и призывая в свидетели своих слов. – О, владыка, да разве ж такая смогла бы заработать?..

Эмир сделал жест, чтобы советник оборвал просительницу. Велел ему подойти и после короткого разговора советник изрек:

– Твои слова, женщина, не лишены разумности. – Маниша тут же довольно закивала. – К сожалению, они не могут служить доказательством вины твоей соседки. Как часто в твою лавку приносят такие камни, как голубой турмалин? Твои соседи говорят, что заказов вы берете немало, но все они не стоят и десятой части этого камня.

Маниша, казалось, сначала побледнела, но быстро нашлась.

– Так в первый раз, о, владыка, и такое несчастье.

– Если в первый раз, то откуда твоей соседке было знать, что тебе такую ценность доверили?

Тут уж Маниша растерялась, ее маленькие глазки забегали по стенам, по людям, удостоили презрительного взгляда Риду, и она выдала, казалось, свое последнее, самое ненадежное обвинение.

– Так, такая все знает, о, владыка. Те огни в пустыне – ее рук дело. Все об этом говорят. Ведьма она, колдунья и воровка. Если ж она караваны грабит, да людей до смерти доводит – что ей узнать про мой камень? Смилуйтесь, владыка, над несчастной, обманутой женщиной, – Маниша бросилась ниц. – Накажите вероломную преступницу! Велите ей вернуть то, что она взяла!

Лица всех присутствующих: эмира, и тех, что стояли рядом, и тех, что плотнились у стен – после слов Маниши вытянулись и посерели. По залу прокатился испуганный шепоток – и воцарилась тишина.

Эмир подал знак и велел всем четырем советникам подойти к нему. Рида больше не задавалась вопросом, разумно или нет взрослому человеку верить в такие бессмысленные наговоры. Она думала, что может противопоставить словам Маниши: как ей доказать, что ни деньги, ни камни она не крада, а голубой турмалин никогда не существовал. Ну, конечно. Она вдруг поняла.

Советник уже собирался объявить решение, когда Рида поклонилась эмиру ниже обычного и сказала:

– Если позволите, владыка, почему бы моей соседке, Манише-дайя, не назвать нам истинного владельца голубого турмалина?

Советник обрушил на Риду праведный гнев: да как она смеет перебивать глашатая самого владыки. Он сперва не желал исполнять ее просьбу, но эмир жестом велел продолжить. Советник покорно опустил голову в знак, что принимает повеление, и, зло посмотрев на Риду, приказал Манише ответить.

Та сузила глаза, начала кусать губы, заламывать руки. Наконец тихо, виновато заговорила:

– Несчастный человек, что принес мне этот камень – о, владыка – погиб.

Она снова повалилась на пол и продолжала, уже не поднимаясь, словно каясь за гибель своего покупателя. Но Риде больше показалось, что она прятала взгляд, потому что сама еще не свыклась со своей ложью и боялась, что глаза выдадут ее.

– Его караван пропал в песках на прошлой неделе, – закончила Маниша и зал ахнул и зароптал.

Эмир поднял руку, требуя тишины.

– Так ты утверждаешь, женщина, – неожиданно заговорил он сам, – что камень из твоей лавки украли, продали и вывезли из города, а владелец его погиб? И кроме тебя и твоего мужа этот камень никто из живых не видел?

Маниша лежала на полу не шелохнувшись. Молчала. Минуту, две. Наконец советник гаркнул на нее:

– А ну, отвечай, когда владыка тебя спрашивает, неблагодарная!

Маниша, опасно раскачивая грузное тело из стороны в сторону, поползла назад, тяжело вздохнула и наконец медленно распрямилась. Рида ждала, что же она ответит.

– Простите меня, о, владыка, – замямила Маниша. – Эта лиса все просчитала. Она же знала, что владелец камня погиб, она же его в песках и похоронила. А что мне старой, несчастной женщине теперь делать? Как спасти свою репутацию? Что теперь люди скажут? Что в мой магазин нельзя принести ничего ценнее кварца?

Лицо Маниши покраснелось, но, скорее, от тяжелых упражнений на полу, чем от стыда за свою ложь. Казалось, ничто не заставит ее сознаться в обмане. Так умело она уходила от всех каверзных вопросов.

Эмир снова остановил советника и заговорил сам.

– Раз хозяин камня погиб, то и расплачиваться тебе за него не придется. Камень никогда тебе не принадлежал, так почему ты требуешь, чтобы мой суд вернул тебе за него деньги?

Маниша раскрыла рот, чтобы ответить, да так и осталась стоять, не в силах произнести ни слова.

– Выведите ее отсюда!

Стражники подбежали и, подхватив застывшую торговку под руки, поволокли вон из зала. Советник, что больше остальных принимал участие в суде, подошел к эмиру, склонил в почтении голову и быстро зашептал, но Эмир не стал его слушать.

– Говори, женщина, – обратился он к Риде, – как оправдаешься за обвинения в гибели моих караванов?

Рида молчала. Как она могла оправдаться, если никто не видел грабителей караванов и никто не видел, чтобы она их грабила? Ни у кого не было ни единого доказательства ее вины, но все были уверены, что она виновата. Она подумала и решила сказать то, что считала правдой.

– Владыка, нельзя оправдаться за то, что существует лишь в фантазиях людей. Это как поверить в голубой турмалин, который никто никогда не видел.

Зал, который до этого тихо перешептывался, умолк. Рида смотрела на суровые лица судей и наблюдателей и уже готовилась к худшему: ее неуместное мудрствование могли истолковать, как неуважение к эмиру и отправит ее на дыбу. Напряжение в зале все усиливалось, воздух начал чуть ли не искриться. Но эмир вдруг громко расхохотался. Сошел с трона, в два шага оказался подле Риды, взял рукой ее за подбородок и стал внимательно изучать лицо.

– А ты красивая, – сказал он. – Глаза у тебя, как листья акации после дождя, кожа, как пески Арибо под солнечными лучами, а губы, как лепестки фарезейских тюльпанов в конце весны. И ум твой острый и смелости у тебя хватает не скрывать его.

«Да был бы у меня острый ум, – подумала Рида с сожалением, – разве сидела бы я здесь на коленях? И дочь моя разве жила у чужих людей, сучая по матери?»

– Я окажу тебе честь, – продолжил эмир, отпустив ее лицо. – Ты станешь одной из моих наложниц. А я за то выплачу весь твой долг, когда вернется ростовщик. И раз ты из наших земель, то, если понравишься мне, женой тебя сделаю. У меня их еще... – он подумал, – недостаточно. Самой младшей будешь. Только ты не слишком долго тяни, чтобы мне понравиться: красивых да умных женщин эти края народили немало.

Он улыбнулся, довольный своей шуткой, уже показал жестом увести бывшую арестантку, а ныне свою новую наложницу. Но Рида посмела перебить его приказ и быстро сказала:

– Владыка, а как же моя дочь? У меня же дочь совсем маленькая. За ней еще присмотр нужен.

– А что твоя дочь? – бросил он ей, остановив советников, которые сразу зашикали на Риду. – Фарук Махмад-амин и его жена пообещали принять ее, как родную, и вырастить. Разве ты не знала, что его жена потеряла ребенка от прошлого брака? Можешь не переживать, твоя дочь получить всю ее неизлитую материнскую любовь.

«Как потеряла? Талия ребенка потеряла? – Не могла поверить Рида. – Но разве ее дочь не живет с отцом в другом городе? Разве нынешний муж не запретил их встречи?»

Рида медленно осознала, что же на самом деле произошло в тот день и кто был истинным виновником того, что ее арестовали и привели на суд.

Эмир поймал ее растерянный взгляд и нахмурился, словно догадавшись о ее чувствах и мыслях. Но не выказал сожаления и не предложил помощи. Его наложницам не полагалось держать при себе детей от других мужчин. Рида должна была смириться с тем, что когда войдет в гарем, уже не выйдет из него до самой смерти и никогда не увидит дочь.

«Только одно может помешать ему забрать меня», – поняла она.

– Позвольте еще, владыка, – попросила Рида, когда стражники уже поднимали ее за руки.

– Ну что еще? Ты рискуешь, женщина, никогда не стать моей женой, – бросил эмир с раздражением.

Рида глубоко вздохнула – да поможет ей Великий бог! – она сказала:

– Владыка, не гневайтесь, что скрыла от вас, выслушайте и поймите.

Эмир показал рукой, что позволяет рассказать.

– Когда я с дочерью долго скиталась по пустыне в поисках пристанища, я встретила человека, доброго и честного, и мы обменялись клятвами. Он был купцом и вел караван на север и мы сговорились, что я буду ждать его возвращения в Кардове.

Лицо эмира мрачнело с каждым ее словом. Зал замер и воздух снова начал раскаляться, готовясь заискриться подобно алмазам и бесцветным корундам.

– Ты понимаешь, женщина, что только твоя красота и прежние мудрые слова спасают сейчас тебе жизнь? – Рида поняла, что в ее историю не поверили. – Ты покажешь мне этого человека. А если нет – то смерть тебе станет подарком от меня, а не честь войти в мой гарем.

Глава 5

Юсуф

Они прибыли в Кардову с восходом солнца, сняли место для стоянки каравана на большой площади по правую руку от главных ворот, подкрепились в таверне неподалеку и сразу отправились смотреть верблюдов на замену тем, что потеряли среди Розовых песков.

Верблюжий базар, несмотря на ранний час, встретил их шумом и криками. Торговцы охрипшими голосами нахваливали товар, лупили животину палками, чтобы разозлить и показать ее резвость и силу. Рядом бойко торговали сеном и овсом. А еще дальше стояли и голосили продавцы с другим зверьем. Кого только не свезли сюда в этот день: коз, овец, крупнорогатую скотину и даже притащили и посадили в клетки диких кошек, волков и редких птиц. Все это бляло, мычало, рычало и орало на сотни звериных голосов. Юсуф получил приемлемую цену за пятерых молодых верблюдов и, вконец очумев от многоголосого ора, пожелал побыстрее вернуться к каравану.

Он хорошо продумал свой оставшийся день в городе: собирался снять комнату на постоялом дворе и до вечера не покидать ее, чтобы не дай бог, волею несчастья не столкнуться на улицах со старшим братом. Его маскировка: накладная борода, огромная чалма, закрывающая лоб чуть ли не до бровей, и чересчур много свободных платьев, надетых одно поверх другого, – сильно состарила и округлила его, превратив в другого человека, как уверял Мерод. Но события последнего месяца научили Юсуфа двум вещам: никогда не забывать о случайностях и не верить Мероду.

– Мой господин!

Юсуф обернулся и увидел, как его слуга, старичок невысокого роста, спешит к нему с клеткой в руке, путаясь в чересчур длинном, но богато расшитом халате.

– Мой господин, взгляните на эту птицу. Посмотрите, как хороша: мощный клюв, острые когти, обученная. И всего за десять золотых монет. Как осень наступит, богатые тахмалийцы на охоту – а мы тут как тут, своих соколов им и вручим.

Юсуф нахмурился, но птицу посмотрел. Покачал головой и, не говоря ни слова, развернулся и продолжил путь.

– Но, мой господин! – воскликнул Мерод, отчаянно пытаясь перекрыть шум базара.

– Эта птица слишком молода, чтобы быть хорошо обученной, – ответил Юсуф, когда слуга поравнялся с ним. – Это первое. Она не стоит десяти золотых. Это второе. До осени еще три месяца. Это третье. И мы уже договорились, что привезем вместо потерянного хлопчатника овечью шерсть. Я не стану ради птиц докупать верблюдов. – Ммм, мой господин, кто ж вам простит потерю хлопчатника за овечью шерсть? Такую неустойку выкатят.

– И что ты предлагаешь? Подарить им соколов за десять золотых?

– Не подарить, а продать, мой господин. И не за десять, а за двадцать пять.

– Не гневи меня, Мерод. Никто не купит необученную птицу за такие деньги.

Юсуф прибавил шаг, надеясь побыстрее добраться до постоянного двора и скрыться от слуги за тяжелыми дверями комнат. Но Мерод словно чувствовал это.

– Не спешите так, мой господин. Мои старые ноги не успевают за вами... – Юсуф не отреагировал. – Мы обучим птиц за лето, – упорствовал слуга, – и их купят, вот увидите. И мы сделаем скидку для тех, кому мы не довезли хлопчатник.

Юсуф остановился.

– Ну-ка, объясни: как ты собираешься продать птицу, которая не стоит и десяти золотых, за двадцать пять золотых и еще сделать скидку.

Мерод сузил глаза и растянулся в улыбке.

– О, мой господин, – взмахнул он свободной рукой, – сам Великий бог послал меня вам в помощь.

Юсуф терпеливо ждал объяснений. Но вместо объяснений Мерод вдруг с ужасом воскликнул.

– Ах, мой господин! Кажется, это идет ваш брат. Но не оборачивайтесь и следуйте за мной.

Юсуф позволил себя увести и, только уткнувшись носом в большую деревянную лавку с соколами на другом конце верблюжьего базара, понял, что совершил ошибку, причем ту, что лишь с утра напомнил себе никогда не совершать: он поверил Мероду. Юсуф сжал зубы, чтобы прилюдно не отчитать того, кого следовало хорошенько отлупить, и хмуро зашагал обратно.

Мерод никогда не отличался честностью, но чтобы обманывать своего господина и так часто, – этим качеством он обзавелся недавно: месяц назад. Юсуф надеялся, что это временная перемена и вместе с тем боялся, что ошибается. Непросто было бы смириться с постоянным враньем личного слуги. Да и накладно.

Мерод догнал его уже у каравана. Он не терял надежды объясниться: подсовывал под нос клетку с птицей, что все еще таскал с собой, говорил о чудесных торговых возможностях и о том, что старается ради своего господина. Юсуф не желал его слушать. Как и собирался, он снял комнату на постоялом дворе, но там еще шла уборка, и потому он вернулся к каравану и принялся осматривать двух верблюдов, чтобы скоротать время.

Солнце поднималось все выше, грело все жарче. Под несколькими платьями, казалось, скоро соберется еще одно фарезийское озеро. Да и каждое движение в тяжелых, неудобных одеждах давалось непросто. Юсуф постарался занять положение поудобнее и лишний раз не менять его. И только наконец устроился, услышал, как воскликнул Мерод:

– О, мой господин, кажется, идет ваш брат! – Лишь ухмыльнулся и покачал головой.

Старый прохвост дважды одной уловкой его не возьмет.

– Мой господин, честное слово, идет ваш брат.

Юсуф отмахнулся.

– Ох, мой господин.

И вдруг повисла непривычная, напряженная тишина. Казалось, даже верблюды перестали гудеть и похрюкивать.

Юсуф наконец обернулся и поднял голову.

Рида

Рида уже третье утро ходила встречать караваны к воротам города. По правую руку от нее каждый раз шел сам эмир – Арслан Ахмеди амир Жамерат. Своей высокой, широкоплечей фигурой и твердым шагом или больше своим статусом он заставлял замирать все вокруг: и местных торговцев, и артистов, и даже змеи заклинателей переставали шипеть в его присутствии.

Эмира неизменно сопровождала дюжина стражников, вооруженные до зубов. И уже после первого выхода к воротам Рида не рассчитывала на побег. Утреннее солнце ласково скользило по ее лицу, невыспавшемуся после очередной бесконечной ночи. Легкий ветер с гор обдувал кожу, воспаленную от пролитых слез, раздувал тонкую ткань шелковых, расшитых золотом одежд, в которые ее облачили няньки и евнухи гарема. Она шла и размышляла о том, как долго сможет обманывать эмира и дождется ли человека, который сгодится на роль выдуманного мужа. Это было наивно и смело, надеяться, что человек, готовый пойти на обман ради нее, войдет в этот город через эти ворота уже в ближайшие дни.

Эмир Ахмеди был статным, красивым мужчиной: с проницательным взглядом, уймой мужского обаяния и даром повелевать. Рида даже не знала, что больше ее привлекало в этом человеке: власть над остальными людьми или его доброе отношение к ней, так непривычное

или скорее забытое. Но она не желала расставаться с дочерью и она все еще оставалась замужней женщиной, потому никак не могла войти в гарем.

– Жасмин, душа моя. – Так, Арслан Ахмеди взял в привычку обращаться к ней. Говорил с лаской и теплотой. И ее трогала эта незатейливая доброта. – Ты могла бы сейчас пить сладкий чай, есть виноград и смотреть, как это солнце отражается в водной глади пруда в моем саду.

Они вошли на большую площадь, служившую местом стоянки караванов.

– Конечно, владыка, – ответила Рида и ее взгляд заскользил по новоприбывшим торговцам. – Только данные мною клятвы мешают мне это сделать.

Они обменивались этими фразами уже третий день в подряд, и это грозило превратиться в ритуал. И Рида заметила, что сегодня эмиру это особенно пришлось не по нраву: взгляд его сделался серьезным, рот напряженно вытянулся в прямую линию.

Она добавила в надежде унять его раздражение:

– Вы бы злились на меня куда больше, если бы я соврала вам, владыка. Согласилась на ваше предложение, будучи несвободной женщиной...

– Жаль, что ты местная, душа моя, – перебил ее Арслан Ахмеди. – Если бы ты прибыла из северного царства, я бы мог сказать, что ты моя пленница и забрал бы тебя силой. Твои зеленые глаза говорят, что ты вполне можешь быть иноземкой. – Рида молчала. – И еще: твой муж слишком уж долго не возвращается. Уже месяц ты живешь в Кардове без него, душа моя. И я склонен верить, что ты либо слишком хитра и пытаешь обмануть меня, либо я ошибся тогда на суде и ты слишком наивна и это тебя обманули.

Что она могла ответить? Она ждала, что однажды он произнесет эти слова, только надеялась, что у нее будет больше времени.

– Я верю, владыка, сегодня, завтра мой муж вернется и мы встретим его среди этих караванов.

– Ему стоит вернуться сегодня, душа моя, – настоял эмир. – Даже солнце не заставляет нас ждать своего появления целых три дня.

Они медленно продвигались вдоль длинных прямых линий, образованных лежащие на коленях животными. Всюду бегали прислужники, извозчики: подносили верблюдам воду, сено, овощи, протирали их взмыленные спины. Те, кто носил богатые купеческие одежды, громко раздавали указания подручным, ходили, проверяли их работу. А Рида внимательно всматривалась в их фигуры и лица.

Первый день она надеялась, что так сможет угадать правильный выбор. Она пробовала оценивать этих людей по взгляду, напряженности губ и бровей, по осанке и по тому, насколько высоко поднята их голова. Но все они перед эмиром голову склоняли, опускали глаза и словно сжимались в плечах. Стоило Арслану Ахмеди пройти мимо и они не смели поднять взгляд выше его пояса. Рида поняла, что эта оценка не приведет ее никуда дальше гарема.

«Слишком молодой может растеряться и испугаться моего обмана, – пробовала она размышлять иначе. – Слишком старый – может посчитать, что больше выиграет, если меня разоблачит».

Ей нужен был человек, у которого хватило бы смелости поддержать ее выдумку. Но что она могла предложить взамен? Ради чего он бы согласился пойти на такой риск? Ради любопытства? Может, ради хорошей шутки или жажды острых ощущений? Или, если ей повезет, ради того, чтобы насолить Арслану Ахмеди? Даже пусть бы он согласился, оттого что глуп и не соображает, во что ввязывается – Риду и это бы устроило. И, наверное, такой человек где-то существовал. Но она понимала, что может ждать его в Кардове еще очень долго.

Сегодня после слов эмира она сказала себе, что ей придется рискнуть и выбрать в мужа не самого подходящего, а того, кто подойдет хотя бы на толику. И она решила, что это должен быть человек постарше, поупитаннее и понепригляднее – тот, кто сильно подумает перед тем, как отказаться от молодой, красивой жены.

Ее внимание привлек мужчина в огромной чалме, сидящий к ней спиной. Он был крупного телосложения, явно в возрасте, судя по тому, как неудобно ему было сидеть рядом с верблюдом на корточках и как тяжело он вздыхал, перемещаясь вокруг него. Но Рида выбрала его по иной причине.

Они подошли к концу последнего ряда и все торговцы и прислужники, как положено, замерли, опустив головы и плечи. И только этот человек был слишком увлечен своим животным и даже не соизволил поприветствовать владыку этого города. И оттого показался Риде хотя бы на немного смелее и увереннее остальных.

Она собралась с духом и остановилась напротив. Эмир остановился рядом и с любопытством взглянул на нее. Он явно сильно удивился. Но она, стараясь не замечать этого, вытянула руку и указала в сторону мужчины у верблюда. Эмир удивился еще сильнее. Посмотрел на нее, перевел взгляд на торговца.

Она должна была окликнуть мужчину. Рида это понимала, но молчала. Она не знала имени человека, которого назначила себе в мужа. Она надеялась, что эмир сделает первый шаг.

Эмир снова посмотрел на мужчину у верблюда. Перевел взгляд на Риду. Рида приняла его взгляд. Посмотрела на мужчину. И продолжила стоять на месте, ничего не говоря.

– Душа моя, ты так обезумела от счастья, что не в силах вымолвить ни слова?

Рида сделала крошечный шаг и снова остановилась. Как полагалось себя вести, когда встречаешь мужа, который не знает, что стал твоим мужем?

Ее схватили за руку и помогли проделать оставшийся путь.

Мужчина у верблюда все еще сидел к ней спиной, а она все так же не знала, как к нему обратиться.

– Ох, мой господин! – услышала она слезные причитания и увидела маленького старичка в огромной чалме с камнями.

Она сразу узнала его. И по испуганному взгляду старичка поняла, что и он ее узнал.

Снова посмотрела на мужчину у верблюда. Этот прохиндей успел сменить хозяина? Неважно, связываться точно не стоило. Но как сказать эмиру, что она ошиблась? Он ей не поверит. Он и так ей не верит. И это ее последний выход в город. И как поступить? Рида покосилась на старичка.

«Может, это и к лучшему? Я хотя бы знаю этого человека и его секреты».

И вдруг нашлись слова.

– Мой дорогой муж!

Мужчина у верблюда обернулся – и они встретились взглядом.

«Простите, это вы мне?» – спросили его глаза.

Рида узнала эти глаза: цвета песка самой Арибо. Вот только почему они смотрели на нее с лица зрелого, упитанного хозяина каравана, а не молодого торговца, которого она встретила близ Фарезийского оазиса? Она совсем не поняла маскарада, в который вклинивалась волей случая, и также молча ответила:

«Простите, мне кажется, я обращалась к другому человеку».

«Вы не знаете, с кем говорите?»

«Обычно знаю. Но сейчас необычная ситуация. И похоже, не только у меня».

Они долго молчали: и мысленно, и вслух.

Эмир шагнул вперед и принялся разглядывать торговца с разных сторон. А тот старательно уходил от него, ворочая голову. Наконец эмир схватил торговца за плечи, всмотрелся в лицо и вдруг гневно потребовал:

– Юсуф? Что это за тряпки ты на себя нацепил? – И снова потянулось молчание. – Только не говори, что заглянул в Кардову и даже не собирался навестить брата? И когда ты успел жениться?

Рида растерялась.

А дальше события понеслись быстро и путано. Даже спустя дни она не могла точно припомнить, что делала и почему.

Она смотрела на людей вокруг, те с испугом и удивлением смотрели на нее. И она вдруг поняла, что если выглядит также, как они, и эмир увидит ее настолько ошарашенную и встревоженную, то сразу раскроет ее хитрость. Она повернула голову и ее взгляд снова упал на смешного старичка. Кажется, он держал клетку с птицей. И она подумала: «Ловкий пройдоха еще и живность в клетку обманом заманил. Да как Великий бог не накажет его за злодеяния.» Рида подошла, клацнула защелкой – и птица тотчас выпорхнула из клетки.

Старичок поднял нее изумленные глаза. И следом на площадь обрушились крики и гомон. И кто на кого кричал, кто громче – у Риды все слилось в один звук. Она помнит, как стражники схватили ее под руки, потащили прочь. И она нехотя шла за ними, но постоянно оборачивалась и видела спорящих братьев и понимала, что у торговца, которого она определила себе в мужья, слишком много своих забот, чтобы он подумал о ней и поддержал ее ложь.

Глава 6

Юсуф Стены внутренних покоев во дворце эмира Кардовы сплошь покрывала золотая роспись. Арслан Ахмеди потратил на создание этой роскоши около десяти фунтов чистого золота, если Юсуф правильное помнил. Не меньше золотых монет ушло на покупку керамических ваз и изящной деревянной мебели, инкрустированной драгоценными камнями, на укладку мраморных полов, набор богатой мозаики на потолке. Юсуф понял бы такое расточительство здесь, во внутренних палатах дворца, если бы брат умел ценить красивые вещи. Но Арслан Ахмеди не слишком жаловал красоту саму по себе. Он использовал ее лишь для поддержания статуса и репутации. Удивительно, что при этом свой гарем он любил и предпочитал отбирать туда женщин красивых и необычных.

Юсуф догадывался, почему зеленоглазая незнакомка могла заинтересовать брата. Кроме женщин, Арслан уважал в этой жизни лишь еще две вещи. Любил военные походы: отец и старшие братья не раз требовали, чтобы он сократил войска при Кардове. И обожал разгадывать и задавать хитрые загадки: большего интригана стоило поискать во всей Арибо. Женщин Арслан Ахмеди отбирал по такому же принципу: он желал изучать и завоевывать их. А от зеленоглазой красавицы буквально веяло тайной, которую отчаянно хотелось постичь, и у нее хватило смелости отказать самому эмиру. Даже Юсуфу показалось такое необычное сочетание красоты, интриги и храбрости, граничащей с глупостью, любопытным. Хотя достаточно ли этого, чтобы бросаться в омут с головой?

Он оглядел знакомые спальни, отметил, что с его последнего визита здесь ничего не изменилось – даже игральная доска с фигурами из слоновой кости все так же грелась в лучах солнца у высокого окна. И это навело его на мысль, что если разговор с Арсланом слишком затянется, то он закончится так же, как и в предыдущие встречи: они долго не захотят поговорить снова. Следовало побыстрее уладить эту нелепую ситуацию с выдуманным браком и покинуть город. Хотя эта женщина, должно быть, отчаялась, если посмела напроситься к нему жены.

Арслан Ахмеди вошел в спальни, закрыл за собой тяжелые двери и, видимо, тоже посчитал, что время тянуть не стоит.

– Ты ведь не женат на этой женщине? – с порога потребовал он ответов. – С чего твоей жене поселяться в моем городе, если ты сам живешь в Тахмалине?

Юсуф готов был разоблачить обман, но ему не понравился тон брата. Арслан пытался уличить его во лжи, хотя он не сказал еще ни слова. Это обижало.

– Я вполне могу позволить себе женщину в другом городе, – решил отшутиться он. – У меня есть преимущество в скорости по сравнению с тобой.

Глаза Арслана сузились. Он завидовал особенности Юсуфа, пусть никогда не признавался в этом. Юсуф это знал.

– Ты врешь, – отрезал Арслан. – Своей ложью ты накличешь себе несчастье. Вот увидишь. Ты хоть знаешь, какие слухи ходят об этой красавице?

Юсуфу даже стало интересно.

– Какие слухи? – спросил он. – Разве ты не собирався забрать ее к себе в гарем? Или я что-то неправильно понял?

Арслан нахмурился и долго молчал.

– Что ты слышал о Розовых песках за последний месяц? – наконец спросил он.

– Я попал там в ловушку, возвращаясь с караваном, – нехотя признался Юсуф.

И он рассказал о своем сражении в небе с рыжим облаком из песка. Но не стал признаваться в том, что зашел в Кардову, потому что потерял часть товаров и запасы провизии, а не для того, чтобы повидаться с назначенной женой. Ему стало слишком любопытно, что же за секреты скрывает эта женщина, а брат не стал бы ими делиться, узнав он правду.

– И что ты об этом думаешь? – спросил Арслан.

Юсуф пожал плечами.

– Я не знаю, откуда оно взялось. Месяц назад я не видел там ничего.

– Мои стражи под видом торговцев уходили с тремя караванами, – объяснил Арслан, – они держали путь через это место и никто не вернулся. До этого пропал еще один караван. Скоро слухи распространятся – и люди начнут обходить Кардову. А эта женщина может знать, что за злые силы там поселились.

И Арслан поведал Юсуфу о судебном процессе.

– Твою жену называют и воровкой, и преступницей, – нагнетал он, – она якобы украла ребенка и сбежала от мужа. Ее обвиняли и в пособничестве бандитам, которые грабят караваны, и в том, что она сама их грабит, потому что колдунья. Она же утверждает, что ее с дочерью чуть не продали за долги. Только кто в это поверит?

Юсуф завел руки за голову и долго стоял, соображая, в какую историю впутался из-за собственной гордости. Положим, зеленоглазая красавица не была пособницей бандитов, потому что в пустыне точно куролесили не они. Но она действительно была колдуньей. Обычные люди камни со столов на пол не сбрасывают одним взглядом. Теперь Юсуф не сомневался, что эта женщина помогла ему в том шатре. И это неприятно обременяло. Тогда в пустыне было видно, что она таится и словно от кого-то бежит. Но кроме этого он ничего не мог сказать о ее долгах, воровстве камней и краже ребенка.

– Я действительно знаком с ней, брат, – наконец осторожно сказал он. – И она не похожа на злодейку. Почему ты решил, что она связана с огнями в пустыне? У тебя есть доказательства, кроме слухов? О красивых и одиноких незнакомках с ребенком злые люди любят почесать языками.

– Если бы у меня были доказательства, – ответил Арслан, – мы бы пытали ее в темнице, пока она не созналась и не рассказала, как побороть нашу беду. Потому я заберу ее к себе и выясню правду. Я умею обращаться с такими, как она.

Юсуф усмехнулся.

– Она умная и хитрая. И если правда, что о ней говорят, – еще и опасная, – продолжил Арслан. – Потому спрошу тебя еще раз, брат. Ты ведь на ней не женат? Она случайно выбрала тебя там, на площади?

Юсуф посмотрел на Арслана и попытался понять: он верит в то, что рассказывает ему, или хочет обмануть. Арслан ненавидел, когда ему мешали разгадывать его загадки. И сейчас он вполне мог соврать, чтобы любопытная красавица не выскользнула у него из рук до того, как он успел сорвать с нее покров таинственности.

– Почему бы тебе не попросить отца о помощи? – решил Юсуф зайти с другой стороны. – Пусть пришлет своих колдунов – они проверят это место и, дай бог, избавят от напасти. Зачем тебе женщина, которая не желает твоего внимания?

– Когда это ты стал таким взрослым, чтобы учить меня жизни? – Арслан, как обычно, не приемлел советов.

– Ты учишь меня постоянно. Могу и я разок дать тебе совет

– Так вы женаты или нет? Отвечай!

Юсуф молчал. В непростом положении он оказался: сказать правду – и он будет выглядеть трусом – испугался колдуньи; соврать – и придется взять на себя ответственность за жизнь целого города.

– Я так и знал, – бросил Арслан, не дождавшись ответа. – Она сегодня же отправится в мой гарем. Я пугал ее смертью – она не испугалась. Она словно знала, что отыщет себе мужа. Она, и правда, лиса.

Он рассмеялся.

– Подожди, – остановил его Юсуф, когда Арслан уже подходил к дверям.

Эта женщина все больше настораживала его. Но ему не нравилось и то, что брат поступает с ней так бесчестно. Да и мошенники обчистили бы все его карманы, если бы она не взялась ему помочь. А тот сапфир, который он купил, стоил почти в пять раз дороже и не мог считаться уплатой долга.

– Прекрати, брат, – бросил Арслан. – Я с самого начала понимал, что ты врешь, и сказал тебе об этом. Мы оба знаем, как ты не любишь летать, и она бы не осталась в Кардове, будь она твоей женой... И эта женщина тебе не подходит. Говорю тебе, потому что ты вечно выбираешь не тех.

Слова брата укололи Юсуфа и только подкрепили его решимость.

– Она уехала в Кардову, – сказал он, – потому что мы подумали расширять дело и открыть магазин в другом городе.

Арслан молчал, а его взгляд все больше мрачнел.

– Разведись! – наконец потребовал он.

Юсуф ухмыльнулся.

– Я эмир и у меня уже есть жены, выбранные из богатых, знатных семей. А ты еще слишком молод и не женат... Был не женат.

Арслан широко заходил по комнате.

– Если бы наша мать стала нашему отцу законной женой, а не осталась простой наложницей, – гневно высказывал он, – мы бы с тобой были куда больше обласканы жизнью. Не ютились по горам, а наслаждались чарующими видами на реку Фиоресей, где стоит дворец нашего отца. Что ты будешь делать, когда твоя вторая жена, выбранная правильно, родит тебе сыновей? Ты даже не сможешь передать этим благородным детям свое наследство. А останется все... неизвестно кому. И это если все те слухи о твоей первой жене окажутся ложью. А если нет?

– Я разберусь со своими детьми и женами, – спокойно ответил Юсуф. – И со слухами тоже разберусь. И я буду трусом, если после всех твоих слов об этой женщине, откажусь от нее.

– Ты будешь глупцом и предателем, если из-за твоей гордости погибнет целый город. Или ты так потерял голову от ее прелестей?

«Неизвестно, кто больше потерял голову», – подумал Юсуф, но промолчал.

– Она знает твой секрет? – Арслан явно не желал отступать. – Ты поэтому так за нее держишься? Или это глупое ребячество: лишь бы мне назло сделать?

– Нет, она ничего не знает, – чуть помедлив, ответил Юсуф. – И я бы не стал жениться на женщине, только чтобы тебе досадить.

Тут он покривил душой. Ему нравилось поступать не так, как хотел брат. Прежде всего, потому что Арслан слишком часто навязывал свои желания. Если бы Юсуф знал, в какое иступление приведет брата известие о его тайном браке, он давно бы об этом задумался. Хотя тут явно дело было не в том, что он женился, а на ком он женился.

– Так значит, ты не разведешь? – прогремел Арслан.

Юсуф отвернул голову и промолчал. Хотелось уже побыстрее закончить этот разговор и их встречу. Но брат сложил за спину руки, опустил голову и злой снова зашагал по комнате перпендикулярно выходным дверям. Юсуф не смог бы покинуть эти спальни, не пройдя мимо него. А Арслан сейчас полностью оправдывал свое имя: походил на большого разъяренного льва, охраняющего двери в сокровищницу. О возможности покинуть эти спальни и дворец можно было даже не мечтать.

– Хорошо. – Арслан остановился. – Раз ты говоришь, что вы женаты, так тому и быть. Но я не позволю ей выехать из города, пока мы не разберемся с бедой в Розовых песках. И даже не думай меня отговаривать.

Юсуф не собирался. Достаточно было, что он дал этой женщине свое имя для защиты.

– И раз ты так к ней привязан, – продолжил Арслан, – то и ты останешься вместе с ней. Я уеду в столицу... как ты сам предложил, и поговорю с отцом о нашем несчастье. – Эти слова он произнес сквозь зубы, дались они ему непросто. – А ты сядешь за главного и заодно присмотришь за своей женой.

– Меня караван ждет у ворот, – возмутился Юсуф. – Как ты хочешь, чтобы я остался?

– Я предлагаю тебе выбор, – ответил Арслан. – Ты можешь хоть сегодня отправляться в путь со своим караваном, но как неженатый человек, либо женатым остаешься городе, а твой караван продолжит путь без тебя.

– Ты не сделаешь этого.

Арслан подошел к нему и встал совсем близко. И они теперь смотрели друг другу глаза в глаза – и ни один не отвел взгляда.

– Я сказал и я сделаю, – произнес сухо Арслан. – Я не позволю тебе выйти за ворота моего города, если ты не уступишь мне эту женщину.

Юсуф покинул дворец эмира в отвратительном расположении духа. Возвращаться к каравану не было желания и он долго кружил по улицам, то поднимаясь в горы, то спускаясь ближе к центру, – но нигде не находил покоя. Мысли оставались мрачными, чувства слишком острыми. Уже к вечеру ноги привели его к знакомому дому – и он остановился напротив него, прижался к забору в тени деревьев и смотрел, не отрываясь, пока на небе не взошла луна и не засветили звезды. Под укрытием деревьев и темноты он не беспокоился, что случайные прохожие обратят на него внимание и сообщат патрульным стражам о странном человеке, тайком наблюдающем за окнами богатого дома.

Много лет Юсуф считал женщину, живущую в этом доме, любовью всей своей жизни. И он никогда не скрывал своих чувств к ней. Признался еще десять лет назад, когда был совсем мальчишкой. Но она не приняла его любовь и уже дважды ухитрилась выйти замуж. Почему он сейчас пришел к ее дому? У него болело в груди и он злился и на себя, и на брата, и на зеленоглазую красавицу. И он ненавидел, когда ему ставили ультиматумы и заставляли выбирать там, где он не видел правильного выбора. Хозяйка этого дома никогда с ним так не поступала, не пыталась его обмануть или поставить в безвыходное положение. Когда чувства изменились, она сразу призналась и сказала, что не сможет выйти за него замуж. И путь это причинило боль, но он был ей благодарен. И видимо сейчас ему становилось легче, когда он смотрел на дом и вспоминал их дружбу.

Он бы простоял так всю ночь, но даже такого короткого счастья не подарил ему Великий бог в этот день: не позволил ему спрятаться в воспоминаниях от своего настоящего. К воротам дома, за которым наблюдал Юсуф, подбежала женщина – он понял это по силуэту, когда к ней на стук в двери вышел слуга с лампой. Женщина просилась войти в дом, но ее грубо отбросили в сторону и она упала на узкую песчаную дорожку перед высоким забором и ворота тотчас затворились. Женщина не сдалась и повторила попытку. Но теперь ей никто не открыл. Юсуф слышал, как она заплакала, и следом увидел, как на другом конце улицы, привлеченный громкими звуками, показался патрульный стражник. Стражник быстро двинулся к дому. Какое было дело Юсуфу до женщины и до ее слез? Но она стала громко звать кого-то по имени, и ему вдруг показалось, что он уже слышал этот голос. Он вышел из укрытия, пригляделся и узнал ее. Не раздумывая, подбежал, подхватил под локоть и потянул в противоположную сторону от приближающегося стражника.

– Оставьте меня! – стала отчаянно вырываться она: толкалась, царапалась и даже пыталась его укусить.

Но он продолжил тянуть ее за собой и отпустил только за поворотом. Дай бог, стражник посчитал, что муж пришел забрать скандальную женушку и не станет их преследовать. В конце концов это было недалеко от истины. Пусть и выдуманной истины. Но когда в выдумку верит слишком много людей, она становится правдой.

– Я не знаю, чего ты там добивалась. – Он с силой встряхнул ее и заставил слушать. – Но если уж ты назвалась моим именем, то будьте добра, его не марать.

Женщина подняла на него мокрые глаза и он увидел, что она наконец его узнала.

– Мне жаль, – ответила она. – Что вы хотите за свое имя? Я заплачу вам и верну ваше имя, как только заберу дочь.

Он смотрел на нее, такую маленькую, хрупкую, закутанную в накидку – явно шелковую, доставшуюся ей в гареме, судя по тому, как развивал ткань легкий ветерок – и Юсуфу вдруг пришла в голову любопытная мысль. Брат потребовал от него остаться в городе. Что ж, ему придется подчиниться, чтобы караван пусть с опозданием, но добрался до Тахмалина. Но это же не значит, что он должен страдать один.

Глава 7

Рида

Когда Рида подошла к своему дому, ее встретила распахнутая настежь дверь. Любопытные соседи не преминули заглянуть. Что же они искали? Явно не колдовское зелье. Но Риде было безразлично. Она больше не придавала значение ничему вокруг себя, если это не касалось ее дочери.

Она вошла в гостиную залу и ее тотчас окутала темнота и аромат горных цветов, который за эти долгие три дня проник в дом через раскрытые двери и изгнал привычные запахи раскаленного металла и дыма. Обычно у стены справа Рида держала кремний для ламп – но сейчас ей не хотелось света. Она собиралась в потемках добраться до комнаты наверху, броситься на кровать и погрузится в сон, если Великий бог сжалится и дарует ей его. Однако не успела она сделать и двух шагов, как услышала шорох за спиной и обернулась. Мужская фигура вошла в дом и закрыла за собой дверь на засов.

Эта фигура преследовала ее всю дорогу с нижнего города. И Риде уже казалось, она устала от нее больше, чем от всего остального.

– Вы меня до утра сторожить собрались? – бросила она. – Я же пообещала, что не вернусь в тот дом этой ночью.

Гость подошел к пустому столу у стены, сел на его край и сказал:

– Зажги свет и давай поговорим.

Ей не хотелось разговаривать. Этот день ее измотал – утром она думала, что потеряла все, днем ей подарили надежду – ее освободили из гарема, но почти сразу же она погрузилась в бездну отчаяния – ее дочь не желали ей отдавать. Что хотел от нее этот человек? Он помешал ей остаться у того дома. И, может быть, он был прав: ночью она ничего бы не добилась. Она вернется туда утром. А сейчас ей хотелось побыть одной в тишине и подумать.

– Я не уйду, пока мы все не обсудим, – твердо заявил гость в ответ на ее молчание.

«Пожалуй, он действительно не уйдет».

Рида подумала шагнуть в сторону ламп, но вдруг поняла, что не желает прислуживать этому человеку и не должна этого делать.

– Возьмите кремний по правую руку от вас и зажигайте, что хотите, – с безразличием бросила она.

Гость долго шуршал по стенам, а она стояла, смотрела на него и ей было все равно, отыщет он кремний или нет, зажжет свет или нет, может, разозлится и выскочит вон, решив, что не желает иметь дело с неблагодарной женщиной. Последнее ее бы порадовало больше всего, если бы в ее положении она могла испытывать это чувство.

Наконец свет загорелся и Рида смогла чуть лучше рассмотреть человека, которого по несчастью навязала себе в спутники. Он все также был одет в несколько слишком широких халатов, подпоясанных кушаком, как она видела утром. Лишь исчезла чалма и его длинные волосы беспорядочно спадали почти до плеч.

– Что вы хотели мне сказать? – спросила она. – Говорите и уходите.

Гость поставил зажженную лампу рядом с собой и она очертила вокруг его ладони небольшой полукруг. А сам он снова погрузился в темноту и из-за света лампы Рида теперь почти его не видела: только руку и край бедра.

– Мне сегодня пришлось из-за тебя соврать, – сказал человек.

– Я уже извинилась за это, – оборвала его Рида.

Прозвучало невежливо, но последние дни разучили ее вежливости, а он был нежеланным гостем.

– Ну, извинениями это дело не поправить.

– Я заберу дочь и мы уедем из этого города. Обещаю вам: вы скоро обо мне забудете... И я вам очень благодарна, но сейчас вы меня уважите...

– Твоя дочь осталась в том доме? – недослушал он.

– Да, я попросила приглядеть за ней... Так, что вы хотели?

– Скажу, но сперва должен спросить: это правда, что ты связана с теми синими огнями в пустыне?

Рида глубоко вздохнула. Этот вопрос начинал ей надоедать и злил. Она сказала, не скрывая раздражения:

– Никто не видел, чтобы огни грабили караваны, но все решили, что это они. В Кардове столько людей и никто не видел, чтобы я даже за ворота города выходила, но все решили, что это я зажигаю огни. В этом городе все верят, во что хотят. Им безразлична правда. Так зачем вы спрашиваете о ней, если это не имеет никакого значения?

– Так ты связана с ними или нет?

– Если я скажу, что нет, вы мне поверите?

Он долго не отвечал.

– Мы так будем стоять целую ночь? – не выдержала Рида.

– Куда ты торопишься? Ты собиралась всю ночь простоять у того дома... – отрезал он и согласился объяснить: – Я тебе помог и вытащил из гарема, я хочу, чтобы и ты мне помогла.

Еще пять дней назад она бы без оговорок согласилась на его условия. Она всегда считала, что благодарность – высшая добродетель. Рида понимала, что не всякая помощь бескорыстна. Она была не так наивна. Но она рассчитывала, что человек предупредит ее, какую услугу хочет получить в ответ, и у нее останется выбор. Она думала неверно. Талия помогла ей выгнать из города подручного мужа, а взамен забрала ее дочь и чуть не заточила в гареме. Рида дала себе слово, что больше никому не позволит обманом навязывать свои желания.

– Смотря, что вы попросите, – ответила она и уточнила: – Это значит, что я ничего не обещаю и вы меня не заставите передумать, если я сочту вашу просьбу неприемлемой.

Он зло усмехнулся.

– Даже так? Ну, хорошо. Тогда я сейчас же пойду к брату и скажу, что обознался и ты не моя жена. И пусть он тебя обратно забирает к себе. Все лучше, чем по ночам биться в двери чужого дома и голосить на всю улицу.

– Я же объяснила, что они забрали мою дочь.

– И ты выбрала самое подходящее время, чтобы вернуть ее.

– Нет, я приходила и днем...

Она осеклась. Сразу после того, как ее отпустили из дворца, она побежала забрать свою девочку. Но они вызвали стражников и заточили ее в темнице. Ей пришлось снова заявить, что она жена брата эмира. Но сейчас эти подробности лишь усложнили бы ее положение.

– Меня выгнали и арестовали, – сказала она. – И я смогла вернуться только ночью.

Он привычно молчал, а она даже не видела его лица. О чем он думал? Он ей не верил? Да с чего ей обманывать? Ну, конечно, она забыла: здесь же все верят, лишь во что пожелают. Но сейчас ей было важно знать, что он думает. Она любила свою дочь и ей причиняла боль мысль, что ее могли посчитать плохой матерью, которая вспомнила о ребенке лишь в ночи. И еще было опасно, если он вдруг действительно так подумал.

Вокруг стояло столько ламп, они могли бы осветить эту комнату словно солнце поутру.

– Бросьте мне кремний, – попросила она.

Он перекинул ей маленький неправильной формы камень, она ловко его поймала и по очереди зажгла несколько ламп ближе к началу комнаты, где сидел гость. Теперь она могла хорошо его разглядеть. Его лицо оставляло приятное впечатление – хотя она заметила это еще тогда, в Фарезийском оазисе, где они встретились месяц назад. Он ничем не изменился с той

поры, если не считать следов клея для фальшивой бороды на гладковыбритом подбородке и напряженного, сурового взгляда.

У этого человека выдался такой же непростой день, вспомнила она их утреннюю встречу и это воспоминания неожиданно позабавило ее: то ли из-за клея на подбородке, то ли от того, что перед ней предстало ошарашенное, глупое выражение лица этого человека и та сцена, когда он уворачивался от брата, стараясь остаться неузнанным. Рида отвела голову, чтобы скрыть улыбку. Но он заметил и, сообразив, в чем может быть причина, быстро провел рукой по лицу. Сорвал с себя несколько тонких полупрозрачных корочек и бросил на пол.

– В следующий раз просто скажи, а не смейся, – с раздражением сказал он.

«Какие мы ранимые!» Но она не услышала в его словах злости или гнева. Ей показалось, что даже если он ей не поверил, он ее не осуждал и не корил.

– Говорите уже, зачем пришли. Иначе я буду думать, что вы сами не знаете, чего хотите.

– Я знаю, что хочу, – ответил он.

– И что же это?

– Я хочу, чтобы ты сделала для меня тех жуков, которых видела месяц назад в шатре у границы.

– Вы хотите, чтобы я создала подделку? – строго спросила Рида. – Я не занимаюсь подделками. Все эти обвинения – выдумки, как и слухи про огни в пустыне. Я не воровка и не мошенница.

– А я и не говорю, что ты мошенница, – остановил он ее.

– Тогда почему вы мне это предлагаете?

– Ты – не мошенница, и я тоже, представь себе, не мошенник. Я хочу, чтобы ты сделала эти камни лично для меня.

– Лично для вас?

Рида еще раз окинула взглядом гостя: несколько слоев одежды, выбранных сильно не по размеру, следы от накладной бороды, чистосердечное «я тоже не мошенник». Здесь таких немошенников водился целый город.

– Вам придется мне объяснить, – твердо заявила она.

– Я даю тебе слово. Ты же помнишь, я купил у тебя камень и заплатил тысячу золотых монет вместо сотни? Я честный торговец.

Как это было честно напомнить о своей помощи, склоняя к преступлению?

– Этот камень стоит в восемь раз дороже, – укорила его Рида.

– В пять раз.

– В восемь. Вас обманули, честный торговец.

Эта правда задела его. Он вытянулся в лице, поджал губы и пристально посмотрел на нее. Столько недовольства сквозило в его взгляде, столько упрямства и неверия, столько уязвленной гордости. Верно говорят, гонцам дурных вестей сносят голову. У Риды мурашки побежали от его взгляда. Сейчас он казался ей совсем недобрым, как она решила минуты назад. И было бы из-за чего строит такую обиженную мину. С этим человеком не следовало говорить о правде, отметила она. Пусть живет в блаженном неведении.

– Ладно, – сказал он, словно почувствовав ее растерянность. – Я скажу так. Я хочу устроить представление с этими камнями. Этого будет достаточно?

Рида опустила голову и задумалась.

Это сильно напоминало глупую, детскую месть. Но она не то, чтобы его осуждала. Ее беспокоило, кому именно он собирался мстить. Среди его окружения ходили слишком важные особы.

«Если эта шутка зайдет далеко, – думала Рида, – это обернется крупными неприятностями. И спросят обязательно с меня».

Она подняла голову, чтобы сказать об этом, и поймала его взгляд. Пока она терялась в сомнениях, он с интересом рассматривал ее фигуру под тонкими шифоновыми и шелковыми одеждами, в которые нарядили ее в гареме. Ее широкий платок слетел с головы и волосы длинными локонами спадали почти до пояса. Она чувствовала их на оголенной части спины. А его взгляд словно скользил в направлении, что они задавали, и опускался все ниже. Было неприятно, что он так смело осматривает ее тело. Словно он не глядел, а ощупывал, стараясь запомнить каждый изгиб, будто художник, всматривающийся в барханы, чтобы воспроизвести их на холсте по памяти. Даже эмир проявлял большую деликатность, нехотя сравнила она его с братом. Перебросила платок и закуталась в него, как в шаль. Строго посмотрела в ответ, показывая, что ей вовсе не льстит такое внимание.

– Ты слишком долго думаешь, – объяснил он. – Мне нужно было чем-то себя занять. Прости, если тебя обидело. Но я тоже устал.

И он глубоко вздохнул.

«Как-то маловато искренности», – подумала Рида и наконец приняла решение.

Нет, если она ввяжется в это дело, ей нужно сбежать раньше, чем начнут искать виновных. Этот человек не сможет ее защитить. Взгляд у него смелый, а мысли заняты сплошь глупостями: забавами и играми. Не удивительно, что даже слуги решаются его обмануть. Но раз ей придется покинуть это место так быстро и она не успеет ничего заработать, торгуя с приезжими в нижнем городе, то пусть он оплатит ее побег.

– Если я соглашусь, то у меня будет два условия... – сказала она. Он уже хотел ей возразить, но она не позволила: – Я должна подумать о защите себя и своей дочери. Потому я собираюсь уехать из этого города раньше, чем ваши участники представления, – она сделала акцент на последних словах, – обо всем догадаются и отправят меня в темницу или на смерть.

Гость улыбнулся.

– Ладно, чего ты хочешь? – чуть подумав, сказал он.

– Я хочу, чтобы вы помогли вернуть мне дочь и дали три тысячи золотых монет.

Он присвистнул.

– Вы получили пять тысяч за мой сапфир, – напомнила она.

Он закинул руки за голову и посмотрел на нее тем самым взглядом, который ей так не понравился. Только сейчас в нем было больше вызова, чем обиды и недовольства. Она поняла, что ей совсем не по душе этот человек. И ей бы хотелось, чтобы он побыстрее покинул ее дом.

– Я должен подумать, – сказал он и она уже испугалась, что он будет думать здесь и останется до самого утра.

Но он спросил:

– Как долго делаются эти камни?

– Около месяца, – ответила Рида. – Только они остаются камнями лишь две недели.

– И мы сможем точно подгадать время?

– Сможем.

– Ладно. – И он поднялся от стола и направился к дверям.

Она была рада видеть, что он уходит. Но отметила, что у этого человека даже в мешковатых, больших ему одеждах читалась гордая, уверенная осанка. Она не ошиблась там на площади, когда выбрала его. Он был смелый и даже дерзкий. И он не побоялся обмануть самого эмира. Но эта смелость проявлялась у него слишком во многом. Ей не хотелось каждый раз его одергивать. И она сомневалась, что у нее всегда это получится.

Будет лучше, если он не вернется. Три тысячи золотых были немалой суммой и такая высокая цена за ее услугу могла бы его отпугнуть. Хотя с помощью этого человека ей было бы проще вернуть дочь. И лишние три тысячи ей бы не помешали. Она не успеет заработать таких денег, даже если задержится в городе на целый год.

У порога он обернулся и неожиданно спросил. Должно быть, оттого она так смешалась и чуть не выдала себя.

– Как тебя зовут? – сказал он. – Я вдруг понял, что нас не представили.

– Р... Жасмин, – быстро поправилась она.

– Даже так. Почему я не удивлен?

– У меня есть причины.

Он покачал головой.

– У тебя на все есть причины, это я уже понял. Юсуф, – представился он. – И еще раз Юсуф. Одно имя на два твоих.

Эта шутка совсем не прозвучала, как шутка. Рида кивнула: хорошо она запомнит, дважды запомнит, только пусть быстрее переступит этот порог.

И он снова остановился и задумался.

Да что же еще? Ему некуда податься в этом городе в такой час? Он действительно собрался уходить до утра?

– Говори со мной неформально, особенно на людях, – бросил он. – Так будет проще.

Может, он чувствовал, как ей хочется выгнать его, и потому тянул время. Он явно еще хотел о чем-то спросить, но не стал. Лязгнул затвором и наконец вышел в темноту улицы.

«Он слишком сложный для меня! – сказала себе Рида, закрывая за ним двери. – То ли взрослый, то ли ребенок. То ли недостаточно прозорливый, то ли, напротив, слишком умный и хитрый». Она больше склонялась ко второму. В конце концов, слуга и господин всегда вылеплены из одного теста, а тот смешной старичок – отъявленный пройдоха. Юсуф Ахмеди втянет ее в куда большую беду, чем та, из которой выручил. Так что, пусть лучше хорошенько подумает и забудет о ее долге и о ней.

Она погасила свет и отправилась наверх в свою комнату, но так и не легла спать в эту ночь. Пока она сидела арестанткой в темнице и невольницей в гареме, ее дом перевернули и разграбили. В большой комнате внизу нечего было взять и потому следов разбоя она не заметила. Но по ее спальне словно пронеслась песчаная буря: матрасы, подушки – все лежали порезанные и развороченные, белье и одежда валялось разбросанное, сундуки были перевернуты и вычищены. Не осталось ни одной припрятанной золотой монеты. Рида сбежала в мастерскую, но там ее встретила похожая картина: камни, украшения, инструмент – они все забрали. Они бы вынесли даже печь, если бы смогли отделить ее от стены.

И в какой дом она приведет дочь? На что она будет кормить и одевать ее? Рида спрятала лицо в руках. Она бы расплакалась, но этот день выжал из нее все слезы. Она вспомнила про нефрит и быстро взбежала по лестнице. Заглянула под полу – нефрит, слава Великому богу, остался цел. Но теперь ей страстно хотелось, чтобы тот человек, каким бы неприятным она его ни нашла, вернулся уже на следующий день. Ей нечем было даже разделить и обработать свой камень, чтобы продать. Она подумала, что Юсуф мог бы одолжить ей несколько монет хотя бы на простой напильник. Но на следующий день он не явился. Не явился он и днем позже. И через два дня. И даже через три.

Рида бесконечно скучала по дочери, но не осмеливалась требовать ребенка назад, когда в ее карманах лежала только одна медная монета. Она лишь проходило мимо дома Талии несколько раз на дню или пряталась в листве деревьев у забора в надежде увидеть Нати хотя бы издалека. Удача ей так и не улыбнулась.

В котомках заканчивались запасы лепешек. Ту самую последнюю медную монету она потратила на кувшин молока и пролила его, когда мелкая ребятня понеслась на нее с криками: «Колдунья синих огней!». И Рида поняла, что ждать дальше неразумно. Она поборолла гордость и спустилась к воротам отыскать караван Юсуфа. К ее сожалению и разочарованию, караван покинул город еще два дня назад.

Что еще она могла сделать, чтобы отыскать этого человека? Она подумала лишь об одном, но не отважилась ступить во дворец. Она могла оттуда не выйти. Какая из нее жена, если муж уехал из города и даже не сообщил ей об этом.

Еще день Рида провела в ожидании и раздумьях. И наконец поняла: ей некому помочь – и ей придется справляться самой. И раз она не может купить инструмент, то ей придется его одолжить. В конце концов на их улице стояло еще три ювелирные лавки.

Глава 8

Юсуф

До того, как начать водить караваны и обзавестись тремя магазинами в Тахмалине, Юсуф много путешествовал. Хотя он действительно не любил летать, как упрекнул его брат во время последнего спора. Смена обличья приносила ему боль: после возвращения в тело человека, у него ломило кости, жгло кожу и он изнемогал от чудовищной жажды – не самое подходящее состояние для жителя пустыни. Юсуф быстро понял, что если не желает превратить свою жизнь в череду самоистязаний, ему придется выбрать, кем он хочет ее провести – драконом или человеком.

За два года он объехал всю Арибо вместе с караваном крупного торговца из Тахмалина и даже позволил себе заглянуть в северные земли, не называя своего имени: в окрестностях Гермена не жаловали сыновей султана враждебного царства. Еще год он прожил в обличье дракона на далеких южных скалах у моря Йорси и на мощных, широких крыльях облетел весь мир: он видел снега севера и тропические леса юга, пробовал заморские диковинные плоды, наблюдал великие сражения и примирения народов – и он вернулся к людям. Он понял, что не хочет прожить жизнь в одиночестве, которое сопровождало его весь тот долгий год.

Он выбрал осесть в Тахмалине. После Кардовы и столицы этот город казался ему самым близким и знакомым. Впрочем, он даже там никогда долго не задерживался: приводил караван и спустя две-три недели отправлялся в обратный путь. Если бы не тот досадный случай в Розовых песках, он бы и сейчас уже закупал ковры и финики на базарах и собирался в дорогу. Он сильно жалел, что не прислушался к Камиллю – вожаку его каравана – и не согласился сразу обойти заколдованное место. Не в его силах было справиться с той бедой, а последствия его появления в Кардове, нравились ему все меньше.

Его караван повез товары в Тахмалин тем утром, а ему предстояло провести все летние месяцы в заложниках у брата – он не сомневался, раньше, чем осенью, Арслана не стоило ждать обратно. Он слишком любил вид на реку Фиоресей чарующими летними вечерами. Арслан отправит к нему колдунов отца и повесит заботу о Розовых песках на его плечи. Так он отомстит за то, что Юсуф отказался ему уступить. Он всегда так поступал, с самого детства.

«Я сказал и я сделаю» – эта фраза раздражала Юсуфа так, что он был готов обернуться драконом и сжечь брата заживо.

Но он хоть и не любил потворствовать эгоистичным устремлениям Арслана, мстить ему тоже не любил, как и задерживаться в Кардове. И сейчас его распирало от злости: гордость не позволяла забрать свои слова обратно, а досада выжигала сердце – Арслан должен научиться его уважать и считаться с ним, как со взрослым, который в силах ответить на его диктаторские замашки. Юсуф решил это еще четыре дня назад, когда встретил в ночи ту женщину, которая назвалась его женой. Она делает для него летающие камни – и Арслан долго будет стыдиться показаться перед лицом султана и разлюбит реку Фиоресей и все, что с ней связано.

Однако Юсуфа больше покорило и раздражило другое. Как говорила с ним та женщина! Уже второй раз она указала на его несостоятельность, как торговца: на то, что он совершенно не разбирается в драгоценных камнях и его способен обмануть любой ловкач. И она посмела навязывать ему свои условия: требовала ей заплатить и вернуть дочь. И еще она была слишком уж умная: она сразу разгадала его намерения.

Как она тогда сказала? «Я желаю покинуть город раньше, чем ваши участники представления обо всем догадаются?» Юсуфу все больше казалось, что он сам себе подсунул под бок женское воплощение гремучей смеси Мерода и Арслана: она всегда все будет о нем знать и всегда будет пытаться из него вытащить деньги. И ему будет трудно ей отказать. Он вспомнил, какой увидел ее той ночью.

На мгновение он почувствовал сильное желание не говорить с ней о делах, а подняться по лестнице и утонуть вместе в мягких простынях. Он представил, как касается ее теплой, нежной кожи, как проводит рукой по округлым изгибам и как она откликается на его ласку, как страстно целует, он почти почувствовал ее горячее дыхание, жар ее тела, услышал возбужденные вздохи и учащенные удары сердца. Это было, как наваждение. Всюду летал сладковатый аромат душистых горных цветов. И ему казалось, она пахнет также сладко. Не удивительно, что ему не хотелось уходить. Видимо, он слишком устал быть один и ему давно стоило жениться. А эта женщина манила его, как оазис манит умирающего от жажды посреди пустыни. Но он будет глупцом, если позволит ей себя подчинить.

Он был не похож на брата и его не интересовали ее секреты. Ему достаточно было знать, что она не связана с огнями в пустыни и не несет с собой зло. И она действительно ничего о них не знала. Потому было бы лучше, если бы она побыстрее покинула город и избавила его от своего присутствия. Он был не готов, чтобы она три месяца крутилась рядом и называлась его женой. Когда женщина, да еще такая привлекательная, облачается в тонкие шелковые одежды наложницы, а следом гордо требует, чтобы на нее не смотрели и не раздевали взглядом, непременно хочется поступить обратно. Если она задержится слишком долго, он может не пожелать отпускать ее. Особенно если ее присутствие будет так злить Арслана.

Юсуф думал об этом, когда собирался в своих комнатах на постоялом дворе. Солнце уже поднялось высоко, обесцветив синий небосвод до блеклой лазури, а ветер слегка раздувал занавески. Но ветер шел с севера, и Юсуф знал, что к вечеру воздух заполонит песок из пустыни и жара накроет город. Это была самая неподходящая погода для серьезного разговора, который он откладывал уже четыре дня. Однако на большее ожидание у него оставалось ни времени, ни сил. Он все эти дни то бесцельно слонялся по своим комнатам, то без надобности осматривал верблюдов, готовящихся к отбытию, и сегодня, когда караван ушел, ему следовало наконец совладать со своими сомнениями и неуверенностью и встретиться с Талией Махмад-амин.

Он знал ее под другой фамилией, а после еще под одной. И ему все еще было немного обидно, что она так легко меняла мужей, но не согласилась принять в качестве мужа его. Однако он слишком дорожил ее дружбой и вниманием, чтобы обидеть в ответ. И чем могла закончиться их встреча? Талия должна была отдать чужого ребенка и он не знал, как с ней об этом заговорить. Как сказать женщине, которая только похоронила дочь, что и эту девочку у нее заберут? Если эта Жасмин такая умная, то почему не додумалась отвести ребенка в другой дом? Юсуфу было неприятно, что снова придется выбирать там, где он не знает, что выбрать.

Он покинул постоялый двор и всю дорогу до богатых кварталов Кардовы размышлял, какое решение можно найти. Уже стоя у ворот дома Талии, ему показалось, что он отыскал выход. Но едва слуга открыл ему дверь, проводил внутрь и хозяйка вышла навстречу, он потерял все мысли. Он вдруг понял, как скучал по старой подруге все долгие два года, что они не виделись.

– Юсуф, мой дорогой, – радостно бросила ему Талия – сколько лет! Как же я счастлива, что ты заглянул и проведал меня. Я уж думала, ты обо мне забыл. Как твои караваны? Как Мерод? Он все еще собирает камни на свою чалму?

Она улыбнулась ему своей очаровательной улыбкой и также изумительно улыбнулись ее глаза, выразительные, чуть раскосые. Они всегда напоминали ему глаза горной кошки. Завитки ее медового цвета волос изящно обрамляли нежное личико в форме сердечка, а ее родинка на щеке никогда не казалась ему кокетливой, он считал ее милой, словно это был маленький жучок или солнечный луч оставил на ее лице легкий поцелуй.

Он не удержался от ответной улыбки и позволил увести себя в комнаты, усадить за стол и напоить сладким чаем.

Она постоянно спрашивала и Юсуф долго не мог уловить момент и заговорить о важном. Он терялся перед ней, превращался в мальчишку, понимал это, но совсем не злился оттого.

Ему нравилось быть рядом с ней, слушать ее голос, наблюдать, как она чуть склоняет голову набок и как ее завитки скользят по лбу, как она заправляет их за ухо и как заваривает чай своими маленькими ручками, откидывая широкие рукава и оттопыривая мизинец. Он мог любоваться ею часами. И вдруг осознал, что именно к этому все и идет.

Солнце уже начало спускаться к горизонту, а в воздухе, как он и полагал, залетали частые песчинки. Скоро вернется ее муж и им будет труднее поговорить о его важном. Юсуф наконец собрался с духом, остановил ее бесконечное воркование и сказал прямо и быстро, чтобы она не успела его перебить:

– Лия, – так он называл ее с детства, – у тебя в доме живет чужой ребенок. Мне жаль, но тебе придется его отдать.

Он был слишком груб и прямолинеен. Она вздрогнула от его слов. Взглянула на него, тут же отвела глаза и он заметил, что она силится не заплакать. Она долго мяла руки. У него защемило сердце, ему захотелось взять ее руки в свои, поцеловать, прижать к груди и успокоить. Он подавил в себе это желание и постарался сказать нежнее и ласковее, насколько умел:

– Лия, ты же сама знаешь, как правильно.

Она подняла на него глаза, полные слез.

– Суфи, – назвала она его так, как не называла уже много лет. – Я так долго думала об этом. И думаю до сих пор. Мне с таким трудом далось это решение... Но ты сам посуди: зачем ей наша Нати? У нее столько забот. На ней долги мужа. О ней столько гадкого и страшного говорят в городе. Ты подумай о бедной девочке: как ей жить во всем этом? Наша Нати такая маленькая, такая хрупкая, такая беззащитная. Она не должна возвращаться в кошмарную жизнь этой женщины.

Талия встала со своего места, подошла к Юсуфу, присела подле и взяла его за руки.

– Суфи... – она чуть наклонила голову и посмотрела с мольбой; он не выдержал ее взгляда и отвел глаза, а она продолжила говорить вкрадчиво, но настойчиво: – Ты же не позволишь случиться такой несправедливости? Эту несчастную от ее печальной судьбы спасет разве что гарем нашего эмира. Только там она проживет достойную, безопасную жизнь. А я выращу нашу Нати, как принцессу. Ей ни в чем не будет отказа в этом доме. Посмотри вокруг, разве эта женщина сможет предложить нашей Нати лучший дом?

Ему было трудно ей возразить, особенно сейчас, когда она сидела так близко и умоляла о помощи. Дом ее мужа действительно уступал богатству разве что дворцу Арслана: бордовая парча, розовый шелк, красное и черное дерево, малахитовые шкатулки, вазы, инкрустированные самоцветами, посуда, достойная палат султана. Талия была права: та женщина, Жасмин, не сможет предложить дочери лучший дом. Не с тремя тысячами золотых, с которыми она собиралась покинуть город, и неважно, куда она направится.

И все же было неправильно отбирать ребенка у матери. Да и Юсуф нуждался в помощи той женщины.

Он любил Талию чисто и искренне, всей широтой своего сердца и понимал, что она точно никогда его не простит и не захочет больше видеть.

«Боги, почему вы снова заставляете меня делать такой выбор!»

– Лия, – Юсуфу непросто дались эти слова, еще труднее было смотреть ей в глаза, – эта женщина не может жить в гареме и ты знаешь почему.

Он не сомневался, слухи о тайном браке уже разлетелись по всему городу.

Талия отпустила его руки. Встала, отошла и долго стояла, отвернувшись.

– Неужели ты хочешь растить чужого ребенка? – наконец сказала она с раздражением и досадой.

Он никогда об этом не задумывался. Но он ведь и не собирался.

– Я обещал ей вернуть дочь, – уклончиво ответил он, не сводя с нее глаз. Ее мягкие завитки волос, словно лепестки и листья диковинных цветов спадали по спине; он больше никогда их не увидит. Но он продолжил: – По закону она ее дочь. И суд эмира вернет ей ее, хочешь ты этого или нет. Если мы с тобой не договоримся, то ради твоего же блага, я буду просить твоего мужа. Я не хочу видеть тебя, сидящей на ковре в тронном зале. И Арслан бы этого тоже не хотел.

– Зачем ты заступаешься за нее? – раздраженно спросила Талия. Она словно не услышала его слов. – А что, если слухи о ней правда? Что ты знаешь о ней? Поверить не могу, что ты действительно на ней женился.

Юсуф не поспевал за ее вопросами.

– Я всегда думала... – Талия сделала паузу, – ты будешь ждать меня.

И она медленно повернулась к нему, ее щеки пылали, а глаза смотрели серьезно и печально. Он растерялся и глупо улыбнулся в ответ, но его сердце дрогнуло. Они никогда не говорили о чувствах с того дня, как просила отпустить ее. Что значили эти слова?

Он постарался ответить уверенно и спокойно:

– Ты же знаешь, Лия,.. Я бы ждал тебя всю жизнь, если бы ты только попросила. Но ты же сама сказала... ты же помнишь, что мне тогда сказала?..

– Наверно... я была неправа, – произнесла она с легким сомнением и взглянула на него смущенно.

Сердце забило чаще, громче, дыхание стало тяжелым, прерывистым: она собирается это сказать? Внутренний голос упрямо твердил: нет, она хитрит, не ты ей нужен, ей нужно, чтобы ты оставил ей ребенка. Но Юсуф не мог не верить ей: Лия никогда его не обманывала. И сейчас она тоже не стала бы. Никто не меняется так внезапно.

– Суфи,.. – прошептала она и сделала паузу. Ее молчание, казалось, длилось вечность, она продолжила, а он почувствовал, что пол уходит из-под ног: – Еще ведь не поздно... для нас с тобой?

И что она ждала от него в ответ? Он был готов подарить ей весь мир. Наверное, ради нее он бы даже забыл про месть брату. Лишь бы ее слова оказались правдой.

Ему было непросто совладать со своими чувствами.

– Ты ведь замужем, – он постарался произнести это сухо и твердо, но следил за ней не отрываясь, ловил каждое движение, каждую мелочь, которая подтвердила бы ее искренность.

– Ничто не вечно, Суфи, – сказала она и призывно улыбнулась. Она смотрела на него так, как когда-то давно и он всегда мечтал, что она посмотрит снова: влюбленными, очарованными, немного смущенными глазами.

Он медленно поднялся и приблизился к ней. Остановился в шаге, не смея подойти вплотную. Талия казалась ему нереальной, словно плод его воображения. Он дотронется до нее – и она исчезнет.

– Не шути так со мной, – сказал он и его голос прозвучал глухо и прерывисто. – Не разбивай мне снова сердце, Лия.

Она преодолела за него шаг, разделяющий их. Дотронулась до его щеки и нежно посмотрела в глаза.

– Милый, добрый Суфи, – произнесла она еле слышно, ее шепот походил на шелест весенней листвы, – наша любовь, как твои пески, она будет существовать вечно. И я скоро приду к тебе и мы навсегда будем вместе. Навеки. Только ты и я.

Он протянул руку и коснулся ее. Она была самая что ни на есть настоящая. Не выдумка, не наваждение. Теперь он чувствовал это. Он слегка наклонил голову. Он готов был поцеловать ее и, казалось, она бы ответила на его поцелуй.

Но их отвлекли шорох и шаги за дверью. Юсуф обернулся – и вмиг его волшебный мир рухнул. Рассыпался, как дом из песка. Его Лия отвесила ему звонкую пощечину по той самой щеке, которой минуту назад так нежно и ласково касалась.

– Что все это значит? – проревел с порога Фарук и Талия тут же исчезла за высокими резными дверями.

Что могло это значить? Как тут объяснить? Сказать, что его жена – соблазнительница и обманщица? И почему? Потому что ее заставляли отдать чужого ребенка?

Тяжелый кулак Фарука приземлился на челюсть Юсуфа раньше, чем он решил, как ответить.. И дальше в игру вступила драконья сущность: она никому и никогда не позволила себя колотить, неважно, кто и за какие прегрешения, и заслужено ли это. Юсуф бил и получал удары. Старательно сдерживал себя, чтобы ненароком не убить гневливого, одураченного мужа. По его лицу и шее уже стекала кровь липкими струйками. Одежда взмокла, повисла лохмотьями на спине и руках. Юсуф, казалось, все меньше осознавал, что делает, все меньше контролировал силу удара, настолько разгорячилась в нем кровь. Он пришел в себя лишь на улице, когда десяток стражей под руки выводили его из дома. В лицо ударил недюженной силы ветер и песок болезненно резанул горячую, воспаленную кожу, словно в Юсуфа швырнули осколками битого стекла. Но он наслаждался этой болью. Она пьянила и дурманила его тем, что заглушала пустоту внутри.

Его отвели к суду и он почти целую неделю просидел в мрачном, сыром подzemелье, где кормили только пустыми, безвкусными лепешками и водой. Однако он не замечал ни времени, ни окружения, его мысли витали далеко. И вот, спустя долгие дни одиночества за ним наконец пришли.

– Не смог отказать себе в удовольствии увидеть тебя в моем зиндане, – бросил Юсуфу Арслан через решетку.

Его позолоченные наряды на фоне мрачных, серых стен из неровного камня слепили так, как если бы Юсуфа выгнали из черноты подземелья на яркий свет.

– Еще немного и тебя привели бы ко мне в зал, – строго заговорил брат. – Не прошло и двух недель, как твоя назначенная жена сидела там передо мной на ковре. Мой суд для вас проходной дом, караванный путь через Арибо? Водите свои караваны другими путями.

Юсуф позволил себе не отвечать. Арслан явно не ждал ответов, а гнев больше доставлял ему удовольствие, чем злил. На миг Юсуфу даже показалось: брат заранее знал, что эта постыдная история с Талией могла произойти. Он словно ждал, когда она произойдет. Хотя умело это скрывал.

Они уже покинули темницу и шли по длинным сводчатым коридорам дворца, когда Арслан мрачно предостерег:

– В будущем думай, на чьих жен заглядываешься. Фарук рвет и мечет который день. Он грозит закрыть все магазины в Кардове и уехать в столицу. Ты хоть представляешь, чем его отъезд может обернуться для города? Все на взводе из-за этих огней. Ночью бояться ступить за ворота. И хуже того... мы уже несколько дней ждем караван с севера. Видит Великий бог, он не доберется до нас ни завтра, ни через месяц.

– И что ты будешь делать? – сухо спросил Юсуф.

Арслан резко остановился и смерил его недовольным взглядом.

– Я представлю тебе своих советников, – сказал он, чуть помедлив.

«Значит, все-таки собирается уехать».

– Не думай, что я оставлю тебя одного с этим разбираться, – продолжил он, словно прочел мысли, и они снова двинулись по коридору. – Я не настолько мелочный и не собираюсь мстить тебе за ту женщину.

Юсуф был уверен в обратном.

– Я вызвал тебе помощника, – объяснил Арслан. – И ты знаешь его. И его жену ты тоже знаешь, – он подчеркнул последние слова: – Хариф Амурды – лучший в распутывании колдовских загадок. Я завидую ему также, как тебе, брат, за твои успехи у женщин. Дай мне слово, что больше не будешь трогать чужих жен. Хотя бы до моего возвращения.

Амина Амурды относилась не к тем женщинам, которых требовалось трогать. Удивительно, что она все еще оставалась замужем. Еще невероятнее было бы предположить, что муж не знал о ее похождениях. И что о них не знал Арслан.

– Они самая невероятная пара, брат, – сказал Юсуф. – Они разные, как огонь и вода. Но неразделимы, как песок и ветер Арибо в сезон песчаных бурь. Скорее небо упадет на землю, чем они разойдутся. Почему ты вдруг об этом беспокоишься?

Арслан горько усмехнулся.

– Я беспокоюсь, дорогой брат, потому что только вчера поклялся торговцам этого города, что мы найдем ответы и отведем беду от наших земель. А тебе, похоже, стало в радость волочиться за чужими женщинами, – сказал он с явным укором. – Если Хариф уйдет, то половина города уйдет вместе с ним. Мы должны дать жителям Кардовы их разбойников, колдуны они или обычные бандиты. И я не хочу, чтобы среди этих людей была твоя жена.

И Юсуф впервые за последние дни вспомнил о Жасмин. Его настроение, и без того нерастраченное, омрачилось еще сильнее.

Он даже не заметил, как Арслан остановился у дверей комнаты, которую отвел для него. Лишь ощутил толчок в плечо и услышал наказ быть одетым и готовым к разговору после полудня. Брат собирался представить своих советников: всех четырех – и следом они бы направились в тронный зал заслушивать судебные дела.

Однако едва Юсуф вошел в огромное помещение и уселся наподобие трона, он ощутил, насколько не подходит этому месту. Просящие, обвинители, обвиняемые тянулись скучной чередой. И Арслан, внимательно выслушивающий каждого, явно не нуждался в помощи. Юсуф все больше погружался в свои мысли и снова задумался о Жасмин. Он не представлял, как с ней поступить. Ему, как никогда, хотелось заполучить тех рубиновых жуков. Но, очевидно, что сейчас и речи не могло идти о том, чтобы заявиться в дом Фарука и потребовать ребенка.

И еще Юсуфу было безумно обидно, что даже брат считал его заядлым ловеласом, но за прошлую неделю ему отказали сразу две женщины. Они обе об этом пожалеют, сказал себе он. Каждая из них ждала от него исполнения своих желаний, но не собиралась за это платить. Словно он был джином из лампы и обязан был им служить только потому, что попался в руки. В конце концов одну из этих женщин все в городе считали его женой. А он совсем скоро должен был стать эмиром этих земель.

Приятное возбуждение волной окатило его, прогнало усталость и скуку, он распрямил плечи и откинулся на мягкую спинку кресла. Поднял глаза. И вдруг словно по волшебству перед ним на ковер села – кто бы мог подумать – его назначенная жена. Он мотнул головой. Посмотрел на брата. Арслан явно видел то же самое.

С чего бы ей здесь находится? Она попыталась забрать у Талии ребенка?

Юсуф оглянулся. Он был бы рад увидеть на своем ковре обеих женщин, что обидели его. Но сидела лишь одна. И пусть. Он широко и довольно улыбнулся.

Глава 9

Рида

Ночь неделю назад, когда Рида задумала свою опасную проделку, выдалась звездная и лунная. Совсем неподходящая, чтобы вламываться в чужие дома. Пахло акацией и песком, который северный ветер накануне притащил с пустыни, и стояла жаркая, душная погода. Казалось, солнце примерило личину луны и раскаляла этот мир даже ночью.

Рида выскользнула из дома через заднюю дверь и, помня о любопытных соседях, не пошла по вымощенной дорожке между жилыми постройками и мастерскими, а проскочила вниз по тропинке в обход.

Еле заметная стежка спускалась по склону горы и плотно поросла высоким кустарником и фруктовыми деревьями. Финики и абрикосы так низко свисали с веток, что задевали плечи Риды. Но здесь под покровом деревьев она чувствовала себя в безопасности. С окон домов, которые в такие жаркие ночи всегда оставались открытыми, ее не разглядел бы даже самый зоркий глаз.

Она прошла мимо трех больших домов и остановилась напротив одноэтажной постройки, поставленной чуть поодаль за плотным деревянным забором. Здесь семья Хартофан держала свою мастерскую, отдельно от жилого дома, в отличие от остальных хозяев ювелирных лавок на улице. Потому Рида и выбрала ее. Под прикрытием ночной темноты ей легче всего было бы пробраться внутрь и обработать камни. Однако ее не оставляло беспокойство.

Если бы она только знала, когда сбегала из Гермена, что один из камней ей придется продавать по частям, она бы закопала в пустыне нефрит и приберегла бирюзу. Нефрит был самым прочным из известных камней и ночью в чужой мастерской ей бы не удалось разделить его незаметно. Потому она потратила весь свой внутренний магический поток, чтобы разбить камень вручную. И теперь, чтобы закончить работу, ей предстояло черпать магию из окружающего мира и это удручало.

В последний раз, когда она пользовалась внешними источниками, последствия сказались крайне противоречиво. Она смогла отомстить за давнюю обиду, но неожиданно для себя выскочила замуж и этот брак доставил ей много слез и страданий. Потому сейчас, когда она смотрела из тени деревьев на мастерскую Хартофан, в глубине души она испытывала страх. К чему может привести ее проказа?

Хартофан была фамилией ее жадной и гордой соседки Маниши. И Рида многое отдала бы, чтобы отплатить ей за обиду. Но оттого ей все больше казалось, что она стоит не перед мастерской, а у начала тропы, которая в прошлом чуть не привела ее в зыбучие пески. Успокаивало лишь то, что она уже была замужем: причем успела обзавестись двумя мужьями – настоящим и выдуманным. И настоящий находился за много миль от нее, а выдуманный очень вероятно покинул город накануне.

«Если я не стану мстить этой женщине, – убеждала себя Рида, – ничего дурного не случится. И я обещаю, что не стану этого делать. Я смогу запомнить это обещание».

Она подошла к забору, внимательно осмотрела его, не найдется ли там неустойчивых столбов, – удача ей не улыбнулась – и она выбрала место подальше от соседних домов, достала из кармана накидки длинное лезвие кухонного ножа и воткнула его в древесину. Закрыла глаза, увидела внутренним взором мельчайшие магические крупинки, что летали вокруг нее, и позволила им коснуться своей кожи и проникнуть внутрь. Лезвие ножа в ее руках заскользило внутри прочного дуба, словно резало масло, а не дерево. И спустя минуты Рида уже стояла перед дверью мастерской и ловко, лишь силой мысли, двигала штыри внутри большого чугунного замка. Щелкнул засов и она ступила через порог.

«Назад дороги нет. Они все равно теперь узнают, что в их дом залезли этой ночью».

Мастерская представляла собой огромную комнату, вытянутую в длину, со встроенной большой печью с мехами в дальнем конце. Глаза Риды, привыкшие к темноте, легко различили деревянный стол напротив окон и полки на стенах, где стояли шкатулки с камнями и ювелирным инструментом. Рида почувствовала, как приятно закололи кончики пальцев. Она всегда это ощущала, когда садилась за работу. А сейчас, когда бесконечная магия питала ее, это покалывание воспринималось еще острее, слаще и маняще. Рида решительно двинулась к окнам, затворила ставни, зажгла лампы и свечи. Сняла с полок и разложила по столу молотки, напильники и надфили, вытащила из кармана двадцать пять одинаковых камней размером с мелкую горошину и принялась за дело.

Обычно она почти не влиwała магию, когда работала у себя в мастерской. Но сегодня она позволила себе жадно впитывать ее из воздуха и предметов, что окружали ее, живых и неживых – одновременно и печи, и полок на стенах и листьев деревьев и песчинок в воздухе – она, не жалея, принимала этот поток в свои пальцы и отдавала его в камни. Дело спорилось и уже спустя пару часов все двадцать пять камней отполированными кабошонами переливались в свете ламп. И им сильно не хватало красивого, ажурного обрамления из дорогого металла, но Рида взяла себя в руки и сказала нет. Она не станет брать чужие вещи.

И это решение далось ей крайне непросто. Магия напитала ее и теперь искрилась и переливалась внутри. Оттого кожа ее мерцала в полумраке мастерской, не нужно было света ламп и свечей. Риду легко можно было бы принять за ожившую статую, вырезанную целиком из большого куска драгоценного голубого берилла: отполированную, граненную и поставленную на солнце. Так она сияла. И внутри она сияла не меньше. Эмоции кружили ей голову. Она словно вместе с магией поглощала счастье и излучала его. Она смотрела на свои светящиеся руки и чувствовала дикую пьянящую радость. По телу пробегала приятная дрожь, щекотало в животе и душа требовала веселья и наслаждения.

Она убрала инструмент, камни, смело оглянула комнату и сказала себе:

«Я сдержала слово и я могу позволить себе маленькую шалость. Не более того. Вдруг я отыщу здесь настоящий голубой турмалин? Или алмаз? Может быть, рубины с сапфирами? – Она тихонько хихикнула. – Что эта старая, жадная сплетница припрятала в своих закромах? Почему бы не перепрятать их у соседей или, напротив, соседские камни не подложить старой вредине? И сходить в суд, посмотреть, как они будут оговаривать друг друга и оправдываться?»

Конечно, Рида еще помнила о своем обещании. Да и никаких алмазов и турмалинов она бы не нашла в этом месте. Она действительно позволила себе лишь маленькую шалость: переставила шкатулки и инструмент, спалила масло во всех лампах и воск в свечах, переделала кучу украшений так, чтобы ни один покупатель не позарился на них, оглянулась на печь, подумала, не засыпать ли ее песком, что стоял в бочках рядом, но отбросила эту мысль и полезла на дальние высокие полки. Посбрасывала лишнее, отобрала дорогой инструмент, решила зажарить его в печи так, чтобы остались лишь уродливые головешки. И на том она бы остановилась. Но вдруг заметила большую шкатулку, запиханную далеко, вплотную к стене – она забыла про инструмент.

«Так вот, где ты держишь свои алмазы!» – Рида хитро улыбнулась, отгоняя мысли о своем обещании. Сейчас-то она оторвется на этих дорогих камушках.

И она с воодушевлением включила на табурет, вытащила шкатулку и отбросила крышку – замерла, не в силах вздохнуть. Внутри большого ларца лежали ее розовый кварц, сердолик, малахит, кунцит и прочие недорогие камни, в оправе украшения и без. Рида чуть не свалилась на пол с табурета.

«И кто после этого воровка? И кто должен вернуть украденное?»

Да все ее хулиганство не шло ни в какое сравнение с бесчестностью хозяйки этой мастерской. Риду словно щелкнули по носу. Она почувствовала себя глупой, маленькой девочкой. Она стояла, уставившись на свои украшения и камни, и ее разум в сомнениях метался.

Она должна усмирить гнев и досаду, забрать свои вещи и покинуть мастерскую, говорила она себе. Но все внутри нее сопротивлялось этому правильному поступку. Магия словно привязала ее ступни к полу и с каждым шагом к дверям все сильнее тянула назад.

Годы брака научили Риду подчинять эмоции разуму. Она была уже давно не та восемнадцатилетняя девчонка, что натворила глупостей под действием внешней магии. Однако уйти в тот правильный момент у нее не вышло. Она уже стояла у дверей, протягивала руку, чтобы толкнуть их и спасти себя от поступков, о которых пожалела бы уже наутро, но вдруг из-за стены донеслись тихие, крадущиеся шаги и она затаилась и прислушалась.

Шорохи стали отчетливее, послышался шепоток. Рида спешно, на цыпочках проскочила к печи, влезла внутрь и прикрыла заслонку.

Скрипнула дверь. И следом раздалось недовольное ворчание Маниши.

– Это точно к нам та лиса залезла, говорю я тебе. Смотри, как замок не слушается... Слишком тихо она сидела, когда мы растащили ее лавку. Рахмед, куда ты спрятал ее камни? А ну, неси сюда. И не смей мне возражать, старый ты дурак.

– Говорила я тебе, снеси ее камни в нижний город вместе с инструментом и продай подешевле, чтобы сразу взяли. А ты все нет и нет, я учусь с них буду, – зло передразнила Маниша мужа. – Ты сколько ни учись, все равно не научишься, остолоп ты несчастный. Она если задержится здесь, наша семья по миру пойдет.

Маниша кружила по мастерской, часто и мелко шлепая ногами по полу. Рида прижала к себе шкатулку и сидела, сдерживая дыхание и внимая каждый звук.

– Они все не так стоят, – придиралась Маниша, снова шлепала по полу, шуршала около стен. Наконец заворчала еще противнее: – И словно жженым маслом пахнет. И почему закрыты ставни? Я помню, что отворяла их на ночь.

Снова раздалось топтание.

«Если они зажгут свет, они все поймут», – думала Рида. Но страха она не чувствовала. Она была не против высказать этой женщине в лицо все, что о ней думает.

– Нет здесь никого, жена. Вернемся в дом, – донеслось нерешительное бормотание Рахмеда.

– Да что ж ты рохля-то такой! – припустилась тут же на него Маниша и с шумом распахнула окно рядом с печью. – Отдай мне ее камни, я тебе что сказала. Прошу по-хорошему в последний раз.

Рахмед не сразу ответил.

– Она ж теперь во дворцы вхожа, – еле слышно промямлил он. – К чему ей искать свои дешевые украшения, да еще у нас? Ей муж купит больше и лучше.

– Кабы хотел купить, давно б уже купил, – зло процедила Маниша. – Он только по ночам ей муж, а в остальное время они неженатыми ходят. Сам видел, как он от нее той ночью ушел и больше не вернулся. Вступился за нее, плату получил и был таков. Так что, давай сюда ее безделушки. Мне они для дела будут нужны, слышишь?

– Ну, что ты опять задумала, беспокойная твоя душа! – Рида услышала, как Рахмед лениво зашаркал ногами. – Что тебе в радость гонять меня лазать по этим темным стенам? Света дня тебя мало, чтобы мучить меня?

Маниша шикнула на него. И следом тоскливо заскрипел деревянный табурет. А Рахмед продолжил причитать:

– Твой придуманный турмалин чуть головы тебе не стоил, жена. Не трожь ты эту девочку. Прошу тебя. Вот увидишь, она не задержится здесь долго. Разве будет ей здесь жизнь после того, как ты со своей богатой подругой такое учинила. Дочь заберет и уедет из города. С мужем или без.

Потянулось молчание.

«Должно быть, он обернулся и умоляюще смотрит на нее, – догадалась Рида. – Очень уж ему не хочется отдавать мои украшения».

– Доставай, – потребовала Маниша. – Не уедет она никуда.

– Да с чего ж ты знаешь?

– Знаю и все.

И снова Риду оглушило молчание. А следом донеслось шумное шуршание по полкам.

Рида пыталась придумать выход. Нет, она не станет выяснять отношения с Манишей, не среди ночи, тайком пробравшись в ее мастерскую. Она хорошо помнила, как ее соседка умела выворачивать правду. Может, выскочить из печи и броситься через окно? Они не станут вызывать стражников, раз у нее в руках шкатулка с украденными драгоценными камнями. Но магия внутри Риды тут же возразила против трусливого побега. Может, напугать их? Заставить камни вылететь из шкатулок, повиснуть в воздухе и засверкать, словно на солнце? Это пришлось ей куда больше по душе. Но тогда она должна будет бежать из города, а ее дочь все еще оставалась в том доме.

Спасение пришло неожиданно.

Шуршание вдруг затихло и Рида услышала:

– Нашел? – насмешливо прозвучал голос Маниши. – Она? Точно? Не врешь мне?

Рахмед не отвечал.

– Ну, неси тогда, – снисходительно бросила женщина, глубоко вздохнула и затопала в сторону дверей.

Рида слышала, как Рахмет слез с табурета и мелко засеменял следом. Лязгнул замок, шаги стали быстро отдаляться, пока не затихли. Рида осторожно отодвинула заслонку и вышла из печи. Отряхнула от золы одежду, посмотрела на шкатулку в руках. Поставила на стол.

«Как быстро они вернутся?» – спросила она себя.

Рахмед действительно не разобрал в темноте, что взял не тот ларец? Или нарочно взял не тот, чтобы не отдавать жене свое сокровище?

Рида стояла посреди комнаты, прокручивала в голове услышанный разговор и чувствовала, как сомнения и раздражение быстро сменяются злостью и гневом. В иной день ей бы льстило преклонение Рахмеда перед ее работами, но сейчас она думала лишь о словах Маниши.

Соседка даже не стыдилась, что собирается снова ее обогатить. Она словно считала это своим долгом, необходимостью – как песок необходим пусты

е, а вода – реке.

– Я тебе покажу, сувошница ты ложнопремудрая! – выдохнула Рида. – Оклеветала меня, дочь забрала, дом разграбила – и все равно ей мало!

Рида затопала ножкой по полу. Взмахнула руками и с полок на стол полетели шкатулки, камни, металлы, напильники и тиски без разбору. Легли ровно и она обошла их осмотреть. Щелчком пальцев разожгла печь, затворила ставни.

«Камни ей мои нужны? Сейчас я ей устрою камни».

Даже спустя неделю воспоминания Риды о ее проделке в мастерской Хартофан не теряли своей яркости. Она же, напротив, горько сожалела о тех событиях и отчаянно хотела их забыть. Но все вокруг ей о них напоминало. Ее тело желало вновь испытать моменты наслаждения и радости, болезненно требуя впустить в себя внешнюю магию, а город уже неделю перешептывался о том случае.

Рида старалась не мелькать перед глазами соседей. На следующее утро она сбежала с верхнего города и возвращалась домой лишь тайком поздними вечерами. Большую часть времени она проводила в магазине торговца Мехмеда Али, что стоял у главных ворот. У этого человека месяц назад она покупала ювелирный инструмент и он проявил бесконечное пони-

мание и доброту, выделив ей место в своей лавке, чтобы она могла продать камни, которые отполировала и огранила. Конечно, такая щедрость имела свою цену и условия.

– Я возьму с тебя половину стоимости за твои украшения, – сказал он ей, когда она явилась к нему в магазин ранним утром, сразу после ночной вылазки в соседскую мастерскую. – И ты закроешь свое лицо. Мы скажем, что ты моя дальняя родственница. Меня выживут из города, моя дорогая, если люди прознают, что я пустил к себе колдунью синих огней. Особенно после того, что случилось в доме Хартофан.

И он пристально посмотрел на нее, словно спрашивал: имеет она отношение к тому несчастному происшествию или нет. Рида не ответила, но Мехмед Али все равно согласился ей помочь.

Первое время она терялась в догадках почему. Его привлекла прибыль от продажи ее украшений? Рида собиралась выручить за них не меньше пятисот золотых монет. Или, может, ему нравились ее работы? Он мимолетом намекнул, что она уважит его, если согласится выполнять мелкий ремонт и заказы для покупателей его лавки. Не отбрасывала Рида и мысль о том, что ему нравилась она сама – Мехмед Али был еще молодым, приятным мужчиной, ему нельзя было дать больше сорока лет, и он был вдовцом без детей.

Настоящую причину она узнала позже, уже когда начала работать в магазине: слухи о ее назначенном муже ходили по городу не меньше, чем о происшествии в мастерской верхнего города. Все таинственно перешептывались, но Рида даже не вслушивалась в их сплетни. Она и так догадывалась, о чем они говорят. Однако отметила, что Мехмед Али был прозорливым, дальновидным человеком, который быстро смекнул, что дружба с невесткой самого эмира этих земель, принесет ему гораздо больше выгоды, чем бездумное потворствование слухам и страхам глупцов.

Вместе с тем Рида почувствовала вину перед этим человеком. Он не знал об истинных отношениях, которые связывали ее и Юсуфа. Никакой выгоды дружба с ней никому принести не могла. Юсуф уехал и она лишь надеялась, что выручив деньги за украшения, заберет дочь и покинет город раньше, чем он вернется. Хотя о дочери она уже начинала всерьез беспокоиться. Она каждый день ходила к дому Талии в надежде увидеть Нати, даже навещалась к ее бывшей школе – и нигде не могла ее найти. Не сглупила ли она? Не следовало ли прямо сейчас ворваться в тот дом и забрать свою дочь?

Рида думала об этом, стоя за прилавком магазина в то тихое утро вторника, спустя неделю после ее ночного приключения. В город почти не пришли караваны, как это бывало в дни начала недели, и в лавку заглядывали лишь местные покупатели и ранее прибывшие гости города. Погода стояла безветренная, песок не поднимался в воздух и потому дышалось легче. Солнце уже висело высоко и заглядывало на прилавки, чаруяще играя лучами на поверхности камней и их ажурных обрамлений из дорогого металла. Постепенно начинало привычно палить и обжигать оголенную кожу. Снова ожидался жаркий, душный день.

Магазин Мехмеда Али представлял собой три больших прилавка, выстроенных открытым квадратом, и кроме Риды в нем работало еще два человека: Рашит, невысокий юноша, чуть старше двадцати лет, который продавал ювелирный инструмент, и Зита, полноватая женщина средних лет, которая стояла за прилавком с драгоценными камнями.

Магазин располагался у самого начала торговых рядов, что ближе к воротам, и потому пользовался неизменной популярностью. Яркая вывеска и красивое оформление привлекали внимание – и обычно уже с ранних часов в лавку один за другим заглядывали гости. Приценивались к камням и инструменту и с интересом посматривали на украшения Риды. Серьги в форме лепестков тюльпанов она продала уже спустя час работы в первый свой день. И за это должна была бы поблагодарить свою бесстыдную соседку. Ведь если бы Маниша в ту ночь не заявила в мастерскую отбирать у мужа краденые камни, Рида ни за что бы не позволила

себе стащить у нее белое золото и не превратила свои нефритовые кабошоны в филигранные браслеты, кольца и сережки.

В ту ночь до того, как перевернуть мастерскую, она сделала из двадцати пяти камней десять изящных украшений. И за неделю успела продать восемь из них. В карманах ее длинных темных одежд, закрывающих ее полностью так, что видны оставались лишь глаза, теперь лежало почти пятьсот золотых монет. Половину из них она отдаст Мехмеду Али, но половины хватит на путь до ближайшего города и первый месяц жизни. Рида подумала об этом и сказала себе, что не должна больше ждать. Она сегодня же наведается в дом Талии, влезет туда через окно или сорвет замки с дверей, но заберет свою девочку. И, видимо, оттого ей стало так легко и свободно – словно тяжелый груз наконец слетел с ее плеч – что Зита в отсутствие покупателей подкралась к ней и со смехом шепнула на ухо:

– Ты светишься, словно проглотила солнце.

Рида испуганно взглянула на свои руки. С облегчением вздохнула, не заметив мерцания.

– Сегодня я, как сама Арибо, – ответила она в шутку. – Я вберу в себя все солнце, что подарит этому миру Великий бог. И верну себе все, что мне принадлежит.

– Ты только не стори в его лучах и нас не сожги, – засмеялась Зита и Рида сразу поняла, о чем она говорит.

Речь снова шла о мастерской Хартофан и следовало отыскать способ уйти от разговора.

– Они ведь так и не заплатили Мехмеду Али за его инструмент, – продолжала сплетничать Зита.

Рида не осуждала ее и старалась не злиться. Она понимала, что эти горячие слухи будоражили умы людей, одновременно пугая и притягивая своей загадочностью. Но когда первая же покупательница вошла в двери, она тут же предложила ей подтянуть петли на креплении браслета и исчезла за дверьми внутренних комнат. В одной из них Мехмед Али оборудовал для нее маленькую мастерскую.

Она закрыла дверь на засов, чтобы случайно никто не подсмотрел за ее работой, сняла верхние одеяния, вдохнула полной грудью, подняла руки и впустила в себя магию этого места – лишь крошечную долю, чтобы не вызвать мерцание кожи и уметь сдерживать свои эмоции и поступки. Она знала, что чем чаще позволяет себе пользоваться внешними источниками, тем сильнее затягивает восстановление внутренних. Однако в ту ночь она позволила себе больше положенного: влила в себя чересчур много чужой магии и теперь ее руки отказывались держать инструмент, не получив извне хотя бы немного подпитки.

За последний месяц Рида научилась не слишком чувствовать угрызения совести из-за чужих забот, даже если она оказывалась к ним причастна. Но хотя она подавила в себе вину за то, что обманула Мехмеда Али – не рассказала про Юсуфа и помешала Манише оплатить товар из его лавки – она должна была работать, чтобы ее ценили и не выгнали раньше времени. И она старалась. Дай бог, это был ее последний день в магазине и затем у нее будет достаточно времени на восстановление, когда она с дочерью отправится в дорогу.

Первая магическая крупинка коснулась кожи ее рук и Рида погрузилась в работу. Она старалась думать о Нати и о том, что уже этим вечером увидит ее. Но разум, желая подпитаться более сильными эмоциями, окунул ее в воспоминания о ночи неделю назад. Рида снова увидела себя в мастерской Хартофан.

Рида щелкнула пальцами – и маленькие ножи ринулись резать воск, придавать ему формы колец, кулонов и сережек. Магия лилась к ее рукам от стен и от пылинок в воздухе, от пламени в печи и от тонкого лезвия ножей. Цепочки плелись тонкими нитями, чернение ровным слоем ложилось на золото, камни вставлялись в фигурные оправы, выпиливались и вытягивались тонкие защелки на серьгах и браслетах. Рида ходила вокруг, наблюдала за работой, поправляла камни, если они неточно входили в кант, давала указание повернуть или дошли-

фовать, подрезать или доварить. Уже спустя минуты кабошоны вернулись в карман ее платья изящными украшениями. И Рида задумалась, как поступить с богатством, что осталось лежать на столе.

Вернется Маниша сейчас или только утром, когда обнаружит, что муж подсунул ей не ту шкатулку, Рида хотела устроить ей достойный прием. Чтобы эта женщина на всю жизнь запомнила эту ночь. Алмазами ей, что ли, всю комнату уложить, чтобы они потом на глазах у всех в песок рассыпались? Или лучше турмалинами, чтобы догадалась да испугалась? Или золотом украсить – и чтобы почернело при всех, и чтобы на глаза людям впредь боялась показаться? Жалко было ее мужа. Но с кем поведешься, того козлов по пустыне и пасти.

Сравнение с пустыней навело Риду на мысль. Она подошла к двум огромным бочкам песка у печи и одну за другой высыпала на пол. Взмахнула руками и песок стал ползти с одной стороны комнаты на другую, перекатываясь и устилая пол словно барханами. Но Риде показалось, что он движется слишком медленно, и она схватила метлу у стены и широкими, частыми взмахами начала разметать песок по комнате. Он летел от нее во все стороны, ложился на стол, скамью, стены, потолок и не падал. А Рида так вошла во вкус, что песок, подчиняясь ее воли, закружил по комнате вихрями и она сама оторвалась от пола и заскользила по воздуху, продолжая размахивать метлой. Не удержалась и громко, дико расхохоталась. Ее точно должны были услышать, но она не возражала. Песок укрывал мастерскую, словно она была выстроена из него. Словно пустыня завладела этим местом. Им будет не до ее смеха, когда они откроют двери и заглянут внутрь. Рида щелкнула пальцами и камни со стола и из шкатулок взлетели и повисли в воздухе от пола до потолка. Она облетала их, касалась рукой, и они заискрились разными цветами. И ей в голову пришла еще одна замечательная мысль.

Она уже слышала лязг дверного замка. Маниша все-таки проверила шкатулку или, может, услышала ее смех. Рида бросила метлу. Спустилась на пол. Щелкнула пальцами и камни засверкали синим цветом. Не отличить от огней. А от песка со всех сторон стали медленно отделяться подобные им и парить в воздухе.

Заскрипела дверь, донесся шорох шагов и неуклюжий удар о порог – и Рида бросилась к ближайшему окну, распахнула ставни и выскочила на улицу. Метнулась через двор к прорези в заборе. Уже в отдалении слышала, как Маниша заголосила не своим голосом: словно там по комнате летали не огни, а мертвые люди.

Рида дорого бы отдала, чтобы видеть лицо этой женщины, а не только слышать ее испуганные вопли. Но она бежала по тропинке без оглядки. Эта шутка дорого ей обойдется, если ее поймут всю блестящую и переполненную магией. Но сейчас она лишь понимала опасность, но не ощущала ее. Ее сердце радостно билось, она скорее летела, чем бежала, ее ноги едва касались горной тропинки. Ее распирало от восторга, от гордости за те песчаные барханы и синие огни в мастерской и ей хотелось, чтобы это чувство длилось бесконечно.

У конца тропинки она осторожно выглянула, никого не заметила и проскочила к своему дому. Затворила засов, подбежала к окнам и легонько приоткрыла ставни. Всмотрелась в ночь. У мастерской Маниши уже вовсю собиралась толпа. Выходили с лампами, факелами, Рида хорошо видела людей. Как тогда у ее дома, они стояли и с любопытством смотрели в сторону мастерской, перешептывались и пересмеивались. И вдруг яркое пламя взметнулось воздух. Рида застыла у окна.

Она не верила в то, что видела. Наконец пришла в себя. Мотнула головой, зажмурилась и снова пригляделась. Не оставалось сомнений: мастерская ее ненавистной соседки пылала в огне.

– Она сожгла свой дом? – то ли спросила, то ли подтвердила догадку Рида.

Вдруг зажала рот руками, силясь не расхохотаться в голос. Она давилась от смеха. Откинулась на стену около окна и сползла по ней на пол. А смех все не отпускал ее. Она уже много лет так часто и задорно не смеялась. Когда же радость и веселье наконец утихли, она долго

сидела с закрытыми глазами, вдыхая полной грудью ароматы горных цветов, что летали по ее дому уже много дней в подряд.

Уже ближе к утру чужая магия стала оставлять ее и она почувствовала, как медленно возвращается прежняя она, пугливая, нерешительная и слишком совестливая.

Мерцание кожи сошло. А Рида все также сидела у окна и предчувствовала, как спустя час или два ее окатит стыд, страх и презрение к себе: она не удержалась, а ведь обещала, слово давала, что не сорвется. Словно долгие, тяжелые восемь лет брака ничему ее не научили.

«Я слишком уязвима, чтобы позволить себе сочувствие, стыд или страх. И ведь не зазря я там старалась», – решила она прогнать неуверенность и робость. Целых десять чудесных филигранных украшений лежали у нее в кармане. И чтобы больше подбодрить себя и отдалить момент болезненного раскаяния, она достала украшения и выложила их на коленях. Все десять вещиц из двадцати пяти камней, крупных нефритовых горошин-кабошонов. Она посмотрела, улыбнулась, пересчитала – и вдруг поняла, что в ее счет закралась ошибка. Она зажмурилась, открыла глаза и попробовала сосчитать заново – но украшений на коленях все также лежало только девять.

Ее раскаяние пришло даже раньше, чем она ждала. На следующий день она долго кружила вокруг сгоревшей дотла мастерской Маниши, прячась под покровом деревьев, и пробовала почувствовать свой камень с помощью магии. Но так и не смогла его отыскать: ни среди искореженных головешек на пепелище, ни в одеждах людей, что крутились неподалеку, ни в их домах и магазинах.

Нефрит не мог сгореть в пожаре и раз Рида его не видела внутренним взором, его нашли и унесли далеко. И хоть она понимала, что никто не знает, что камень принадлежит ей, все равно ждала: вот-вот нагрянут стражники. Но прошла неделя, а у ее дома лишь порой появлялась Маниша с мужем и яростно билась в закрытые двери. Кричала до хрипоты, требуя ответа, но не получала желаемого и убиралась прочь.

«Быть может, бог на этот раз проявил милость к моим глупостям и слабостям, – думала Рида, – и на ковер к эмиру я не попаду?»

Рида оторвалась от работы из-за шума за дверью. Быстро надела верхнее платье, закрыла лицо и выскочила к прилавкам. Там уже вовсю бушевала громкая ссора. Две покупательницы в нарядах, расшитых золотом под дорожными накидками, отчаянно спорили друг с другом.

– Я первая коснулась этих сережек, – настаивала та, что выглядела моложе и носила темно-красные одежды.

– А я ближе к ним стояла и не видела смысла за них хвататься. Они были мои, как только я их заметила. Разве я не права, госпожа? – бросила Риде вторая женщина, когда та показалась из-за дверей.

Рида вежливо улыбнулась. Они спорили из-за ее нефритовых сережек, последнего украшения, что она сделала в мастерской той дикой ночью. Она уже смирилась, что заберет его с собой и продаст в другой городе: Хемоне или Тормедо. Но эти богатые женщины могли хорошо заплатить за ее работу – тридцать или даже пятьдесят золотых, если повезет. И Рида быстро сообразила, как правильно ответить.

– Я найду для вас еще одну такую же пару, – сказала она, хоть не представляла, где возьмет нефрит похожего цвета и качества, – вам доставят их домой уже завтра.

– К кому домой? – придирчиво спросила женщина в темно-красном платье.

Уже тогда Риде стоило догадаться: раздор между ее покупательницами случился вовсе не из-за сережек и начался гораздо раньше, чем они ступили в магазин Мехмеда Али. Но даже зная об этом, вряд ли она решилась бы прервать эту ссору. Уж слишком много любопытного она ей рассказала.

– Мы доставим серьги завтра утром каждой из вас, – осторожно тогда ответила Рида.

Но женщина в красном накрыла ладонью украшение, надменно смерила ее взглядом и сказала:

– Я дочь самого Акифа Морено. Мой отец – самый крупный торговец на юго-западе Арибо. И ты мне говоришь, что я должна подождать до завтра, потому что желаешь угодить этой плебейке? А ну, сымай свои тряпки и дай глянуть на твое наглое лицо!

Рида даже не успела ответить.

– Твой-то? Самый крупный торговец? Да что ж ты врешь, света дня ты не стыдишься! – закричала вторая женщина. – Это мой муж – самый большой торговец на юго-западе. Посуду моего Гафура знают даже в столице! А твоя шерсть да кожа гниют по подвалам. И кто из нас тут плебейка?!

– Что гниет? Моя кожа? Да как твой бессовестный рот посмел очернить имя моей семьи?

Женщины перешли на крик. И все трое продавцов магазина Мехмеда замерли, изумленно наблюдая за разгорающейся ссорой. Рида не понимала, с чего так голосить из-за сережек с полудрагоценными камнями, но не на шутку забеспокоилось: чем это может закончиться для нее. Она знаками показала Рашиту бежать за помощью, однако он не двинулся с места.

– Бесчестная, неверная вертихвостка! – размахивала руками покупательница в красном платье. – Да тебе кроме твоего богатства нечем хвастаться!

– Да что ты знаешь о верности, вертушка ты и склочница? Ты такая же, как твоя сестра, хвостом метешь по дворцовым палатам. Уже весь юго-запад гудит о том, как твоя старшая Талия жметя по углам Кардовы с младшим братом эмира. Не зря он весь побитый ее мужем сидит в темнице.

Рида замерла: что это она только что услышала? У султана южного царства было семеро сыновей. Но в Кардове явно находилось только двое. И Рида не знала никакой другой Талии в этом городе. И как это понимать?

Ей вдруг стало больно, тошно и тяжело дышать, словно она проглотила гигантский суккулент. Она даже не знала, что больше ее уязвило и потрясло: то, что этот человек не уехал из города, или то, что он изначально не собирался возвращать ей дочь.

– А ну, возьми свои слова обратно, лживая ты плутовка!

Женщина в красном с кулаками бросилась на обидчицу. Надавала тумачков, схватила за волосы и с силой рванула на себя, выдрав огромный клочок. Соперница взвизгнула и с криками «Бесстыжая мерзавка!» кинулась в ответ. И обе, тяжело дыша, выкрикивая ругательства и обиды, прилажки, закружили по магазину. Они дергали друг другу волосы, рвали одежду, раздавали оплеухи руками, ногами, бились боками. И их невозможно было растащить.

Зита попробовала и получила звонку пощечину. Громко ударилась о столешницу и драгоценные камни посыпались на пол, закатываясь под столы и между сундуков. Зита всплеснула руками и бросилась их собирать. А Рашит наконец выскочил из лавки и помчался за помощью к Мехмеду Али. Рида же продолжала стоять в оцепенении. Наблюдала, как у порога магазина собирается толпа любопытных, привлеченная криками и шумом, но словно смотрела со стороны и не была частью развернувшегося балагана.

– Бери, говорю, слова обратно! – дико орала женщина в красном платье.

Она с силой пнула бедром соперницу и та упала на прилавок. Огромный чан с водой, стоящий позади, чуть не расплескался по всему полу.

Женщины наконец остановились, но продолжали кричать друг на друга с расстояния, сражая еще большими откровениями. Толпа у порога уже ухмылялась и хохотала чуть ли не в голос. А Риде стало совсем несмешно.

– С чего это мне их брать назад? – крикнула вторая женщина, поглаживая ушибленный бок. – Все знают, что ты на того брата сама глаз положила, вот с чего. А он тебя взял и бросил. Ты потому так скоро замуж и вышла. И все мою Талию винила. Ведьма ты завистливая!

– Я-то завистливая? А сама-то? Думаешь, место освободилось? Ты потому так быстро в город и прискакала?

– Ах ты... – женщина в красном платье оглянулась в поисках предмета поувесистее. Она бы сорвала столешницу, если бы могла. Но вместо этого крикнула: – Когда я стану его женой и войду во дворец, я велю отрезать тебе твой поганый язык, ведьма. Мы скормим его тем синим огням и они погибнут от твоей отравы.

– Скорее огни войдут в этот город, чем ты войдешь во дворец. И он уже женат. И главной женой ты уже не станешь.

– И ты тоже. Зато ты уже замужем. А я нет.

Покупательницы снова бросились друг на друга. А Рида с ужасом подумала. Он стоворился с Талией отнять у нее дочь? Или он предал ее, чтобы добиться расположения любовницы? Или он просто юбочник и плут? Явился, заморочил голову, не получил свое и полез разорять другие гнезда.

Тело Риды еще не покинула чужая магия, что она успела собрать за работой, и та придала ей решительность и смелость. Сперва этих двоих нужно вытолкать вон из магазина, иначе они все здесь разнесут. Рида оглянулась: что ей может помочь. Увидела огромный чан с водой, но отказалась от этой мысли.

И тут услышала:

– Фарук бросит твою Талию прямо на глазах у султана. Иначе зачем вести ее в столицу? А ты никогда не найдешь себе мужа. И вы будете на пару бродить по пескам.

Рида замерла. Ей показалось, ее сердце остановилось и никогда не застучит вновь.

«Как это везет? А как же ее Нати?»

– Они что уезжают в столицу? – сорвалось с ее губ.

Однако ее никто не слышал и она развернулась, схватила, не глядя, чан с водой, и сделала то, что обычно делала, чтобы утихомирить разбушевавшихся наложниц в гареме мужа. Окатила водой двух драчуний с ног до головы. Она бы многое отдала, чтобы на их месте стоял другой человек. А вода в чане была грязной, будто только с пола.

Женщины ахнули. Мокрые и пристыженные, они замерли и долго стояли, изумленно глядя друг на друга. Тишина звенела, как фальшиво взятая нота, пока толпа у магазина не взорвалась громким хохотом и улюлюканьями. Следом скандальные девицы надрывно заголосоули, обвиняя уже не друг друга, а их общую обидчицу, и спустя пару часов Рида вошла в знакомый ей белый тронный зал и села на ковер.

Прохлада этого места обжигала ее разгоряченные щеки. Болезненно кололи пальцы и тело требовало впустить магию и дать волю чувствам. Зал с любопытством смотрел на нее и еще двух женщин, сидящих рядом. Он ожидал. А она не могла отвести глаз от одного из двух высоких стульев, что были поставлены вместо трона. С него ей довольно улыбался Юсуф.

«Хороша темница, – зло и язвительно прошипела мысленно Рида. – Удобная, прохладная и совсем не одинокая. И ему здесь очень даже по душе».

Сейчас Юсуф выглядел иначе, чем в их первые встречи: роскошный, красный халат рельефно подчеркивал сильную, мужественную фигуру. Он больше не походил на юнца, как она подумала о нем раньше. Рида могла бы его не узнать, если бы не цвет глаз, напоминающий пески пустыни. Сама Арибо снова смотрела сейчас на нее. И оттого она ненавидела этого человека еще больше.

Он воплощал в себе то, что она так любила, и он поступил с ней так бесчестно. Он очернил и оплевал ее доверие. Ей хотелось вскочить и выдрать из него эти глаза. И бросить тем женщинам, что сидели подле нее на ковре. Каждой по одному глазу. Дай бог, с их помощью те войдут во дворец и наконец успокоятся. А пустыня не будет принадлежать этому мерзкому предателю.

«В этом красном халате он похож на рубин, что так жаждет получить, – негодовала Рида. – Весь фальшивый с головы до ног. Даже этот трон вовсе не настоящий. А настоящий ему не принадлежит. Этот человек – всего лишь подделка».

Рида умела разбираться с подделками. Она поступит с ним также, как с тем летающим камнем в шатре Фарезийского оазиса. Подкатит ближе и раздавит у всех на глазах.

Глава 10

Юсуф

Юсуф никогда не мечтал сесть на трон эмира. Его маленькая магическая особенность не предполагала, что однажды он получит ключи от города. Это ему осторожно, но доходчиво объяснил еще в раннем детстве седовласый колдун-наставник Мешелени-апар и Юсуф принял свою судьбу. Не требовал от отца равного отношения со старшими братьями и не стал прожигать жизнь, лениво нежась под ласковым солнцем в столице. Он вознамерился построить свою империю: стать с годами одним из крупнейших торговцев Арибо и открыть магазины во всех городах южного царства.

Однако пока волею судьбы он обзавелся лишь тремя ювелирными лавками и караваном из двадцати пяти верблюдов. Даже нелепо сравнивать с таким огромным торговым городом, как Кардова, что Арслан вручил ему в управление. Многие бы испугались ответственности, но только не Юсуф. Его гораздо больше раздражало, что брат навязывает ему трон, чем он страшился его.

Он представлял, что Кардова – это большой магазин или большой караван. И видел свои обязанности не дальше, чем распределить утром дела, вечером принять отчеты, собрать деньги, раздать деньги – и все, он свободен. И это не означало, что он несерьезно относился к возложенной ответственности – Юсуф всего лишь умел правильно расставить приоритеты. Для управления городом у него стояли под боком советники. Решить беду с огнями в пустыне взялся Арслан. А ему же следовало позаботиться о своей репутации. Одна из женщин, что нанесла ей непоправимый ущерб, как раз сидела на ковре прямо перед ним.

И как же вовремя она появилась: ровно в тот момент, когда он о ней подумал.

Однако тишина в тронном зале застоялась. Даже шепота не доносилось – с таким напряжением все наблюдали и ждали решение эмира. Юсуф видел, как Арслан внимательно смотрит на Жасмин и еще двух женщин, сидящих перед ним, и лицо его не выражает ни удивления, ни озабоченности, ни решимости. Юсуф знал, что в такие моменты брат сомневается, как поступить, и его задумчивость может длиться часами. Но Арслан наконец жестом показал одному из советников подойти и повелел рассказать о причине раздора между женщинами.

– Они прибыли вместе с караваном из Тормедо сегодня рано утром, владыка, – осторожно зашептал Ямал Талиме, который отвечал за центральный район города, куда отходили главные ворота и главная торговая площадь. – Они принадлежат богатым семьям. И их ссора произошла прямо в разгар торгового дня. Сейчас только ленивый не обсуждает, как этих несчастных окатила половой водой жена вашего брата.

– И что же они желают от меня? Пусть идут на улицу и солнце их высушит, – бросил с раздражением Арслан.

– Полагаю, владыка, – осторожно заметил Ямал, – ссора случилась из-за недавней истории с вашим братом. Видимо, каждая из них претендовала на его внимание. А ваша невестка закрыла лицо и, получается, подслушала их. И они теперь говорят, что она нарочно их спровоцировала и желают в извинение получить ту самую пару серег с нефритовыми камнями. Но осталась только одна пара и они просят вас, владыка, решить, кому она достанется.

– Почему мой суд должен решать такие вещи? – Арслан в негодование вздернул руку.

– Та женщина в красном, что сидит справа от вашей невестки, – Лиция Морено, владыка. Она дочь Акифа Морена, самого крупного торговца кожей на юго-западе. А женщина по левую руку – жена Гафура Урюфа, самого большого торговца керамической посудой. Вы только вчера беседовали с ними...

Арслан знаком прервал его.

– Пусть моя невестка сделает еще пару. В чем проблема?

Советник замялся.

– Боюсь, владыка, ваша невестка отказывается им продавать даже ту, что у нее есть.

– Это еще почему?

– Говорит, они неправильно понимают смысл ее украшения и надеются получить от него то, что оно никогда не сможет им дать.

Юсуф увидел, как лицо Арслана сделалось обеспокоенным и хмурым. Брат отправил советника, но продолжал молча сидеть и смотреть на женщин. Юсуф тоже поглядывал на свою назначенную жену. Что задумала его нареченная?

Сегодня она была одета в закрытый халат с неброской вышивкой по краям рукавов и юбки – и никаких прозрачных, летящих шифонов и шелка, ничего, что могло бы подтолкнуть на неблагоприятные мысли. Серьезно и строго – как ее обычное выражение лица. Но чем больше Юсуф смотрел на свою нее, тем больше ему казалось, что в ней изменилась не только одежда. Он лишь не понимал, что именно его настораживает – что-то во взгляде или в том, как поджаты ее губы, словно подернуты легкой улыбкой, хотя улыбки не видно, или ее кожа, словно стала более прозрачной, чуть ли не светящейся. Должно быть, после долгого нахождения в темнице, он никак не мог привыкнуть к свету. Или у него разыгралось воображение. Неудивительно, что об этой Жасмин говорит весь город, если даже ему мерещится всякая несуровица.

Арслан коснулся его плеча и шепнул почти беззвучно:

– Как думаешь, брат, во сколько этому городу обойдется потеря двух крупнейших торговцев кожи и посуды?

Юсуф нахмурился. Он затруднялся точно ответить.

– Почему ты у меня это спрашиваешь?

– Потому что, брат, твоя жена сегодня явилась сюда требовать обратно свою дочь. И нам нужно решить, от чего мы хотим отказаться для нашей Кардовы: от регулярной торговли посудой и кожей или от трех магазинов ковров.

Юсуф ответил не сразу.

Арслан был прав. Жасмин вполне могла устроить это представление, чтобы вернуть ребенка. И она, скорее всего, уже знала историю его недельного заключения в темнице. Она не сможет получить желаемое. Он ни за что не позволит увести Талию в столицу, не сейчас, когда она еще не оплатила ему за ту пощечину.

– Полагаю, брат, – сказал наконец Юсуф, – с женщинами можно договориться. Я сам достану каждой из них по паре серег с нефритом.

– А я полагаю, брат, – оборвал его Арслан, – что я доверюсь твоей уверенности.

И он поднялся со стула и шагнул в сторону дверей. Юсуф уставился на него с изумлением.

– Теперь это твой город и твои семейные заботы, – шепотом проговорил Арслан и легко улыбнулся лишь краешками губ.

– Я отдам тебе его назад, когда ты возвратишься. Ты же помнишь об этом?

– Я помню, – ответил Арслан, – что я предлагал тебе забрать эту женщину и ее заботы еще неделю назад. И ты мне заявил, что это твоя жена и ты сам будешь справляться с ее сложностями. Полагаю, брат, пришла пора тебе сдержать свое слово. А я уже несколько дней, как должен был отправиться в столицу. Я все еще здесь, потому что целую неделю разыскивал тебя по городу, пока ты прохлаждался в темноте и тишине.

Юсуф попытался возразить, но Арслан не позволил:

– Не забывай, почему я еду к отцу и как для нас важен каждый день.

И он знаком показал советникам, что суд продолжается и Юсуф остался за главного, а сам зашагал к высоким дверям, которые широко растворили перед ним двое слуг в коротких халатах и больших, похожих на надутые подушки, головных уборах.

Двери закрылись и по залу тотчас прокатился легкий шепоток. Юсуф поднял руку в знак, что просит тишины, как когда-то делал его отец.

Белый тронный зал во дворце эмира Кардовы еще называли белоснежным залом с воздушными стенами. В солнечные дни лучи настолько заливали помещение светом, засвечивая его, что стены, казалось, исчезали и зал словно поднимался к облакам и солнцу, а эмир, сидящий на троне, уподоблялся владыке не только земель, но и небес. Юсуф с детства считал этот зал великим, он видел, как отец принимал здесь значимых людей и решал большие дела, а затем то же самое делал его брат на протяжении уже почти двадцати лет. Трудно было представить больший позор, чем впервые сесть на этот трон и оказаться униженным тремя женщинами, две из которых сейчас сильно напоминали кур, вымоченных в соленом растворе.

Юсуф знаком подозвал советника и велел принести серьги, из-за которых разразилась нелепая ссора. Внимательно осмотрел их и остался еще более обескуражен. Работа была выполнена с мастерством и талантом, но такое простое украшение – камень в несложной ажурной оправе из обесцвеченного золота – скорее бы подошло жене мелкого ремесленника или слуге в доме, но не женщинам из богатого, знатного рода.

Ему стало даже любопытно.

– Расскажи, почему говорят, что твою работу неправильно поняли, – спросил он у жены.

Она подняла на него глаза и на мгновение он уловил в них недобрый, лукавый огонек, но он быстро исчез и она вновь смотрела на него серьезно и строго. «Она все знает и она злится, – подтвердил свою догадку Юсуф. – Но она сама виновата. Я отправился в тот дом только из-за ее завышенных требований».

– Люди считают, что камни могут изменить жизнь человека, – заговорила Жасмин.

– Но это не так? – перебил он ее.

– Только если сам человек этого хочет.

Юсуф улыбнулся.

– Уверен, эти женщины хотят этого больше, чем кто-либо в зале.

По большому полукругу, который образовывали наблюдатели суда, прокатился легкий смешок.

Но его назначенная жена, казалось, сделалась еще более серьезной.

– Они хотят не свою жизнь изменить, а изменить отношение к себе другого человека. Это невозможно. Мои украшения не могут заставить любить или ненавидеть, хотеть или не хотеть. Они лишь усиливают чувства и желания, которые уже живут в человеке.

Юсуф окинул взглядом женщин, сидящих рядом с Жасмин. Их лица пылали от стыда, головы были низко опущены и с обеих еще продолжала стекать вода, оттого на ковре просматривались большие мокрые круги, словно женщины таяли у него на глазах.

Он знал каждую из них, и сейчас он был бы не против, если бы они растаяли, как снега на вершинах скал Иорси, перемешенные к пустыне, и избавили его от лишних забот. Он не представлял, как ему одновременно усидеть на трех стульях: угодить этим женщинам, оставить в городе Талию и принудить Жасмин исполнять его желания.

Он надел украшение на пальцы и стал крутить перед собой. Кто бы мог подумать, что такая непримечательная безделушка может хранить в себе настолько глубокую философию.

– Хорошо, – задумчиво сказал он. – Тогда что могли бы сделать твои серьги для этих женщин, скажем, если бы они... если бы их желания были правильными?

Жасмин начала говорить, но запнулась и хмуро посмотрела на него. Она его в чем-то подозревает? Интересно в чем? Он еще сам не знает, что предпримет дальше.

– У нефрита множество добродетельных качеств, – наконец заговорила она. – О каких правильных желаниях вы говорите?

– Нам сказали, что эти серьги могут подарить вечную любовь, – подала голос Лиция Морена, не успел Юсуф подать знак отвечать. – Потому что нефрит несет в себе знак вечности и охраняет узы брака, – закончила она почти шепотом и вновь стыдливо опустила глаза.

Вторая женщина, имя которой Юсуф силился припомнить, но так и не смог, зло посмотрела на подругу, словно та выдала ее глубокую сердечную тайну. Для Юсуфа это вовсе не было тайной, но он хватился за слова.

– Более, чем правильное желание. Скажи, ты не веришь в вечную любовь? – спросил он у жены.

Жасмин смирила его долгим презрительным взглядом.

– Верю, – ответила она, – но для вечной любви нужны двое. Нужно, чтобы два сердца бились, как одно.

– Позволь этим женщинам самим выбрать, – оборвал ее Юсуф, – сколько сердец будет биться рядом их сердцем. Если они желают, чтобы их сердце вечно любило, то почему бы и нет? Или ты боишься, что ошибаешься и можно заставить другого человека полюбить, когда твоя любовь достаточно сильна?

Ему вдруг самому захотелось знать ответ на этот вопрос. И он надеялся, что этот ответ «да», хотя глубоко в душе подозревал, что неправ. Даже спустя неделю его щека еще горела от пощечины, словно жаркое солнце Арибо пропало в нее насквозь. Словно луч прошел через его щеку, а вышел через грудь. Оттого боль мучила его даже во сне.

Но по взгляду Жасмин он понял, что сказал не те слова. Он обидел ее. Она действительно верила в то, что говорила. И ухитрилась еще использовать свои знания для иных целей. Брат был прав, она хотела хитростью возвратить ребенка и не намеревалась отступать. Юсуф убедился в своей правоте еще больше, когда она спросила:

– Тогда могу ли я тоже рассчитывать на вашу милость? Я хочу вернуть человека, которого сильно люблю.

– Можешь, – быстро ответил Юсуф. – Если хочешь, сделай и себе такие же серьги. Суд не возражает. Но сначала выполни обещанное этим женщинам.

– Тогда они должны заплатить, – хмуро бросила Жасмин и это разозлило его.

Обе женщины резко вскинули головы, все еще пунцовые, с подтеками на щеках и приклеенными к скулам мокрыми прядями. По ним было видно, что они не против оплаты. Но Юсуф сказал:

– Они не должны платить. Они уже заплатили, когда явились в мой суд в таком виде. Они будут помнить эту плату еще очень долго. А ты думай, кого и когда обливаешь из чана.

Он сейчас говорил, как его брат. Осознавал это и ему даже понравилось быть чуть-чуть Арсланом: умным, расчетливым и легко получающим все, что он желает. И у него неплохо выходило.

На удивление Жасмин отреагировала спокойно. Только попросила:

– Мне нужно время, чтобы найти похожий камень и сделать оправу.

– Ты получишь свое время, – уже согласился Юсуф, но Лиция его перебила. Быстро осознала свою ошибку, опустила голову совсем низко, однако он повелел говорить.

– Она обещала вторые серьги завтра к утру, – сбивчиво сказала женщина. – Сколько же нам теперь ждать? И кто заберет первую пару?

Обе его бывшие знакомые озабоченно на него посмотрели. Ну, по меньшей мере он был не один такой глупец, кто верил, что можно внушить любовь.

Вот только ему не нравилась ни одна из этих женщин. И Жасмин должна была оказаться действительно сильной ведьмой, чтобы ее нефритовые серьги это изменили. От этой мысли Юсуфу стало не по себе.

Не совершает ли он ошибку? А если каждая, кто положит на него глаз, закажет у Жасмин такое украшение? Она станет очень богатой, а у него, похоже, будет много жен и его желание подражать брату исполнится. Только через три месяца Арслан вернется и заберет город назад. И что ему делать с этим гаремом? Посадить на верблюдов и таскать с собой по пустыне?

Он подозвал Ямала.

– Когда семьи этих двоих собираются покинуть город? – спросил он почти беззвучно.

– Думаю, господин, – ответил Ямал, – еще месяц они никуда не уедут. Все ждут возвращение караванов: того, что задерживается уже на неделю и того, что должен прибыть следующим.

Юсуф задумался.

– Если позволите, господин. – Он кивнул. – Чем быстрее вы разберетесь в этих серьгах, тем меньше обид это вызовет у торговцев. Я склонен верить, что ваша жена не успеет сделать серьги к завтрашнему дню. Но за неделю она точно управится и у Морена с Урюфом будет меньше повода пожаловаться на вас.

– Не успеет, думаешь? – Юсуф лукаво бросил взгляд на жену. Ямал подтвердил.

– Завтра так завтра, – тут же громко продекламировал Юсуф. – И чтобы никому не было обидно – пусть каждой сделают новые. А эту пару я приберегу для себя. Подарю той, чью вечную любовь захочу завоевать.

Ямал хотел возразить, но он отправил его от себя и широко заулыбался. Зал поддержал одобряющим шепотом и смехом.

Жасмин смотрела, нахмутив брови. Казалось, она не понимала и не принимала его решение, и вместе с тем в ее взгляде он читал то ли вызов, то ли обещание, то ли даже желание – последнее совершенно сбивало с толку. Но ощущения были настолько яркими, что он не мог их выбросить из головы. В ней действительно что-то изменилось. С ней творилось что-то дикое. И он не заметил, как засмотрелся на нее. Ее лицо, длинные, черные волосы, шелковые на ощупь, как он предполагал, словно ее полупрозрачная одежда в ту ночь. Он представил, как проводит рукой по ее коже, как отражается в ее глубоких глазах и видит в них настоящую страсть. Не намек, как он заметил сейчас, а сильное неприкрытое желание обладать другим человеком. Он представил, как его рука скользит ниже, пробирается под строгие темные одежды...

Она сказала:

– Я прошу дать мне еще один день. Ведь этот день уже почти подошел к концу.

И он ответил, сам не заметив:

– Хорошо, пусть будет еще один.

Осознал, на что согласился, лишь увидев легкую улыбку на кончиках ее губ. Да она издевалась над ним. Как она смела так бессовестно с ним играть? И почему он ей это позволял?

Одно дело, когда Талияставляла его дураком – они с детства знакомы и он любил ее. А эту женщину знал лишь месяц – и вся Кардова уже считала ее его женой, а у него голова шла кругом лишь от одного взгляда на нее. Она действительно ведьма и он правильно делает, что остерегается всего, к чему прикасаются ее руки.

Но ничего, может, он не умеет отличить хорошую подделку от настоящего рубина, зато прекрасно знаком с искусством создания ювелирных украшений: камень нужно отшлифовать, отполировать, вырезать формы из воска для оправ, нужно выплавить и протянуть золото, отполировать и отшлифовать его, вставить камень в оправу и закрепить – Ямал прав: она не успеет за сутки создать две пары серег, даже такой простой формы. И она еще придет просить его о помощи.

Юсуф подал знак советникам, что женщин можно отпустить и ввести новых просителей.

Рида

Рида явилась в этот день в суд эмира с холодным, точным расчетом. Она буквально заставила своих покупательниц, страдавших по любви к Юсуфу, отвести ее в белый тронный зал. Она надеялась, что Арслан Ахмеди, выбирая между двумя богатыми торговцами и одним, отдаст предпочтение количеству и вернет ей дочь. Она почувствовала, что может не добиться задуманного, уже когда тот шепотом обменялся с братом парой быстрых фраз и гордой, уве-

ренной походкой вышел из зала, явно довольный своим решением. И все же до последнего не теряла надежды.

Она не стала спорить с Юсуфом. Ей показалось тщетным ожидать от него понимания и сочувствия. Это было все равно, что закопать себя по голову в песок посреди пустыни и рассчитывать, что пойдет дождь из акульих лепешек и спасет от голода. Она выторговала себе еще один день и сразу от дворца направилась к дому Талии.

В свете дня огромный двухэтажный риад напомнил ей гигантского каменного зверя, оцепеневшего в ожидании, когда она приблизится к нему. Он словно готовился вступить с ней в схватку и сокрушить, обрушив на нее каменные лапы-колонны и проглотив через гигантскую пасть ворот, сейчас плотно закрытых на железные засовы. Но Рида ошиблась. Никто не ждал ее появления. Она час простояла у большого дома. Колотила в двери, пробовала кричать и звать слуг. Прохожие с любопытством и насмешками оборачивались на нее, пока в дальнем конце улицы она не заметила приближающегося стражника и не поспешила бежать.

Она вернулась позже, когда стемнело и засветили редкие фонари. Позволила магическим частицам пройти через ее тело и сдвинула засовы, сорвала замки на дверях, пробралась внутрь – но только для того, чтобы подтвердить свои страхи. Дом, вчера полный народа, сегодня стоял пустым – хозяева покинули его, не оставив даже слуг и охрану для присмотра. Рида упала на пол у отделанной лепниной и украшенной мозаикой стены и тихо заплакала.

Ей не стоило ждать столько времени. Целую неделю! Она подарила этой женщине целую неделю и та увезла ее Нати. Она не должна была отходить от этого дома ни на шаг. Почему она позволила Юсуфу увести себя в ту ночь? Как теперь узнать, в каком из тысяч домов Кардовы или даже сотен городов всей Арибо спрятали ее девочку?

Рида вернулась к себе в дом на плато высокой горы уже за полночь. Подошла к сундукам, что все еще оставались в беспорядке после погрома неделю назад. Переделась в тонкие, шелковые одежды, набросила темную, плотную накидку и долго стояла, по крупицам собирая магию, чтобы придать себе храбрости и уверенности и не позволить отступить. Она старалась проявлять благоразумие, до последнего искала законный выход. Желала остаться человеком, которым хотела видеть себя. Она наделась, что окружающие оценят ее усилия.

Рида вышла из дома, закрыла двери на замок и направилась по узким, скрытым от любопытных глаз горным тропам к дворцу эмира.

В комнате горела лишь одна большая напольная лампа, отбрасывая на отделанные мозаикой стены причудливые тени. Пахло сладковатым бадьяном и терпким эстрагоном. Эти запахи обволакивали, словно незримые песчаные волны, и слегка кружили голову, но не затуманивали разум. Юсуф стоял у противоположного края от двери рядом с маленьким столиком и двумя резными креслами, устланными подушками и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Рида заметила это, когда входила в палаты через высокие двери, что величественно распахнул перед ней стражник и тотчас крепко затворил.

Она обратила внимание, что Юсуф переменял платье и был одет сейчас проще: в длинный халат явно из богатой ткани, но без изысков, широкий пояс, сапоги из хлопка и бархата с тиснением и вышивкой и только волосы, как обычно, не сковывал головной убор. Должно быть, он предпочитал оставлять их свободными, чтобы они падали на плечи пышными, слегка волнистыми локонами. Он выглядел уверенно и, казалось, совсем не удивился ее приходу.

– Рад, что ты пришла, – сказал он после того, как окинул ее взглядом.

Слегка улыбнулся. Рида даже сказала бы, усмехнулся. Но она знала, как он прочитает ее поведение и не собиралась его разубеждать. Он решил, что она явилась его соблазнить, ублажить так, чтобы он забыл обиды и других женщин и она могла бы сотворить из него нужного человека, словно гончар лепит из глины подходящие кувшины. И она действительно пришла

затуманить его разум, но он не догадывается о том, как она воспользуется этим. Он сильно удивится, когда поймет, как недооценил ее.

Она видимо долго не отвечала на его приветствие и он продолжил:

– Так, о чем ты пришла поговорить, моя несравненная самоназначенная жена? Стражники у ворот доложили, что ты с жаром требовала встречи со мной. Ты даже заявила, что этот дом принадлежит тебе, раз все считают меня твоим мужем. Хочу, чтобы ты знала, – он заговорил строже, – этот дом не мой, а моего брата. И ты могла бы биться в эти двери, как в свои, если бы согласилась на его предложение, а не втянула нас обоих в эту дикую историю.

Он оборвал свою речь и выжидательно посмотрел на нее. Она промолчала.

– Так что ты хотела? – нетерпеливо бросил он.

Он ведь знал, что она хотела. Но очевидно желал, чтобы она упала перед ним на колени и молила о снисхождении и помощи. Это месть за то, что она в ту ночь посмела требовать с него денег и просила вернуть дочь?

О последнем Рида подумала еще в тронном зале, когда он, не скрывая, судил ее дело в пользу тех женщин. Он хотел поставить ее в безвыходное положение и принуждал принять обязательства, которые она никогда бы не смогла исполнить, будь она обычным ювелиром-ремесленником, не обладающим магическим талантом.

– Я пришла узнать о нашем прошлом разговоре, – наконец сказала она и коснулась завязок на своей накидке, но передумала и лишь шагнула ему навстречу, ближе к свету лампы, чтобы он мог лучше ее разглядеть. – Он еще в силе? Наш договор? Тебе все еще нужны те рубины?

Она слегка повела рукой, чтобы он заметил тонкий шелк ее платья под накидкой. Но показала лишь на миг и тут же спрятала его обратно под плотную ткань.

Он улыбнулся.

Это хорошо, что они понимали друг друга. Так было быстрее и проще. Рида не испытывала стыда или угрызений совести, но ощущала себя странно. Впервые она стояла и откровенно предлагала себя. Даже ее муж всегда первый добивался ее внимания и ей оставалось лишь благосклонно принимать его ухаживания.

– Договор в силе, – ответил Юсуф, но быстро добавил, – если ты готова пересмотреть часть его условий.

– Какую часть? – спросила она, хотя уже догадалась, о чем он скажет.

Но он не ответил прямо.

– Тебе не следовало обливать грязной водой тех женщин, – уклончиво ответил он. – Ты ведешь себя неразумно. Я же пообещал вернуться, почему ты меня не дождалась?

Рида приложила усилие, чтобы не высказать этому человеку все, что она думает о его обещании.

– Что ты собираешься делать теперь с этими серьгами? – продолжал он поучать. – Ты же назвалась моей женой. Что подумают люди обо мне и моем брате, если ты не исполнишь то, что тебе наказали в суде?

– Что ты хочешь мне предложить? – оборвала его Рида.

Он подошел ближе и сложил руки на груди, пристально глядя ей в лицо. Словно не смея опустить взгляд ниже. Их разделало не больше пары шагов. Он смотрел серьезно, чуть из-под бровей. Внешне спокойно, но Риде показалось, что она чувствует его волнение. Нет, она не ошиблась, он, сам того не желая, тянулся к ней. Его пьянило от одного лишь взгляда на нее и сейчас, когда ее кожу усыпали крупинки магии, она казалась ему еще более желанной, она влекла его к себе, как пыльцу с цветов увлекает за собой ветер и разносит по полям.

– Помощь, – ответил он. – Я хочу предложить тебе помощь.

Она сдержала усмешку. Помогать он ей точно не собирался.

– Тогда ты знаешь, что мне нужно, – сказала она.

– Тебе сейчас нужно сохранить репутацию моей семьи, раз уж ты назвалась ее частью. Это сейчас нужнее всего остального, ты меня понимаешь?

Рида не понимала и не желала понимать. Она быстро преодолела отделявшее их расстояние, посмотрела в его песочного цвета глаза и прошептала:

– Я даю тебе слово, репутация семьи не пострадает по моей вине. Но могу я хотя бы издалека увидеть свою девочку? Две недели от нее никаких вестей. Их дом пуст. Куда они переехали и когда вернуться? Пожалуйста.

И она набралась смелости, подняла руку и коснулась его щеки, легонько погладила кожу. Она оказалась у него шершавой, грубоватой от ветра, песка и солнца – вечных спутников всех путешественников Арибо, и еще немного колкой из-за легкой щетины. Но приятная на ощупь и запах трав, смешанных с его телом, одурманивающе зашекотал ноздри. Риду чуть повело от этих неожиданных ощущений. И она с трудом сохранила равновесие. Чуть оступилась, опустила голову поправить одежду, которая запуталась в ногах. А когда снова подняла глаза, то заметила, как он растянулся в улыбке, широкой и лукавой. Глаза его сузились и в них появился недобрый, пугающий блеск.

«Что? – подумала Рида с иронией. – Он не может дать мне даже такую малость? Мне следует быть смелее?»

И она приподнялась на цыпочках, потянулась к нему, запустила руку в его волосы и уже коснулась второй рукой груди. Но он вдруг резко отбросил ее, следом подхватил за талию, с силой притянул к себе, наклонился к самому уху. И зашептал, глубоко и сладко вдыхая ее аромат, словно пробуя на вкус:

– Ненаглядная моя, – она почувствовала его горячее дыхание, – если ты собралась меня сегодня совратить, то я вовсе не против. Но мы опустим прелюдии и пойдем до конца. Упадём прямо здесь на эти гладкие начищенные полы. И я не отпущу тебя, даже если ты станешь меня умолять.

Его рука скользнула по ее телу. Перехватила и прижала к себе еще сильнее.

– Ты не можешь прийти и диктовать свои условия, – продолжал он шептать. – Я не откажусь от хорошей сделки, но я больше не работаю в долг. Ты меня понимаешь?

И он, не касаясь, прошелся губами по ее щеке от мочки уха до плеча. Она, не желая того, вздрогнула. По спине побежали мурашки, а в животе легонько зашекотало.

– Так что дай мне сейчас ответ, мне остановиться... – он сделал паузу, – или мы продолжим?

Конечно, они остановятся. Они зашли достаточно далеко и я получила все, что желала. Рида быстро сунула руку в карман накидки и разжала пальцы.

Она собралась оттолкнуть его и сделать шаг назад. Но вдруг почувствовало, что тело не подчиняется. Его пальцы продолжали поглаживать грубую ткань ее плотной накидки, пытаясь на ощупь отыскать ее край и проникнуть под нее. И когда преодолели это препятствие, коснулись ее кожи под тонкими нитями шелка, она нехотя потянулась к нему навстречу. Прижалась всем телом, а руки обняли его широкую спину и заскользили вверх, поглаживая мягкую ткань халата. Она хотела сбежать и вместе с тем не желала, чтобы он отпускал ее. Вдруг почувствовала, что безумно истомилась по любви, по теплоте тела рядом, по жарким ласкам, по тому, как сладостно разливается нега, по горячему дыханию, по поцелуям, доводящих до исступления. И она поняла, что желает ощутить его поцелуй на своих губах. Неудержимо захотела знать, каков он: сладкий или горьковатый, мягкий или грубый, медленный и глубокий или быстрый и нетерпеливый.

– Поцелуй меня, – шепнула она, тяжело дыша. – Сейчас.

И он вдруг остановился. Резко отпустил ее, отпрянул. Нахмурился, словно обиделся и посмотрел сурово. Он же желал ее, ее тело, ее ласк. С чего он так смотрел сейчас, словно она

не любовь предлагала ему, а змеиный яд? И ее тело вновь потянулось к нему, руки скользнули по груди, двинулись к плечам.

Он грубо перехватил ее за руки и с силой встряхнул. Долго смотрел, не отрываясь, прямо в глаза. И ее медленно стало отпускать. Кто бы мог подумать, она стояла перед ним полностью в его власти и он мог легко получить то, что жаждал и что мучило его, но он только что отказался от этого подарка. Кто он был: глупец или благородный глупец? Он больше не получит такого дара, она больше не даст своему телу так себя предать. Рида наконец овладела собой и позволила легкую улыбку. А он продолжал смотреть на нее, словно так глубоко погрузился в ее глаза, что теперь не может выбраться на поверхность.

– Что с тобой, мой дорогой муж? – заговорила она, желая наконец чтобы он прекратил вглядываться в нее, и ехидно добавила: – Тебя так смутила моя маленькая просьба? В прошлом женщины тебя били, когда ты их целовал? Почему ты испугался?

Он приподнял ее подбородок и снова всмотрелся, словно изучая. Это уже переходило все границы. Она попыталась отбить его руку, но он остановил ее и задумчиво сказал:

– Ты очень красивая женщина.

Повернул ее голову, словно собираясь рассмотреть под разными углами. Словно она была не человеком, а драгоценным камнем. Риде стало неприятно, она вдруг почувствовала себя товаром, который разглядывали с мыслью, а стоит ли он тех денег, что за него просят.

– Как мне сохранить в памяти такую красоту? – размышлял он вслух.

– Прекрати это! – потребовала она, отчаянно вырываясь.

– Что такое, моя ненаглядная жена? – передразнил он ее, все еще удерживая за подбородок, но не улыбнулся, смотрел серьезно и строго. – Тебя так смутила моя маленькая просьба?

О, видит бог, кажется, она действительно ненавидела этого человека.

– Отпусти уже меня! – отбросила она наконец его руки и отскочила в сторону.

Его серьезный взгляд сменился на насмешливый.

– Думал, тебе приятно, когда я касаюсь тебя. Минуту назад ты аж пылала...

О, как жалела об этой минуте!

– Так ты исполнишь мою просьбу? – спросила она, хотя догадывалась, что он не собирается этого делать.

– Какую именно? – ухмыльнулся он. Рида почувствовала, как жар начал обжигать лицо.

– Ты сможешь мне увидеть Нати?

Он задумчиво коснулся рукой подбородка.

– А ты согласишься нарисовать свой портрет?

Что за странный вопрос? С чего вдруг ему понадобилось ее изображение? Рида озадаченно нахмурилась и поджала губы. Конечно, она не могла позволить, чтобы рисунок с ее лицом гулял по всей Арибо. Чего он добивался? Какая ему разница, кем она была и откуда появилась в Кардове? Разве ему было не все равно? Что вдруг изменилось?

Но она осторожно ответила:

– Может быть, я и соглашусь. Только я тоже больше не работаю в долг. Сначала я хочу видеть дочь и поговорить с ней.

– Твои желания растут, моя ненаглядная.

– А твои никогда не исполняются, – вырвалось у нее.

Он даже мускулом не пошевелил в ответ на ее слова. Снова сложил руки на груди и смотрел на нее сверху вниз, словно он центр этого мира и никому ничем не обязан. Он уже чувствовал себя эмиром? Как же быстро власть меняет людей.

Человек, которого она встретила в пустыне, и человек, который стоял перед ней – были словно близнецы-братья, с одинаковыми лицами и разным нутром: тот – добрый и порядочный, пусть брезгливый к бедности, а этот самовлюбленный и упивающийся властью над другими.

И этот второй даже не сделал вид, что раздумывает, может ли согласиться с ее просьбой. Лишь сказал:

– Если я узнаю, что моя жена не держит слово, данное перед моим судом, то наш договор станет односторонним. Ты исполнишь свою часть, а я – только если посчитаю удобным мне. И сегодня ты никуда не пойдешь, – добавил он, когда она молча развернулась, чтобы покинуть его комнаты и этот дворец.

Она в недоумении взглянула на него. Собиралась ответить: да как он смеет ей приказывать такие вещи! И неизвестно, чем бы закончился их спор, но двери с шумом растворились и на пороге вырос старичок-слуга в смешной чалме.

– Мой господин!

Мерод вежливо улыбнулся, уверенно шагнул через порог и, с любопытством покосившись на Риду, заулыбался еще шире. Хотя глаза его смотрели холодно.

Старик недолюбливал ее, Рида не обольщалась. Но ей было все равно. Она была благодарна ему, что он так своевременно появился и прервал эту затянувшуюся встречу.

Юсуф

Юсуф в раздражении шагал по длинным сводчатым коридорам дворца. Лампы на стенах тускло поблескивали в полумраке и также тлели внутри Юсуфа негодование и досада; ему стоило немалых усилий сдерживать себя. Он хмурил лоб, все ускорял шаг и намеренно игнорировал надоедливые расспросы слуги. Но Мерод словно не замечал его мрачного настроения, неуклюже семенил следом, еле поспевая, и продолжал плаксиво надоедать.

– Мой господин, ну как, ну что... ну, вы же не позволите этой женщине остаться рядом с вами?

Юсуф сжал кулаки. Вот они и добрались до главного. Мерод прямо знал, о чем поговорить в эту минуту. Мысли Юсуфа все больше расплывалась досада.

Конечно, он никому ничего лишнего не позволит. Но, прежде чем кого-то у себя оставлять, надо бы его к себе притянуть. А эта женщина явно была не намерена к нему притягиваться. Одно неверное движение – и вот она вылетела из его ловушки, словно он впервые заманивает птиц в клетки. Даже стыдно за себя.

А ведь он давно играл в эту игру. Не помнит с какого времени – так давно. Быть может, это началось после того, как Талия разбила ему сердце в первый раз, а, может, даже раньше. Или позже. Но он точно продолжил играть, не потому, что в груди болело, а потому что это занятие пришлось ему по душе. Было в этом что-то: когда женщина отчаянно сопротивлялась, а после оказывалась в его объятьях и уже молила о том, чтобы он не отпускал ее. Он подражал брату?

Да нет, брат всегда оставлял при себе женщин, которые ему приглянулись, оберегал их, защищал, любил к ним возвращаться. А Юсуф не любил, он выпускал своих птиц. Была лишь одна женщина в его жизни, которую он бы хотел держать рядом, но он никогда не считал ее птицей и клеток для нее не выстраивал. И в этом была его ошибка, как теперь он понимал.

Потому ей и удалось выставить его дураком, неудачником, да еще и сластолюбцем, который не уважает узы брака. Юсуф никогда таким не был. И святость брака он чтил, потому до сих пор так и не женился. Ну что ж, он получил достойный урок. Теперь ни одна птица не приблизится к нему, пока не залетит в его клетку. А потом он ее отпустит – и Жасмин тоже.

Но как же это изводило и мучило сейчас: почему он тогда остановился? Он же держал ее в своих руках и оставалось лишь сделать шаг и мир бы закрылся лишь для них одних.

– Она ведьма, мой господин, – прервал его размышления Мерод. – Весь город гудит об этом.

Он знал, что она ведьма. Хотя нет, он знал, что у нее есть способности к магии и она разбирается в камнях и умеет управлять ими. Но сегодня он почувствовал другое, когда обни-

мал ее в своей комнате. Неуловимое ощущение на грани с фантазией. Днем в тронном зале ему показалось, что он увидел эту странность в ее взгляде, повороте головы, блеске ее кожи в солнечных лучах, а сейчас понял, что это вовсе не наваждение, не выдумка от усталости и раздражения.

Юсуф хорошо запомнил этот момент. Она подошла, дотронулась рукой до его щеки. Она это сделала так умело, словно всю жизнь только и занималась тем, что привораживала мужчин. Даже у Талии это вышло робко и неуверенно. Она же точно знала, что делает и как правильно. Он бы попался на ее уловку, если бы неделю назад не прочувствовал на себе, чем оборачивается для мужчины хитрость женщины, когда он позволяет ей так собой крутить. Наверное, если бы он согласился держать у себя гарем, как делает Арслан, такие хитрости не стали для него в новинку. Но... Юсуф вернулся к воспоминаниям о Жасмин.

Она снова пахла горными цветами, даже терпкие ароматы, что разжигали во дворце, не могли заглушить ее горьковато-цветочный опьяняющий запах. Он уже чувствовал ее кожу под своими губами, он почти касался ее, ожидал, оттягивал момент. Ощутил, как она прильнула к нему всем телом, как ее руки скользнули вверх по его спине – его остановил ее голос. Легкий, шуршащий, наполненный страстью, но он словно не принадлежал ей. Словно это чужой человек жаждал его поцелуев и заставлял тело отвечать на его ласки. И ее глаза – той ночью неделю назад в ее доме он думал, они теплые, матовые, словно мягкого, шелковистого оттенка.

Ему казалось, ее глаза были похожи на малахит или даже зеленый янтарь, если бы такой существовал в природе. А эти глаза, которые смотрели на него сегодня, он словно видел их впервые: глубокие, как омуты горных рек, и такие же холодные. Ясные, блестящие, словно изумрудные, удивительной красоты глаза. Но они, как и ее голос, не принадлежали ей. Его как будто заманили одной женщиной, а подсунули другую.

– Мой господин, вы не слышали, что произошло в мастерской верхнего города? – снова вклинился Мерод со своими надоедливymi вопросами.

Спасения не было от этого человека. Юсуф внутренне выругался. Он же не отвечал Мероду – и все равно тот продолжал спрашивать и рассказывать. И когда они уже доберутся до этого тронного зала? Коридоры, что ли, в эту ночь вытянулись в два раза?

– Почему они решили собраться в такой час? – решительно перебил он слугу, когда тот вновь заговорил о Жасмин. – Уже за полночь – не время для обсуждений. Что такого важного они хотят мне сказать? И где мой брат? Он уже в зале? Зачем тогда я им понадобился?

Слуга пожал плечами. Конечно, на важные вопросы у Мерода никогда не находилось ответов. Только на глупости. Он не любил Жасмин. Это Юсуф уже понял. Те летающие рубины он не забудет ей до конца жизни. Но он тоже не забудет Мероду этих рубинов.

У дверей белого зала их встретил Ямал, поклонился и кратко сообщил причину неожиданного собрания. Брат порадовать их своим присутствием не удостоился.

Юсуф нахмурился. Не успел он занять трон, как на голову посыпались беды? И помогать ему никто не собирался. Арслан действительно бросил город на него и пожелал выкарабкаться, как тот сумеет.

Стремление сохранить лицо в этот раз обходилось дороже обычного. Но Юсуф не собирался идти с повинной и отказывать от своих слов всего лишь из-за неожиданного ночного собрания. Если Арслан на это надеется, то пусть наберется терпения. Он еще долго будет ждать исполнения своих желаний.

Юсуф подал знак растворить двери и вошел в величественный воздушный зал. По центру уже стояли, разбившись группами и в нетерпении перетаптываясь, состоятельные жители Кардовы: крупнейшие торговцы и владельцы караванов и магазинов.

Пять дней назад, где-то среди Розовых песков

Огромный песчаный фонтан взлетел плотной струей в белесое от яркого солнца небо. Также резко рухнул на пологий склон, рассыпавшись тысячами мелких песчинок. И из горы песка то ли вынырнул, то ли вырос невысокого роста мужчина в платке и длинном темного цвета халате, который обычно носят извозчики караванов. Он не пробежал и двух шагов, споткнулся, как будто ноги не слушались его, и кубарем покатился вниз по бархану, охая и не сдерживая слез. Остановился у подножия и тут же вскочил, бросился бежать дальше. Он не смел оглянуться и губы его без устали шептали:

– О, Великий бог, Великий бог. Слава тебе, что уберег. Слава, что не отдал на погибель этому злу. О, бедные мои братья. Все погибли, все погибло. Никого не пощадило это зло. Никого не отпустило. Только бы добраться до города. Доведи до города, Великий бог. Не оставь своей милостью.

Мужчина бежал так четыре дня и четыре ночи. За все время ни разу не остановился ни на сон, ни на отдых. Он не чувствовал голода или жажды. Его вело вперед нестерпимое желание быстрее добраться до города. Как он понимал, в каком направлении двигаться? Ни разу он не поднял глаз в небо, чтобы свериться со звездами, ни разу не посмотрел на солнце и вечерние тени от барханов и редких жестколистых кустарников, что встречались ему по пути. Он всегда как будто знал, куда ему идти. Его вел страх или обострившееся внутреннее чувство или ему подсказывала дорогу неведомая сила? Мужчина не задумывался об этом. И на пятый день пути его, изможденного и измученного страхами, наконец подобрал один из караванов, который только собирался войти на земли, что в народе величали Розовыми песками.

Вожак каравана, подошел к нему, справиться о здоровье, уж больно странным показался ему человек, который остановился прямо на пути его верблюда и смотрел словно сквозь него вдаль за горизонт. Тот осел у его ног, не в силах пошевелиться.

– Что с вами стряслось, уважаемый? – озабоченно справился Хасим Хадар, как звали вожака.

Человек заговорил, глотая слезы. Но Хадар прочти ничего не смог разобрать из его сбивчивой речи, как и остальные караванщики, что обступили толпой плачущего мужчину. Они смогли понять только три слова: огни, фонтаны и смерть. И этого было достаточно. Слова напугали их настолько, что караван, вышедший из Кардовы лишь день назад, развернулся и направился обратно в город. Вошел через ворота к вечеру следующего дня и Хадар опрометью бросился к дому своего нанимателя. Тяжело дыша и запинаясь, доложил о пугающей встрече среди барханов.

– И никто, кроме него, не выжил? – обеспокоенно переспросил Акиф Морено, как звали хозяина каравана.

Морено уже находился в летах и ему было тяжело слушать вести о том, что дело всей его жизни может поглотить разбушевавшаяся пустыня. Но он проявлял хладнокровие, как всегда поступал в сложных, непонятных ситуациях, а их за свои годы он успел пережить немало.

Хадар покачал головой в ответ на его вопрос и старик медленно произнес, тяжело вздохнув:

– Что ж, значит, уже пятый не дошел.

Один из его караванов должен был на днях идти через Розовые пески, направляясь с северных земель в Тахмалин, а оттуда обратно в Кардову. И Морено не на шутку тревожился, что не дождутся они уже шестого каравана. И ладно бы пески навеки похоронили только добро. Матери, жены и дочери недосчитаются своих мужей, а ему будет совсем непросто найти новых людей для перевозки товаров на север.

– Господин, что прикажете делать? – спросил с волнением Хадар и сообщил то, что Морено и так хорошо знал: люди отказывались покидать город. Теперь даже днем.

Старик ответил, что никого палками гнать не намерен. Пусть расположатся у ворот на площади, но будут готовы выехать по его первой отмашке. Он отпустил напуганного и уставшего Хадара, а сам отправился менять платье и собираться во дворец.

Морено никогда не доверял городским сплетням: в его работе такая наивность дорого обходилась. Но сейчас речь шла не о том, что было правдой, а что вымыслом. Ему нужно было отыскать способ, как успокоить работников и не позволить простаивать делу.

«Как бы ни защищал эмир Арслан ту женщину, которую все обсуждали, как бы не старался уберечь ее от чужих наговоров, сегодня у него не выйдет это сделать, – размышлял Морено. – В конце концов, не бывает дыма без огня. И раз эта женщина породила за собой столько опасных кривотолков, значит, имела неосторожность сказать или сделать так, чтобы вызвать подозрения. Она сама была виновата в своих несчастьях». За долгие годы Морено убедился совершенно точно в одном: ничто дурного не может произойти с человеком, если он не приложил к этому руку.

И неважно: что эта женщина была женой младшего брата эмира. Морено даже нравилась мысль избавиться от нее, пусть таким неблагородным способом.

Он всегда мечтал породниться с султаном, выдав замуж своих дочерей за его сыновей, и в свое время был чрезвычайно рад узнать, что младший Юсуф давно бросает пламенные взгляды на его старшую Талию. У молодых не сложилось: обстоятельства, симпатии, случайности. Но у Морено оставалась еще вторая дочь и она, уже не стыдясь, млела только при одном упоминании имени Юсуфа. Сейчас, когда она напросилась вернуться из столицы домой, репутация семьи сильно могла пострадать, если эти двое не поженятся. И хорошо бы, что б его дочь вошла во дворец не как вторая жена, а как главная.

Морено всегда считал, что сложные времена – это не проблемы, это возможности, Великий бог посылает их людям, чтобы те изменили свои жизни к лучшему. С этой мыслью он вышел из парадных дверей своего двухэтажного пышного риада и в сопровождении трех вооруженных охранников направился к дворцу.

Глава 11

Рида

Рида вернулась в свой дом на горном плато, когда на небе еще ярко горели звезды. Прислонилась к прохладной стене, закрыла глаза и долго стояла, не шевелясь, старалась наполнить себя спокойствием и тишиной этой ночи. И она так вросла в эту тишину, что ей показалось, она слышит звуки сверчков за плотно закрытыми ставнями. Она постаралась подстроить удары своего сердца под их мерное стрекотание, словно это было возможно сделать лишь по желанию. Нет, невозможно. Ее сердце продолжало дико стучать. Оно так не несло, даже когда ей пришлось бежать из мастерской Хартофан неделю назад. Что с ней сотворила эта ночь? Рида почувствовала, как дрожит.

Она долгие годы почти не пользовалась магией, лишь тонюсенькими струйками пропускала ее в себя и ограничивала во всем. Вероятно, оттого ей сейчас было так трудно контролировать ее. Она разучилась, потеряла навык, что с детства воспитывала в себе. Даже девять лет назад, когда она только познакомилась с мужем, она не вела себя, как глупая девчонка. Перед Ридой снова всплыли картинки минувшего вечера и ее окатила волна стыда.

«Великий бог, ну кто теряет голову оттого, что мужчина провел рукой по твоему плечу? Ну кто млеет от одного лишь дыхания на шее? И я что никогда в жизни не целовалась?» Память подбросило момент, когда она стояла, страстно прижимаясь к Юсуфу, когда обнимала его, когда прошептала свою просьбу, чуть ли не с мольбой, и Рида почувствовала, что щеки ее загорелись от нахлынувшей краски.

Ей следует научиться себя контролировать. В этом мире полно хитрых людей и никто не обещает, что в другом городе все сложится удачнее.

Это решение придало ей уверенности. Она отошла от стены, одернула занавеску в мастерскую, что начиналась сразу от гостиной-прихожей в ее доме, и оглядела комнату: пустые полки, стол и сундуки, печь, которая не разжигалась уже больше недели. Если бы у нее был металл, камни и инструмент, она бы уже сегодня сварила, обточила и отшлифовала обе пары серег и наутро отправила их тем двум женщинам, спятившим от надуманной любви. Но у нее не было даже воска, чтобы вырезать форму для заготовок. В этом доме царила пустота: даже последнюю лепешку она съела накануне. Если она останется здесь, ей придется питаться запахом горных цветов. Но сил заново обустраивать это место у нее не было. И она не видела смысла этого делать: ведь она собиралась бежать из города, как только узнает, где прячут ее дочь.

Рида тихонько поднялась по лестнице, рухнула на измятую постель и забылась тяжелым сном. Ей снова снился Гермен, ее муж и его огромный гарем и муж вдруг превратился в Юсуфа, который посмотрел на нее глазами цвета пустыни и шепнул на ухо: «Разве тебе не по нраву, когда мои руки касаются твоего тела? А если мои губы прильнут к твоим, если скользнут ниже, по шее, по груди?..» Рида подскочила в холодном поту.

С улицы раздавались голоса и шорохи, хотя вдалеке, там, где барханы Арибо встречались с темным небом, еще только рдела тоненькая полоска утренней зари. Рида подкралась к окнам, что выходили на узкую, обложенную камнем дорогу, осторожно выглянула и прислушалась.

Она не разобрала ни слова, как ни старалась. Но узнала соседей. И соседи, должно быть, нарочно общались на старом наречии, неизвестном ей, и это насторожило ее: с чего бы им тратить усилия на забытую речь? Она находила этому лишь одно объяснение: через час-два могут нагрянуть стражники.

Она быстро сменила одежду на чистую и более закрытую, привычную для себя, вытащила то, что накануне украла у Юсуфа, положила в шкатулку и спрятала под полу, где раньше лежал ее нефрит. Сполоснула лицо в чане с водой, которую принесла еще прошлой ночью и побросала раскиданные по полу подушки обратно на постель. Она все же заставляла себя выполнять

необходимую домашнюю работу: и даже постель перестилала каждые несколько дней, пусть не всегда могла уговорить себя ее заправить. Она стирала и сушила белье, носила дрова, напоминала себе, что должна питаться хотя бы два раза в день. Хотя это давалось ей нелегко – аппетит у нее пропал уже давно.

Рида спустилась по лестнице к задней двери, но там ее уже ждали Амир и Амар из соседних ювелирных лавок. Пришлось провернуть целое представление с бросанием камушков по деревьям и кустарникам, чтобы отвлечь наблюдателей и незаметно проскользнуть к тропинке, ведущей вниз по склону. Что на этот раз задумали ее несносные соседи? Как она будет возвращаться домой этим вечером?

И все же, гораздо больше ее волновало, как отнесется Мехмед Али, когда она появится в его магазине. Злился ли он, что она составила дурную репутацию его лавке? При всех унизила двух самых богатых женщин в городе. Они наверняка даже носа больше не сунут к главным воротам. И как ей теперь просить Мехмеда Али об одолжении? Что ей было предложить ему, если за новые украшения ей никто не заплатит?

Торговые кварталы у ворот города пустовали в часы рассвета – это было время, когда Кардова позволяла себе тихонько прикорнуть после насыщенного заботами дня и длинной ночи, полной красочных и запоминающихся эмоций. Рида шла по уложенной неровным камнем главной улице и слышала, как ее легкая поступь коротким эхом отражается от стен домов, обрамляющих дорогу. Она прислушалась к шагам также, как ночью прислушивалась к стрекотанию сверчков за окнами, и постаралась отыскать в этих звуках лекарство от волнения. На этот раз ей удалось справиться быстрее и проще. Она ступила за угол на песчаную дорожку, ведущую к дому Мехмеда Али уже спокойной, уверенной и знающей, что и как сказать.

Как и большинство построек в центре Кардовы, расположенных недалеко от главных ворот, дом торговца Али состоял из двух этажей и был узкий в длину и сильно уходил вглубь улицы, плотно прилегая к соседним домам и не имея забора. Рида подошла к двери, глубоко и долго вздохнула и громко постучала два раза. Ей открыли не сразу, но быстро. Мехмед Али распахнул двери и посмотрел на нее с нескрываемым удивлением. Наконец сказал:

– Жасмин, что вас привело ко мне в такой час?

– Могу я просить вас о коротком разговоре, господин Мехмед? – вежливо попросила она.

Он окинул взглядом пустую улицу, снова с беспокойством посмотрел на Риду и кивком пригласил войти. Она быстро прошмыгнула в дом и он провел ее в вытянутую узкую гостиную, такую же, как форма его дома.

Это была богато, но не вычурно обставленная комната с рельефным потолком и украшенными мозаикой стенами. Он предложил чая, но Рида отказалась. Тогда он знаком показал ей присесть в кресло и попросил рассказать о причине ее раннего визита.

– Господин Мехмед, – начала она смущенно, – мне кажется, я должна извиниться перед вами за произошедшее вчера днем.

Он остановил ее.

– Не нужно, извинений, Жасмин. Рашид и Зита мне все рассказали. Я не вижу твоей вины.

– И все равно мне очень стыдно за свой поступок.

Рида не лукавила. Она действительно чувствовала признательность этому человеку и не желала его обидеть. Во всем городе он был одним из немногих, о котором она могла бы говорить с благодарностью. Даже сейчас он не торопил ее со словами, а терпеливо ждал, когда она соберется с духом и продолжит свою речь.

– Могу я просить вас впустить меня в свой магазин еще один раз? – наконец спросила она.

Он улыбнулся.

– Я уже сказал, Жасмин, что не виню тебя. Ты хорошо работала, а я не склонен выгонять ценных работников. Ты можешь войти в магазин, когда пожелаешь?

– Несмотря на то что все знают, кто я? – удивилась она.

– Ну, – протянул он, – они уже знают, что ты у меня продавала украшения и будут говорить об этом, вернешься ты или нет. Скажу тебе честно, я гораздо больше заработаю, если ты вернешься и будешь привлекать в лавку любопытных зевак.

От этих слов она еще больше смешалась.

– Я думала, что, напротив, это их отпугнет.

– Нет, – ответил Мехмед Али, поднимаясь с кресла и направляясь к дверям. Рида встала и пошла вслед за ним. – После той дикой сцены с серьгами уже двадцать покупателей прибежали и заказали такие же. Если дальше так пойдет, не представляю, где мы найдем столько нефрита. Уверен, они уже скупили все лавки.

Рида остановилась, не в силах не сказать и сделать еще шаг. Мехмед Али, видимо, услышал, что она больше не идет за ним, обернулся и посмотрел с непониманием.

– Что такое? Тебя так удивило это известие? Это богатые, изысканные женщины. Если они унизились до прилюдной драки из-за нефритовых сережек, значит, это украшение представляет особую ценность. Теперь все хотят получить такое же или очень похожее. Это неизбежно.

Но Риде неважны были объяснения, ее волновало последствия возрастающей популярности нефрита.

– И осветленное золото тоже, – тихо сказала она, – исчезло?

Мехмед Али задумался.

– Да, ты права, – наконец ответил он, – и осветленное золото тоже, скорее всего, вчера все раскупили. – Он снова посмотрел на нее, пытаясь угадать причины ее обеспокоенности, и, видимо, понял. – У тебя не осталось материалов?

Рида закрыла лицо руками. Этот паршивец, Юсуф, он словно знал, что она может не справиться, потому навязал свои условия.

– Ну, ну, Жасмин, рано слезы лить, – услышала она подбадривающий голос Мехмеда Али и убрала руки показать, что вовсе не плачет. – Мы сейчас пойдем и посмотрим, что осталось в лавке. Не обещаю нефрит, но золото, уверен, что найдется на две пары сережек. Зита устроила вчера целые торги с повышением ставок, чтобы продать его подороже. Утянула цены в небеса. Уверен, большинство отказались. Но нам стоит поспешить, чтобы она не прибежала пораньше и не распродала остатки.

Мехмед Али оказался прав. Когда они подошли к магазину, Зита уже вовсю порхала между тремя прилавками и настроение ее казалось особенно оживленным. Она увидела Риду и хозяина лавки и широко заулыбалась, озорно подмигнув. Рашид стоял в сторонке, стараясь не мешать ей готовить магазин к новому торговому дню, и он тоже казался воодушевленным и совсем не удивился появлению Риды.

Они не боялись ее, словно городские слухи о женщине-колдунье с зелеными глазами не имели к ней никакого отношения. Это были слухи о другой женщине, неизвестной Риде, а она, как обычно, рано утром пришла в магазин и скоро встанет за прилавком и, если бог будет милостив, то он пошлет ей щедрых, благодарных покупателей. Стало тепло и легко от этих мыслей. Словно мечта о спокойной, счастливой жизни, пусть на мгновение, заменила Риде реальность. Словно боги решили ей показать, как все может быть, если она не опустит руки.

Мехмед Али принес два мешочка с самородками золота и серебра и протянул Риде.

– Придется самой переплавить, – сказал он с сожалением. – Все заготовки Зита вчера продала, даже с наценкой в десять раз...

Веселая, дородная женщина виновато улыбнулась Риде. Казалось, Зиту всецело поглощали хозяйственные заботы: она постоянно переставляла шкатулки и подставки, перекладывала

вала камни, украшения и инструмент, сдвигала прилавки, поправляла драпировки и вывески, разжигала благовонья и оттого помещение медленно наполнялось ароматами мирры и лаванды. Но она успевала не только по хозяйству. Она следила за всем в пределах территории, что ей доверил Мехмед Али. И за разговорами тоже.

«Интересно, что она успела понять обо мне, – вдруг подумала Рида. – Что они все трое думали о ней, если не верили слухам? Знали ли о ее дочери? Верили ли, что брат эмира женился на ней среди песков Арибо и даже не удосужился рассказать об этом семье?»

– Белого нефрита не осталось в лавке, – перебил ее мысли Мехмед Али, – но я поспрашиваю у соседей, пока ты будешь разбираться с золотом.

Рида кивнула и нырнула во внутренние комнаты, заперла дверь и приступила к работе. Беспокойство не покидало ее, но неожиданная поддержка людей, которых она знала меньше недели, воодушевляли ее и дарили уверенность.

Рида всегда представляла, что жизнь человека подобна бархану в пустыне, передвигаемому ветром. И сейчас ей казалось, что ее бархан стоял неправильно, не той стороной повернутый к солнцу и не на том месте. Но сегодня она вновь поверила, что скоро подует новый, счастливый ветер, и ее бархан перенесется далеко от зла и людей, поддающихся этому злу, и тогда она и ее дочь наконец заживут так, как она представляла в мечтах.

Юсуф

Ночное собрание плавно переросло в утреннее. И лишь когда солнечные лучи начали высвечивать и растворять стены белого тронного зала, заставляя его парить в воздухе, торговцы и почетные жители Кардовы, нехотя проследовали к высоким, богато украшенным дверям. Слуги широко растворили их перед ними, выпустили стройную процессию в коридор, поклонились Юсуфу и закрыли двери с другой стороны. Наступила долгожданная тишина, но спокойствия она не принесла. В воздухе все еще висело напряжение и вдыхать его было тяжело. Лишь волнение не позволяло Юсуфу поддаться усталости: выйти за эти двери, укрыться в покоях и наконец дать телу заслуженный отдых.

– Не смей говорить, что не нашли ее, – бросил он сурово с трона, когда двери вновь широко растворились и Мерод появился на пороге.

Слуга просеменил через зал в своем чрезмерно длинном, блестящем от позолоченной вышивки халате, поклонился и ответил:

– О, мой господин, с женщиной все в порядке. С такими всегда все в порядке. Вот, со всеми остальными беды творятся. А у нее все хорошо. Лучше, чем у кого-либо.

– Где она? – перебил его Юсуф.

– В лавке, мой господин. Она в магазине того торговца камнями, из которой ее привели вчера к вам во дворец.

– И что она так делает?

– Колдует, полагаю, – словно случайно вырвалось у Мерода.

Юсуф смерил его строгим взглядом.

– Мой человек сказал, что в магазине толпа покупателей, мой господин. Но женщины за прилавком не видно. Вероятно, она ушла во внутренние комнаты. У Мехмеда Али есть своя мастерская, смею предположить, она занимается теми серьгами. Они с утра ходят по лавкам ищут камни и золото.

– Ясно, – отрезал Юсуф.

Он потянулся и наконец позволил себе подняться с трона. Тело его ломило от долгого сидения на одном месте. За свою жизнь он не помнил дня, когда оставался без движения столько времени. Он зашагал по залу, разминая ноги и с сожалением осознал, что совсем иначе представлял себе такие важные собрания с горожанами, когда наблюдал за ними, будучи деся-

тилетним мальчишкой, и на троне сидел его отец. Эти люди словно высушили его до дна, выпили всю жизненную силу. Казалось, если он сейчас заснет, то проспит несколько дней.

– Пусть твой человек следит за ней, Мерод, – бросил он слуге и задумался. Наконец сказал: – И пусть он вечером, когда она выйдет из лавки, приведет ее во дворец. Я велю приготовить ей комнаты.

Не то, чтобы Юсуф жаждал видеть Жасмин, хотя он бы не отказался с ней вновь встретиться и продолжить их разговор. Но ему совсем не понравилось настроение, царящее среди торговцев: они были перепуганы и готовы отправить на смерть любого, лишь бы унять свои страхи. Словно одна жизнь могла воскресить из мертвых десятки других и вернуть караваны домой невредимыми. Эти люди дали Юсуфу три дня на то, чтобы он избавил их от беды в Розовых песках, но он понимал, что не найдет решение за такой короткий срок.

Все знали, что Арслан лично отправился в столицу просить султана о помощи. Но никто не желал ждать недели, когда помощь придет, все требовали решения быстрого и верного. А старик Морено лишь подливал масла в огонь, живописно пересказывая историю человека из пустыни: и как он был измотан, и как худ, и как напуган – и словно сам бог позволил ему бродить пять дней по барханам Арибо без еды и воды, только бы он дошел до города и предупредил людей о беде, что им грозит. А Жасмин словно и дня не могла прожить, не породив опасные сплетни. Что она устроила в той мастерской в верхнем городе? Юсуфу сообщили неприятные известия посреди собрания и он, должно быть, выглядел крайне обескураженным. И хуже всего, если Жасмин действительно устроила то, что ей приписывали. Тогда так ли был не прав был старик Морено, требуя ее голову?

Юсуфу нужен был совет, как поступить. Но спросить было не у кого. Мерод был человеком его отца. Ямал, что сейчас незаметно стоял поодаль, терпеливо ожидая, когда к нему обратятся, был человеком его брата. А у Юсуфа не было никого. За тридцать три года он обзавелся тремя магазинами, караваном на двадцать пять верблюдов, но никому из людей, прислуживающих ему, доверять он бы не стал.

Он глубоко вздохнул. Что ж, если сегодня нельзя получить лучшее, следовало пользоваться тем, что находилось под руками.

– Как ты считаешь, – спросил он у Ямала, – эти люди дадут мне обещанные три дня?

– Они уважаемы и почитаемы горожане, господин, но будет мудро, если вы поспешите с ответом, – уклончиво ответил тот.

– И что бы ты мне предложил, если бы я сказал, что не знаю, как за три дня избавить Розовые пески от их несчастья?

Ямал задумчиво склонил голову.

«Вот и я тоже не понимаю, что делать, – сказал себе Юсуф. – Может, брат нарочно подсунул мне эту женщину, чтобы сбежать из города и оставить разбираться с заботами и несчастьями Кардовы?» Хотя Юсуф прекрасно понимал, что Арслан вряд ли смог бы подстроить его случайную встречу с Жасмин в песках Арибо.

– Полагаю, господин, – наконец заговорил Ямал, – вы могли бы задобрить этих людей, чтобы они стали снисходительнее и сговорчивее. У Акифа Морена есть...

Юсуф показал знаком, что не желает рассуждать на эту тему. Если он уступит Морено один раз, то старик до конца своих дней будет ставить его в безвыходное положение, лишь бы удовлетворить свои желания. Юсуф наблюдал за этими людьми с детства. Относился к ним с уважением, как делал его отец и брат. Но лишь сегодня увидел, сколько усилий это стоило. Не потому, что они оказались жадными, эгоистичными и мнительными, а потому что на плечах каждого из них лежала огромная ответственность за их семьи, их работников и торговые дела. И они не могли позволить себе терять время в ожидании и верить на слово обещаниям. Юсуф сам переживал за свой караван, который не знал, когда теперь отправится на север. Выгодный

путь через Розовые пески стал слишком опасным. И решение, что ждали от него жители Кардовы, было нужно ему самому не меньше.

– Тогда, если позволите, господин, – снова заговорил Ямал и Юсуф кивнул, – вы должны найти защиту для этих людей, пока будете искать избавление от беды в песках.

Это был мудрый совет. Юсуф только не мог придумать, как уговорить торговцев подождать дольше, чем три дня. И Арслан наверняка еще не отправился в столицу, затаился и ждет более подходящего момента, не желая быть гонцом дурных вестей. Видимо, придется или самому лететь и просить отца о помощи, или отправлять своих гонцов. Только бы еще отец относился к нему также благожелательно, как к Арслану.

Юсуф снова зашагал по залу в размышлении. Он осторожничал покидать город, еще и потому что не знал, насколько свободными от своих обещаний почувствуют себя люди, вроде старика Морено. Нельзя было позволить, чтобы они учинили правосудие над Жасмин, если он им это запретил. И не потому, что он считал ее своей непойманной птичкой, эта ночь отбила у него все желания продолжать играть в игры, какими бы приятными они ему ни казались. Но эта женщина была человеком, которого он взялся защищать. И если Морено и его приспешники найдут способ обойти этот запрет, то никто во всей Арибо не будет уважать его и доверять его слову.

Мир Арибо огромен, он простирается далеко за пределы пустыни. Но он становится чрезвычайно мал, когда речь заходит о репутации человека и торговца. И что более важно, Юсуф перестал бы уважать сам себя, если бы разрешил этим людям собой помыкать. Особенно когда он занимал трон эмира Кардовы. И любые способы это предотвратить казались сейчас верными, если бы они сработали.

Юсуф еще долго кружил по залу. Белые стены уже почти растворились в лучах солнца, когда он наконец остановился и решительно сказал:

– Мерод. – Слуга на удивление тихо стоял подле трона, словно осознавая серьезность положения, и потому старался не отвлекать своего господина глупостями. – Отправь-ка весточку в Тахмалин и вели Камилю и троим его лучшим людям собираться в дорогу.

– Конечно, мой господин. Могу я спросить...

– Передай, что им предстоит отправиться в столицу и явиться на ковер к самому султану, чтобы передать от меня послание.

– Господин, – тут же вклинился Ямал, – если позволите...

– Я хочу знать, где находится тот человек, которого мы нашли в пустыне, – не дал ему договорить Юсуф. – Я хочу лично услышать его историю, а не в пересказе Акифа Морено. Доставьте этого человека в мой зал.

– Господин, – снова попробовал сказать Ямал.

– И еще, – поднял палец Юсуф в знак внимания, – распространите по городу слухи, что я настолько влюблен в свою жену, что если она случайно погибнет, то я буду горевать целых пять, нет, десять лет, прежде, чем женюсь вновь.

Мерод расплылся в широкой улыбке и глаза его озорно засветились.

– Ты смеешься сейчас над своим господином, Мерод? – попытался отшутиться Юсуф. – Я сказал что-то настолько невероятное, что вызвало твою улыбку?

– Смилуйтесь, мой господин, как бы я посмел, – ответил слуга, продолжая ухмыляться.

– Но когда вы так складно врете, даже Великий бог не может удержаться от улыбки, куда уж мне старику.

– Ты сейчас сомневаешься в моей любви к жене, Мерод? – Юсуф постарался сказать строже.

– Ну что вы, мой господин. Из-за нее вы отказались от богатейшего прииска самоцветов и прибылейнейшей сделки с соколами. – неожиданно согласился подыграть ему Мерод. – На моих глазах эта женщина раздавила камень за пятьдесят золотых монет и отпустила птицу за

двадцать пять золотых монет. Вы не можете, мой господин, не любить ее безумно и страстно, раз столько ей прощаете.

Мерод припомнил все обиды, что нанесла ему Жасмин, но так, чтобы угодить своему господину. Если бог и улыбался, глядя на то, как врет человек, то он смотрел на Мерода.

Словам хитрого старика улыбнулся даже Ямал, хотя Юсуф сомневался, что тот в них поверил. Но это было неважно, не для него он придумал свою маленькую шутку. Он надеялся, что если не старик Морено, то хотя бы его дочь испугается и усмирит свои желания. Для Ямала же были адресованы лишь первая часть послания.

Юсуф рассчитывал, что Арслан захочет опередить гонцов из Тахмалина и наконец покинет Кардову и отправится с донесением к отцу. А на человека из пустыни Юсуфу самому было любопытно взглянуть. Больно невероятной ему показалась эта история: ни один человек не смог бы выжить в том кошмаре среди синих огней – когда песок фонтанами взмывает в небо только для того, чтобы навсегда поглотить людей на земле.

Юсуф отпустил слугу и Ямала и на том его безумно долгий, тяжелый день, начавший еще прошлым утром, казалось, закончился. За окнами его комнаты солнце уже стояло высоко в зените, когда он наконец отправился на отдых. Щебетали и пересвистывались горные выюнки и каменки, гнездившиеся около окон. И под их переклички Юсуф погрузился в долгожданный сон. Ему снилась пустыня: давно знакомые края, дорогие сердцу, он шел по барханам, солнце клонилось к закату и ему дышалось легко, порывы ветра развивали его волосы. Пустыня была словно частью его, а он был продолжением пустыни.

Он проснулся уже под вечер, когда Мерод отчаянно тряс его за плечи, силясь разбудить.

– Что такое? – бросил Юсуф без желания открывать глаза.

– Вы просили, мой господин, сообщить, когда будут новости.

– И? Что у тебя там за новости, Мерод? Она отказывается идти во дворец? Вы сказали, что это мой приказ?

– Нет, мой господин.

Мерод виновато опустил глаза.

– Не говори мне, что вы ее потеряли?

Мерод сильнее понурил голову и поджал губы. Юсуф мигом вскочил с постели. Видимо, он слишком рано расслабился. Его безумный день вовсе не закончился, а лишь взял короткую передышку.

Рида

Рида работала медленно. На получение сплава обесцвеченного золота и выковки из него оправы для серег даже у опытного ювелира ушло бы не меньше недели. Она бы могла сослаться на свой талант и мастерство, чтобы объяснить, как ухитрилась так быстро изготовить детали оправы, собрать, спаять их и отшлифовать. Но она никак не могла ускорять естественные процессы плавления иковки. Она позволяла себе использовать магию, только чтобы лучше контролировать работу.

Пока металл плавился в тигле, она вырезала формы из воска, покрыла их глиной и оставила высыхать. Высохшие формы нагрела над огнем, позволив воску вытечь и залила подготовленным сплавом. Она разрешила себе ни о чем не думать эти несколько часов, пока работала в мастерской, только она и горячий металл, жар от печи и мягкий воск под инструментом в ее руках. И это подарило ее телу гораздо больший отдых, чем давал сон в последние дни. Сердце стало биться ровнее, пальцы точнее ставили инструмент, тело не вздрагивало от каждого шороха. Настоящий мир с его заботами словно отступил – и Рида забыла о времени. Когда вылитые формы, готовые для сборки, стояли на столе, и она растворила ставни, чтобы впустить в мастерскую свежий воздух, на город уже опустился вечер с яркими фонарями, тихой музы-

кой ночных музыкантов и сладковатыми ароматами благовоний, которые приносил ветер из ближайших караван-сараев и чайных домов.

Рида вышла к прилавкам и нашла Мехмед Али в нетерпении ожидающим ее. Однако новости он принес нерадостные.

– Я отправил людей обойти все лавки Кардовы, Жасмин, – сказал он, – но белый нефрит нигде не удалось отыскать. Даже по завышенной стоимости. Прости, я даже не знаю, чем тебе помочь.

Что ж, ей придется либо мастерить хорошую подделку, либо просить Юсуфа вернуть ей те серьги, чтобы она сделала из одной пары две. Ни одно из этих решений ей не отзывалось. По меньшей мере трое человек, кроме нее, будут знать о подделке, если она выберет первый способ. И ей было бы проще залезть в печь и позволить себя сжечь дотла, чем просить Юсуфа о нисхождении. И она еще была не готова снова встретиться с ним наедине.

Рида в раздумьях теребила свой темный платок и переводила взгляд с Мехмеда Али на Зиту и Рашида. Магазин в этот час уже пустовал, деревянные резные двери были закрыты, а прилавки убраны. И с улицы потянулись первые звуки ночных заведений.

– Я подумаю об этом с утра, – сказала Рида, так и не выбрав решение. – А вам стоит отправиться на отдых.

– Мне очень жаль, – снова произнес Мехмед Али. – Я сама виновата, – ответила Рида, хотя в действительности так не считала.

«Может, стоит пробраться во дворец и выкрасть те серьги? – подумала она ненароком. – Юсуф поставил такие условия, что не находилось ни одного порядочного способа их соблудости. Разве можно оставаться честной, когда живешь среди дурных людей?»

И все же Рида продолжала сомневаться.

Неизвестно, к чему привели бы ее сомнения, но, казалось, сам Великий бог не протянул руку помощи. Они уже покидали магазин, когда Рашид неожиданно робко предложил:

– Жасмин-дайя, я весь день думал о вашей заботе. И я знаю, что может помочь. Но это опасно, Жасмин-дайя. Я потому столько не решался сказать вам. Но полагаю, что вы должны сами решить.

Рида остановилась у порога магазина и вопросительно посмотрела на Рашида. Что хочет ей предложить этот мальчик?

– В ущелье Тихири, – начал объяснять тот, – по ночам открывается рынок перекупщиков.

– Рашид, – с уроком бросил ему Мехмед Али. – Даже не смей такое предлагать нашей Жасмин.

– Нет, погодите, – остановила его Рида. – Что за ущелье?

И Рашид подробно рассказал, как Риде добраться в горы.

– Но я не думаю, Жасмин-дайя, что вам следует идти туда одной, – добавил он. – Там торгуют краденым и подделками. Бесчестный народ, Жасмин-дайя. Воры и бандиты. Говорят, они грабят караваны по Арибо. Убивают и крадут и добро, и людей. Продают рабов на невольничьих рынках.

Рашид потупил глаза, словно ему стало неудобно за свои откровения.

Но Рида уже приняла решение. Даже купить краденую подделку в ущелье Тихири ей казалось намного более правильным способом, чем те, что ей оставались.

– Я пойду с тобой, – твердо заявил Мехмед Али, когда она высказала свое намерение отправиться на рынок.

И его настойчивость удивила Риду. Должно быть, она все же нравилась этому человеку. Или, может, ей хотелось понравиться такому, как он. Она нуждалась в поддержке сейчас, как никогда, а рядом с ней не оказалось ни одного человека, на которого можно было бы положиться или который хотя бы не обидел ее и не замыслил дурного, желая нажиться на ее бедах.

Рида согласилась принять помощь. В конце концов Мехмед Али знал, что она замужем, и понимал, что не может рассчитывать на ответные чувства.

Рида и Мехмед Али покинули магазин поздно вечером через заднюю дверь. Мехмед Али опасался, что люди на площади могут неверно истолковать их вечернюю прогулку. И Рида с благодарностью приняла его заботу: она тоже не желала, чтобы к бесконечному числу ее надуманных грехов добавилась измена мужу.

По рассказу Рашида ущелье Тихири находилось высоко и глубоко в горах. Потому им предстоял неблизкий путь: сначала они должны были подниматься по многочисленным, неудобным, городским лесенкам, а затем долго идти по еле заметной тропинке, петляющей по горному лугу и коротким перелескам. Но дорога оказалась не настолько утомительной и напряженной, учитывая, в какое место должна была привести.

Яркие звезды и большая, круглая, словно золоченая луна создавали приятный полумрак. Луговые цветы обволакивали сладковатыми ароматами. Легкий ветерок раздувал волосы и дарил прохладу после жаркого дня. А Мехмед Али умел скрасить долгую дорогу разговорами на отвлеченные темы.

Они успели поговорить о магазине, о камнях, о последних нелепых слухах, кружащих по городу, обсудили Зиту и Рашида и то, как те, словно с помощью магии, ловко привлекали и увлекали покупателя. Рида слышала в словах Мехмеда Али столько тепла, когда он отзывался о своих работниках, и он так умело избегал вопросов о причинах их ночного путешествия. Хотя наверняка не раз задумывался, почему муж Риды поставил ей такие невыполнимые условия: зачем требовать готовые серьги уже через день, если обе женщины не отказались бы подождать и неделю.

Рида все чаще ловила себя на мысли, что ей приятна компания этого человека. Он не был настолько хорош собой, как Юсуф или Арслан, ему не хватало их мужского обаяния и стати, но с ним она чувствовала себя спокойно и по-домашнему расслаблено, а это было именно то, о чем она мечтала уже долгие годы. Если бы она вернулась на восемь лет назад и судьба свела их, быть может, она нашла бы счастье с этим человеком?

Но Рида, хоть и думала об этом, в глубине души понимала, что это возможно. Восемь лет назад она меньше всего мечтала о спокойной жизни. Настоящий муж так пленил ее своим обаянием, вскружил голову настойчивыми, красивыми ухаживаниями, что она и мысли не могла допустить, чтобы сбежать от него в далекую Кардову. Восемь лет назад она бы даже не посмотрела на Мехмеда Али. А сейчас ей не следовало на него смотреть и тем более думать о том, чтобы ответить на его чувства: она могла нехотя навлечь на него несчастье.

И ей вдруг пришло на ум, что, возможно, спокойная жизнь вовсе не для нее и она ищет то, что никогда не должно с ней остаться. И это ее расстроило. Она все больше отмалчивалась и отвечала односложно на вопросы. И Мехмед Али со свойственной ему обходительностью позволил ей побыть наедине с собой.

Оставшуюся дорогу до ущелья они проделали, не говоря ни слова. И Рида даже не заметила, когда они наконец добрались до места.

Ущелье Тихири совсем не соответствовало своему названию. Уже этим оно вызвало у Риды, если не страх, то тревожное беспокойство.

Это место вовсе не походило на теснину в горах с речушкой на дне и отвесными скалами, поросшими мхом и редким кустарником. Ущелье Тихири было скорее красочным названием, призванным отпугнуть людей, которых влекло в эти края лишь одно любопытство.

Когда они завернули за гору, перед Ридой чуть ниже по склону раскинулась огромное каменное плато, сплошь усеянное капюшонами торговых шатров, подсвеченных яркими лам-

пами. Словно от одного края до другого змеилась гигантская, светящаяся кобра, покрытая неровными буграми-шатрами.

Здесь могла бы уместиться вся торговая площадь Кардовы. У Риды с трудом укладывалось в голову: товары, что продавали на этом плато, были либо украдены, либо сделаны с умыслом обмануть, либо были запрещены для продажи в городе. Как эмир позволял существовать этому месту всего в нескольких милях вверх по горам? Быть не могло, чтобы он не знал о ночных торговцах из ущелья. И ведь разбойники меньше бы грабили в этих краях, если бы им негде было сбывать свой товар. А рынок пользовался удивительной популярностью. Узкие проходы между шатрами с трудом выдерживали наплыв покупателей.

– Тебе лучше набросить платок и прикрывать лицо, когда мы пойдем по рядам, – заботливо предупредил ее Мехмед Али, коснувшись руки. – Чем меньше они будут тебя видеть, тем спокойнее нам будет возвращаться в город.

– Неужели они захотят связаться с женой эмира? – возмутилась Рида.

– Не думаю, Жасмин, что этих людей волнуют такие мелочи. Их слишком сложно поймать. Сложно выяснить даже их имена. И они знают об этом.

Рида с недоверием посмотрела на Мехмеда Али: он явно преувеличивал. Но ее беспокойство усилилось и она подернула плечами, словно желая сбросить его. И видимо успешно, она забыла о своих тревогах, едва они спустились по склону и двинулись по длинным рядам.

Лавки пестрели товарами: глиняной и стеклянной посудой, цветастыми тканями: от грубой шерсти до тончайшего шелка. Со всех сторон осаждали запахи специй и благовоний, духов, мазей и мыла. К концу первого ряда у Риды уже щекало в носу и ей казалось, она потеряла способность распознавать ароматы. С трудом бы отличила мускатный орех от черного перца. Ей беспрерывно хотелось чихать и кашлять. Она уже закрывала платком лицо не из-за безопасности, а чтобы унять безудержный наплыв ароматов.

Наконец показались первые лавки с камнями и она всецело погрузилась в их переливчатое и искрящееся свечение. Быстро приглядела два подходящих камня, приценилась и поняла, что ей следует погулять подольше, если она хочет выторговать цену более подъемную для ее кошелька. Но едва ступив по пятому ряду, поняла, что ее путешествие по ночному рынку подошло к концу.

Вторая от начала лавка притягивала ее к себе, как если бы она слишком близко подошла к зыбучим пескам. С краю среди нефритовых украшений разного цвета и качества лежал и манил ее своими переливами браслет, который она потеряла в мастерской Хартофан неделю назад.

«Быть такого не может, богом клянусь!» – чуть не сорвалось с ее губ.

Рида непроизвольно потянулась к украшению.

– Приглянулась фешичка, моя лапушка? – тут же обратился к ней торговец в маленькой, сбитой набок шапочке и с некрасивой, наполовину беззубой улыбкой. – Чудесная штучка, моя хорошая. Примерь, не стесняйся. За примерку я денег не фозьму.

И он помог ей надеть браслет на руку. Кожа Риды тут же почувствовала и приняла родной камень, разлив по телу мягкое тепло.

– Сколько вы просите за это украшение? – спросила она, стараясь не убирать платок от лица.

– Ну, это богатая фешица, – принялся нахваливать товар торговец. – Думаю, тысяча золотых буфет подходящей ценой для нее.

Рида чуть не ахнула. В ее кармане находилась лишь половина от этой суммы и то целиком она ей не принадлежала. Она в сомнениях посмотрела на Мехмеда Али: разумно ли было торговаться в этом месте.

– Хороший человек, – вступился тот, – добрый товар стоит добрых денег. Но переплаченный товар не принесет славу его владельцу.

– Уфажаемый господин, – быстро и хитро ответил торговец, – если бы я искал славу, моя лафка стояла бы не на голых камнях этого плато. – И он снова некрасиво улыбнулся.

– Это очень дорого, – попыталась Рида вызвать у торговца понимание и сочувствие.

– А это дорогой браслет, моя хорошая. Он не абы откуда ко мне попал. Скажу фам по секрету, – и торговец продолжил шепотом, – сама колдунья синих огней его потеряла, когда безобразничала в одной из мастерских города, что лежит внизу. Разве могу я отдать такую примечательную фешицу дешевле, чем за тысячу золотых?

Рида с Мехмедом Али переглянулись.

«Наверное, он сейчас должен обо всем догадаться», – подумала Рида.

Если бы она только знала, что отыщет среди этих торговых рядов, она бы не согласилась взять Мехмеда Али с собой.

– Господин, – попробовала она подвергнуть сомнению историю торговца, – я не думаю, что вы бы согласились держать у себя такое опасное украшение, если бы ваши слова были правдой. Разве вас не пугает, что браслет принадлежал такой женщине? Караваны боятся покинуть город, – припомнила она последние городские слухи, которыми поделился с ней Мехмед Али по дороге.

Торговец покачал головой, но не без удовольствия, словно предвкушая любопытное словесное состязание.

– Ах, моя лапушка, какие правильные фопросы ты задаешь? Как не бояться – конечно, боюсь. Потому и прошу свою тысячу. Страшно подумать, что сделает со мной эта женщина, если узнает, как я нажился на ее богатстве.

Мехмед Али шепнул Риде на ухо:

– Пойдем, Жасмин, видно, что он не уступит. Этот браслет не стоит таких денег, даже если бы его носил сам султан.

– Я знаю, – ответила Рида также тихо. – Но тут целых десять камней. Я смогу сделать пять пар и мы хорошо заработает по нынешним ценам.

Хотя, конечно, о выгоде она думала в последнюю очередь.

– Уважаемый господин, – сказала она смело, – давайте договоримся: если вы сумеете доказать, что этот браслет принадлежал колдунье, то я заплачу вам за него вашу справедливую тысячу, а если нет, то вы отдадите мне его за четверть стоимости.

Торговец улыбнулся и его голова, как на веревочках, заходила из стороны в сторону.

– С чего мне, моя хорошая, соглашаться на такую нефыгодную сделку? Если я начну тебе это доказывать, то мои усилия будут стоить еще тысячу золотых.

– И как же это понимать? – вмешался Мехмед Али. – Весь город гудит, а доказать, что правда, а что нет, так сложно?

– Ах, уфажаемый господин, вон посмотрите ф ту сторону.

Рида и Мехмед Али оглянулись. С противоположного конца ряда на них двигалась небольшая группа людей в одеждах воинов во главе с маленьким, чрезмерно худым и словно иссохшимся человеком. Маленький мужчина был одетым в простое платье, но носил большую чалму на голове и такую же нес в руках.

– Этот человек фырвался из самого центра зла ф пустыне. Он фочию видел синие огни: как они окружили его карафан, как песчаные фонтаны забили ф небо и как рыжая туча пофисла над головами и поглотила карафан, растереф в песок. И как думаете, сколько людей здесь поферили ф его историю? Это не то место, моя лапушка, где ферят на слофо. Сюда приходят не за ферой, а за нужным тофаром. И ты скажи мне, насколько эта фешица тебе нужна? Я полагаю, что на тысячу золотых фсе-таки нужна. Иначе с чего ты так долго торгофалась за нефажную фешь?

Рида отвлеклась от разговора, разглядывая мужчину, который шел в ее сторону. «Стоило ожидать, – подумала она, – что однажды появится человек, который притворится очевидцем».

– Зачем он ходит здесь? – спросила она, словно желая подтвердить свои подозрения.

– Собирает деньги, моя лапушка, чтобы нанять колдуна из столицы и фытащить из песков своих собратьев.

Так она и предполагала. Страдала от этой выдумки только она. Остальные зарабатывали.

Процессия останавливалась у каждого шатра и обменивалась с владельцами и гостями парой фраз, но, как предупредил торговец, ничего не получала и быстро шла дальше. Порой люди бросали в чалму в руках маленького человека монеты, но их было слишком мало, чтобы собрать оплату для столичных колдунов. Люди с магическими способностями встречались редко в трех царствах, что раскинулись по границе Арибо, и их услуги стоили очень недешево.

Наконец процессия поравнялась с Ридой. И маленький человек поприветствовал ее, Мехмеда Али и торговца легким поклоном головы, а следом сухим, словно хрустящим, голосом сказал:

– Проявите милость, госпожа! Хоть золотой самородок, хоть медную монету – сколько не жалко на уничтожение зла в песках Арибо. Сам видел – там настоящее зло, что сеет смерть. Помогите, спасите и свои жизни тоже, пока это зло не пришло за вами в Кардову. Любой помощи будем благодарны, госпожа.

Рида перевела взгляд на торговца и он ей легонько улыбнулся и поиграл бровями: мол, я же вам говорил. Она промолчала на просьбу маленького человека. И Мехмед Али тоже ничего не сказал и не подал ни монеты.

– Иди дальше, несчастный челофек, – наконец бросил торговец, – фидишь, здесь никто не ферит твоим рассказам. – И он повторил слова, сказанные Риде. – Не то место фыбрал ты, мой безрадостный, чтобы страшными историями людей пугать. Здесь фсе давно пуганные-перепуганные и ничего не боятся. Иди, мой дорогой. И да смилостифиться над тобой бог.

Мужичок отвернулся, совершенно спокойно приняв отказ, и процессия двинулась к следующей лавке. Однако когда этот человек шагнул мимо Риды, ее словно обдало песком из пустыни. Как в Арибо в преддверии песчаной бури: мощный поток колючего ветра накатывает на тебя и чуть не валит с ног. Рида замерла и почувствовала, как мурашки побежали по ее спине, а холод проник под одежду.

– Что случилось, Жасмин? – озаботился Мехмед Али, видимо, таким испуганным сделалось ее лицо.

Рида рукой показала дать ей минуту и повернулась в сторону маленького мужчины, который уже стоял у соседнего шатра и повторял свою просьбу слово в слово.

Песчаный человек? Она не могла поверить. Она знала о таких из страшных сказок, которыми бабушка пугала ее в детстве, когда она вредничала и безобразничала.

«Придет песчаный человек и утащит тебя глубоко в пески, если не будешь слушаться бабушку. Песчаный человек любит забирать нехороших девочек. – Рида всегда хитро суживала глаза и спрашивала: – А как я пойму, что это песчаный человек пришел забрать меня? – Поймешь, – отвечала нарочно серьезно бабушка, – как увидишь, сразу почувствуешь. Он, как оживший столб песка, сухой и жаркий. Как пахнет на тебя, – и она делала резкое «Ха!» и тяжело задышала на Риду, – так не убежать».

Вот и сейчас Рида почувствовала этот песчаный жар на своей коже. Может, ей это показалось? От усталости, от избытка эмоций. Но чем дольше она смотрела на маленького, иссохшего мужчину, тем сильнее чувствовала песок внутри него. Она даже подумала, что видит крохотные песчинки, слагающие его тело. Немного магии помогло бы ей определить точно. Но она опасалась, что, впусти она в себя хотя бы крупицу, – и человек заметит ее также, как она увидела его. Почувствует магическую силу, что питает ее.

– Так что, моя лапушка, – позвал Риду торговец и оборвал мысли, – нужен тебе этот браслет или другие камни показать? У меня много любопытных фещичек. Есть и попроще,

без колдуноф фо фладельцах. Фдруг сторгуемся за цену, что тебе будет по твоему маленькому кошельку.

И он хитро засмеялся.

Рида, не глядя, достала из внутреннего кармана платья мешочек с золотом и, не отрывая глаз от мужчины во главе процессии воинов, протянула торговцу.

– Здесь пятьсот золотых. Я плачу и забираю браслет. Не согласны – я иду дальше.

Последовало короткое молчание – и Рида почувствовала, как мешочек выхватили у нее из рук.

– Ух, умеешь ты угофаривать, моя неотразимая. Забирай. Буду считать, что пожертвофал пятьсот золотых тому несчастному из пескоф.

Рида уже не слушала торговца. Она двинулась вслед за человеком из песка, стараясь идти медленно и незаметно. Откуда в Кардове могло взяться такое существо? И как оно связано с историями о синих огнях? Рида вдруг поняла, что, может, напрасно не доверяла городским слухам. Она даже ни разу не посмотрела на эти огни из окна своего дома. А вдруг это вовсе не шутка и никакая не выдумка? И у людей этого города есть причины ополчиться против нее, такой странной чужачки? Они напуганы также, как она сейчас.

Рида почувствовала, как страх внутри разрастается и уже начинает изъедать ее, стремясь оставить лишь пустую оболочку.

– Жасмин, куда мы идем? – одернул ее Мехмед Али, когда они следом за процессией повернули на следующий ряд.

– Господин Мехмед, – быстро сказала Рида, краем глаза продолжая следить за песчаным человеком, – возвращайтесь в город. Вы мне очень помогли, но дальше я справлюсь сама.

Он уставился на нее с изумлением.

– Вам не следует идти за мной. – И Рида снова двинулась за маленьким, иссохшимся человеком.

Но Мехмед Али не ушел. Да и она потом сильно жалела, что вместе с ним сразу не покинула разбойничий рынок.

Юсуф

Юсуф быстро шагал по коридорам дворца. Стук его сапог раскатистым эхом отражался от прикрытых полумраком, будто одеялом, сонных стен и летел сильно впереди. Он же так поспешал, словно силился это эхо обогнать.

– Говорю же вам, мой господин, с этой женщиной все в порядке, – с трудом поспевал за ним Мерод.

Голос слуги то вторил, то заглушал звуки шагов Юсуфа, словно тот пытался то помочь, то помешать ему и никак не мог решить, как поступить правильнее.

– Она все еще в магазине. И она даже не одна.

– С кем это она там не одна? – спросил Юсуф, хотя мысли его больше занимало, как быстрее добраться до разбойничьего ущелья.

Старик Морено, как он и опасался, не стал ждать три дня и уже этой ночью отправился исполнять свои неумные желания: нанимать подручных для темных дел. Слишком велик был для него соблазн: враз избавить город от страхов перед колдуньей, успокоить своих работников и устроить для младшей дочери выгодный брак.

– С Мехмедом Али, мой господин, хозяином лавки, – перебил его мысли Мерод. – Он весь день ей помогает. Добрый человек, мой господин, и очень деловитый, покладистый, все о нем только хорошо отзываются.

– Смотри... – Юсуф запнулся.

Что еще за добрый и покладистый? Он резко остановился и глянул в смеющиеся глаза слуги.

Ох, Мерод! Как же хитер этот паршивец. Не желал он отправляться ночью в разбойничье логово и делал все, чтобы прибыть туда позже и никого не застать.

– Вытащи ее из этого магазина и отведи во дворец. – приказал Юсуф. – И чтобы глаз не спускать.

– Как скажете, мой господин. А вы сами не желаете ее забрать?

Юсуф весь скривился, но промолчал, и Мерод тихо хмыкнул в кулак. Гулкое эхо тут же разнесло его смешок по дворцу и слуга мигом рванул вперед по коридору на своих косолапых, но шустрых ногах, а длинный подол его халата принялся подметать пол позади, словно прятал следы.

Это было непростительное неуважение, но Юсуф отбросил лишние мысли, ускорил шаг и спустя минуты они выскочили из стен дворца на широкий внутренний двор, в конце которого располагались деревянные постройки королевских конюшен. Двор освещала череда ярких факелов, вставленных в высокие столбы по периметру, а по центру их уже ожидали два свежих, крепких кардовских скакуна. Юсуф, немедля, вскочил на молодого, пегого красавца и пустил галопом. Уже на ходу крикнул Мероду:

– Как давно Морено отправился в ущелье?

– Около часа назад, – раздалось за спиной. – Но не неситесь так, мой господин. Не поспешаю я.

Юсуф оглянулся и вынужденно натянул поводья. Мерод испытывал его терпение.

Весь перекошенный и запыхавшийся, слуга силился взобраться на коня. Кряхтел, икал, ойкал. Молодой конюх плечом поддерживал его нижнюю часть, руками заталкивал на животное, а Мерод подтягивался всем телом и между делом ухитрялся отдавать поручения высокому, широкоплечему мужчине в неприметной одежде горожанина. Дело шло слишком медленно. Дело ползло. Для отчаянно спешащего человека почти умирало.

– Я оставляю тебя во дворце, – с раздражением пригрозил Юсуф.

– Со мной вы быстрее доберетесь, мой господин. – Мерод наконец вскарабкался на животное и теперь тяжело дышал. – Тихири уже давно не то Тихири, что три года назад. – Юсуф не удивился. – Мои люди ждут нас на вершине. Местные рассказали и показали им дорогу.

Мерод наконец соизволил пустить лошадь трусцой и они выскочили через заднюю калитку дворцовой стены, пришпорили коней и поскакали вверх по склону.

Юсуф слышал об ущелье Тихири еще с раннего детства и однажды даже сумел тайно посетить разбойничий лагерь. Это место действительно не зря прослыло пугающим и загадочным. И не только оттого, что считалось крупнейшим ночным рынком для торговли краденным и подделками, а также излюбленной стоянкой для разбойников, воров и убийц со всего юго-запада Арибо. Оно еще обладало примечательной особенностью: никогда не задерживалось на одном месте больше пары недель или месяцев, а то и дней. Узнать заранее было невозможно. Потому, сколько ни силились отец Юсуфа и его брат прикрыть ночные сходки, у них ничего не выходило. Бандиты чудесным образом узнавали о прибытии стражников даже раньше, чем сами стражники получали приказ от своих генералов. И рынок растворялся среди горных лесов и лугов, а на следующую ночь появлялся на новом месте.

«И ведь кто-то во дворце шпионил для этих бандитов», – всегда с сожалением думал Юсуф. Но слуг проверяли, заменяли – а исход оставался прежним. Однако сегодня Юсуф был благодарен тому, что людей, прислуживающих богатым и знатным, можно было так легко подкупить. Только благодаря этому Мероду удалось выяснить намерения старика Морено.

И ведь догадался плут проследить за этим тщеславным негодяем. Умел же быть полезным, когда старался. Хотя Юсуф все же злился, что об отъезде торговца ему сообщили так поздно, и догадывался, почему так могло произойти. И Мерод даже здесь наверняка добьется своего. За целый час Морено уже обо всем сговорился с местными разбойниками. Вот только

те дешево никогда за дело не брались. А уж если речь шла о жене самого эмира, и подавно. Что мог предложить им Морено сейчас, когда его караваны были заперты в Кардове?

Эти мысли неожиданно обеспокоили Юсуфа. И он оглянулся на город позади и подумал о Жасмин, которую оставлял под присмотром лишь нескольких переодетых наемников. Не выманивали ли его из Кардовы? Не была ли это ловушка?

Мерод догнал его, когда склон стал подниматься круче и лошади пошли медленнее. И Юсуф спросил в сомнениях:

– Ты точно уверен, что старик покинул город?

– Да, мой господин, – ответил слуга, – он, без сомнения, отправился в Тихири. Эти сведения недешево мне обошлись.

И все же тревога не покинула Юсуфа. Напротив, внизу живота начало раздражающе тянуть. Грудь стало сдавливать. Все больше казалось, что слишком гладко складывалось это дело. Юсуф почувствовал, словно есть нечто, что он упускал, нечто неосязаемое, но очень близкое. Оно витало в воздухе. И он словно знал, что это, но раньше оставил без внимания, и теперь никак не мог поймать и разгадать.

Они выскочили на вершину, выбрали людей – троих высоких, плечистых наемников, с блестящими в ночи лезвиями кривых сабель за поясами, такая же за поясом сейчас сверкала и у Юсуфа, но богаче отделанная камнями – и все пятеро пустили коней галопом через цветочные луга Андорских гор, у порога которых разрослась величественная, никогда не спящая, южная красавица-Кардова.

Юсуф скакал и потоки ветра били ему в лицо, развивали и путали волосы. Луна и звезды освещали дорогу. А ароматы горных цветов вновь напоминали о Жасмин. Он задумался, а что сам сможет предложить местным бандитам, чтобы перебить предложение Морено. По слухам здесь уже десять лет орудовала банда Халида Альтаро и эти люди были хуже саранчи. Никто не знал средства избавиться от них. Они действовали быстро и точно и не оставляли следов. Юсуф с сожалением думал о том, что Арслан все же должен был найти способ изловить или хотя бы изгнать этих людей со своих земель. Если бы он пореже тосковал по реке Фиоресей, а почаще вспоминал о своих обязанностях, то у него, без сомнения, это получилось бы. Нет таких людей на свете, на которых не найдется управа. И на Халида Альтаро она бы тоже нашлась.

– Сколько еще? – в нетерпении бросил Юсуф одному из наемников, когда их кони поравнялись.

– За этой горой впереди, господин.

Юсуф прибавил ход. Он вошел в поворот на узкой тропе перед пропастью, чуть ли не положив круп животного на камни, почти коснулся земли ногой и плечом, так он спешил.

Взлетел на пригорок и резко натянул поводья, заставив лошадь вскочить на дыбы – снизу на него смотрела огромное каменное и совершенно пустое плато.

– Как это понимать? – гневно прокричал он.

Наемники изумленно и виновато переглянулись. А Мерод недоумевающе закачал головой: мол, это точно не моих рук дело.

Юсуф развернул коня и пустил в обратную сторону.

– Куда вы, мой господин?

– Назад в город, – зло бросил он.

Он так и знал, чувствовал, что это ловушка. С чего бы Морено вообще докладывать ему, куда и зачем он направляется?

Впереди чернела тропа между горой и пропастью. За ней лишь темнота, звезды и круглое блюдце луны. А в мыслях Юсуфа была лишь женщина, что он взялся защищать и так глупо оставил одну. В висках стучала кровь, сердце бешено билось. Только бы успеть возвратиться раньше, чем Морено учинит зло. Но едва Юсуф завернул за гору и выскочил на широкий

луг, как увидел группу из четырех вооруженных всадников, быстро приближающуюся к нему. Схватился за саблю, что висела за поясом. Уже готов был выхватить ее.

– Свои! – прокричал один из четверки и поднял руку вверх.

Подъехавший Мерод подтвердил:

– Мои люди, мой господин.

И они поспешили навстречу. Слуга еще издали гневно потребовал ответов:

– В чем дело, Мансур? Почему вы здесь? Кто остался у магазина?

– Простите, господин, – обратился наемник уже напрямую к Юсуфу, когда подъехал ближе. – Она исчезла... Ваша жена. Испарилась, как песок просыпается сквозь пальцы. И тот человек, что был с ней, тоже пропал. Мы перевернули всю лавку.

– Когда она исчезла?

– Простите, господин.

Юсуф грубо выругался и почувствовал, как стало тяжело дышать. Гнев, злость быстро наполняли его. Вызывали жажду рвать и метать, выхватить саблю и разрубить все и всех, кого он видит. Он с трудом преодолел это желание. Отъехал в сторону и попытался унять раздражающие эмоции. Но жар пылал, внутри все клокотало. Неужели он проиграл? Неужели его обманули, как мальчишку? И женщину погубил, и себя подставил.

Нравилась она ему или нет, хотел он ей отомстить или нет – он точно не желал ее смерти или, чтобы ее продали, как рабыню, и вывезли за пределы Арибо. Это было слишком жестоко. Он никогда не был палачом. Он разбивал сердца, но не лишал жизни. Гнев и отчаяние росли внутри него, все сильнее сбивая дыхания. Где теперь искать Жасмин? Где искать Тихири, будь оно проклято? Да оно может быть где угодно в этих горах.

Неожиданный громкий хлопок, похожий на сухой, шуршащий хруст, прорезал окрестности. Юсуф поднял голову. В небе на другой стороне гор, через пропасть от них, по темному небу быстро расползлось ярко-рыжее, словно песчаное пятно – пугающе знакомое Юсуфу.

Рида

Рида следовала за маленьким, иссохшимся человеком в большой чалме – и не понимала, зачем идет за ним. Быть может, она хотела узнать, куда он направляется, где живет и кто люди рядом с ним? Что она будет делать, когда выяснить это? Кому сможет о нем рассказать? Но развернуться и возвратиться в город, словно не случилось этой встречи, она не могла. С какой бы целью ни пришел в Кардову этот человек, выросший из песков, ничего доброго от него ждать не приходилось. Добрыми людьми не пугают маленьких детей. А он еще тянул за собой вереницу зловещих слухов о пропавших караванах и синих огнях в пустыне. Тех самых, в появлении которых вся Кардова винила Риду.

– Жасмин, прошу тебя, будь благоразумна, – в который раз прошептал ей Мехмед Али еле слышно, осторожно, словно неуверенно, взял под руку и потянул назад. – Тебе опасно здесь разгуливать. Мы найдем этого человека завтра в городе, если он тебе так нужен,

Рида резко выхватила руку и смерила Мехмеда Али строгим взглядом, словно говоря: почему вы не слушаете меня? Почему не возвращаетесь в город, как я просила? Завтра может быть уже поздно.

Но вслух она ничего сказала, лишь пошла дальше. А Мехмед Али продолжил следовать за ней, но больше не докучал советами и расспросами. Она же забыла о нем и о людях вокруг. Не замечала, как сменяются ряды и что воздух вновь наполнили резкие ароматы специй и благовоний. Она даже забыла предостережение закрывать лицо платком и видела только маленького человека впереди, поочередно останавливающегося у каждой лавки.

Может, подойти и познакомиться с ним? Представиться сочувствующей и предложить помощь? Подобраться ближе и узнать о нем больше, пока он не догадался, кто она? Это разум-

нее, чем тайком идти за ним и надеяться, что он не заметит и не сбежит или иным способом не отведит навязчивое внимание.

Рида решительно шагнула в сторону процессии впереди. Но успела проделать лишь половину пути – крепкие, сильные руки обхватили ее сзади за талию, зажали ладонью рот и дернули на себя. Потасили по узкой дорожке между шатрами. И она запаниковала, не понимая, что происходит. В растерянности стала озираться по сторонам. Видела, как маленький мужичок все отдаляется, а следом за ней бежит обезумевший Мехмед Али. Шаг, еще шаг, вот сейчас он ее догонит – но Мехмед Али вдруг упал и больше не поднялся.

О, Великий бог! Рида наконец с силой дернулась и принялась бить и толкать своего похитителя. Она пиналась, лягалась, пробовала хватать за одежду проходящих мимо людей. Но ее словно не замечали или отмахивались, как от надоедливой мушкетерши. Словно в этом месте было принято у всех на глаза похищать людей. Наконец Рида изловчилась и укусила руку, закрывшую ее рот. Мужчина гневно выругался, остановился и ударил ее вбок. Зло зашептал на ухо:

– Не дергайся, милая. Не заставляй меня портить твое прекрасное личико. А то ты на своей шкуре испытаешь, какая участь уготована некрасивым женщинам.

И холодное лезвие кинжала коснулось ее щеки.

– Будешь послушной девочкой и все пройдет быстро и безболезненно.

Он снова грубо потащил ее за собой.

Рида понимала, что не вырвется из его рук без помощи магии. Но она все еще видела впереди иссохшегося мужичка. Или песчаный человек, или этот разбойник...

Нет, она не позволит себе сдаться. Она не даст вот так себя утащить.

Рида закрыла глаза и разрешила крупинкам магии из воздуха коснуться своей кожи.

Кинжал у ее лица вырвался из рук похитителя и вонзился ему прямо в сердце. Рида даже не обернулась. Сбросила мертвые руки, вскочила и помчалась вперед к месту, где лежал Мехмед Али. И снова ее схватили сзади, зажали рот, потянули за собой. Великий бог, сколько же их здесь собралось!

Она заметила лавку с камнями и направила силу на нее. Огромный лоток подскочил и каменный дождь осыпался на голову похитителя. Рида с силой дернулась, пнула человека, тащившего ее. Но он удержал. Ударил по спине. И она чуть не потеряла сознание. Почувствовала, как ее снова тянут по дорожке. Увидела еще лоток, направила магию, затем еще один. Она пиналась и вырывалась. Кусалась и толкалась. Сыпала и била камнями. Ей бы хоть один острый кинжал. Но она не видела ни лавки с оружием, ни с ювелирным инструментом. Она изловчилась и принялась вырывать один за другим штыри из земли, удерживающие шатры. Побросала их в человека. Но ее тут же подхватили другие руки. Она почувствовала, что ее держат уже двое. Даже трое. Ее подкинули и взвалили на спину.

Уже весь рынок в молчаливом изумлении и непонимании следил за ними. А иссохший человек на ее глазах обернулся и широкая улыбка стала медленно расплываться по его лицу. Он словно не просто заметил Риду. Он ее узнал.

Хлопковые, расшитые сапожки оставляли на каменном плато кривые, рваные, земляные следы. Нефритовый браслет на запястье чудовищно жег руку от переизбытка магии. А иссохший человек теперь шел в ее сторону и все ускорял шаг.

«Я должна забрать его магию в свой браслет», – вдруг поняла Рида.

И она сорвала украшение с руки и с силой подбросила в воздух. Браслет вспыхнул ярким, синим огнем в темном небе, словно звезда спустилась на землю и зависла над ней. Нефритовые кабошоны стали быстро втягивать в себя магические крупинки. И маленький человек оскалится, словно почувствовал их силу. Сорвался на бег, но пробежал недолго, вдруг издал громкий, страшный рык и ударился песком о камни. Рванул ввысь плотным песчаным фонтаном. Закружил вихрем, вбирая в себя все вокруг.

Люди бросились врассыпную.

– Синие огни! Синие огни! – криками ужаса взорвался ночной рынок. – Зло из пустыни! Зло добралось в горы!

Рида почувствовала, как чужие руки ослабили и отпустили ее. Вскочила, схватила браслет, парящий в воздухе, и понеслась навстречу песчаному вихрю. Чем ближе она подобрется, тем легче ей будет справиться с ним. Она не чувствовала ни страха, ни гнева, лишь решимость и уверенность.

И песок закружил ее. Заколол кожу. А она все вбирала в себя его магию. Вдруг почувствовала, что сама превращается в песок и становится частью вихря. Сила тащила ее вверх. И словно растягивала по темному небу.

Рида силилась вырваться, ловила магические крупинки, но вокруг кружил лишь песок пустыни – и она вдруг поняла, что не справляется. Песок уже вытаскивал магию из нее, а не она пыталась его поработить. Он подчинял ее волю. Прорывался в ее разум. Браслет на руке прожег кожу до кости. И сил не хватало сорвать его. Казалось, ей не освободиться из песчаного плена. И она сама станет песчаным человеком и будет сеять зло по земле.

– Помогите! – хотелось кричать, но губы не слушались.

Тело больше не принадлежало ей. Это походило на агонию. Она рвалась из песчаных пут – а они все крепче держали ее, все сильнее сковывали руки и ноги.

Казалось, никто и ничто ее не спасет. И вдруг она увидела на темном небе огромное крылатое существо. Издалека похожее на плотную более черную кляксу. То ли птица, то ли гигантское насекомое. Оно мчалось навстречу ей. Подлетело ближе и Рида наконец разобрала: огромный, черный дракон изверг поток пламени на песок, круживший ее. А тот ударил по нему тысячами острых песчаных кинжалов. Но Рида почувствовала, словно она сама пыталась разорвать плоть диковинного зверя.

– Лети прочь, несчастный! – попыталась она крикнуть, но вырвался только шепот и хрип.

Рида извивалась всем телом, рвала путы, старалась обрести контроль. Но лишь сильнее ранила себя и большое животное. Ее рука вдруг превратилась в гигантский меч и она замахнулась им и рубанула по приблизившемуся ящеру. Ей стоило невероятных усилий повернуть меч в сторону. Дракон пролетел мимо. Зашел на новый круг. Вновь резко помчался на нее и изверг огненный поток. Долгий, яростный. Кожу опалило жаром, словно Рида сгорала в печи своей мастерской. Но сила, державшая ее, ослабла и она рванула с себя песчаные оковы и камнем полетела вниз.

Она хватала ртом воздух, била руками – и наконец глухо ударилась о землю среди высокой, луговой травы. Застонала от боли, бессилия и горечи за свою самонадеянность. И после долго лежала без сил пошевелиться. А когда подняла голову, увидела, что дракон все еще кружит в небе, опаяя рыжее песчаное облако. Последняя крупинка, сожженная его горячим дыханием, коснулась земли – и он тоже исчез с темного неба. Мгновенье спустя Рида услышала в отдалении громкий, глухой удар, отдавшийся болью в ее теле.

Она с усилием поднялась и поспешила в сторону звука. Бежала по лугу, карабкалась вверх по каменным склонам, падала, больно царапала и расшибала руки и ноги, снова поднималась и бежала, карабкалась выше. Когда добралась, долго всматривалась в темноту. Наконец зажгла магией свет и в плотных зарослях кустарника обнаружила распластанное по земле тело огромного крылатого ящера. Но не успела сделать и шагу – ящер стал меняться на ее глазах. Исчезали крылья, чешуя, огромный хвост и драконьи лапы – спусти минуты перед Ридой лежал человек в разорванной в клочья одежде.

Она замерла в изумлении. Смотрела на него и ее разум в смятении искал, как объяснить это чудо. Нет, она слышала о людях-драконах. Но слышала о них, как и о песчаном человеке, лишь в страшных историях ее бабушки. Нынешняя ночь словно была послана ей, чтобы взглянуть на этот мир иначе: эти два человека стали для нее таким же удивительным и невероятным

открытием, как она сама, должно быть, стала явлением пугающим и непонятным для людей на этом рынке и в этом городе. И все же о колдунах и колдуньях говорили много и часто, а о людях иной природы больше замалчивали и те видимо не стремились рассказывать о себе.

Рида шагнула к лежащему человеку и стала внимательно осматривать его. Под изорванной одеждой его тело испещряли порезы и ссадины, кровь запеклась и уродливым грязно-красным рисунком покрывало кожу поверх ран и кровоподтеков. Этому человеку требовалась помощь. Но чем она могла помочь здесь, среди гор?

Ночную тишину прорвали конский топот и фыркание и она затушила магический огонь, спряталась под тенью пушистых веток и замерла в осторожном ожидании. Наконец через заросли кустарника на пятачок с примятой высокой травой ворвался знакомый ей старик в смешной чалме.

– Мой господин! – прокричал он, не замечая Риду, и подбежал ближе, стал осматривать лежащего человека.

Тот с трудом пошевелился, приподнял голову и Рида теперь узнала его. Юсуф тоже ее узнал. И они долго смотрели друг на друга, словно свыкаясь с мыслью, что каждому известен страшный, чужой секрет. И это, казалось, было невыносимо для обоих.

– Я все улажу, мой господин.

Рида с ужасом поняла, о чем пообещал старик. И Мерод поднял руки, уже приготовился читать заклинание, но Юсуф, к ее удивлению, показал ему остановиться.

– Но, мой господин? Никто не должен видеть и помнить вас.

– Не смей, Мерод!

И Юсуф обессиленно рухнул на землю.

Мерод смерил Риду взглядом, полным ненависти.

– Откуда ты только взялась такая? Стой и не шевелись здесь. Знай, я слежу за тобой.

Старик стащил с себя накидку, заботливо укрыл ей своего господина и исчез за плотным кустарником. Рида слышала в тишине ночи, как он уверенно раздает указания спутникам и гонит их прочь с горы. Она взглянула на Юсуфа и неприятная мысль проскочила в сознание: как они справятся с этим человеком вдвоем и где спрячут его в городе.

Глава 12

Юсуф

Солнечный луч, сражаясь с раскачивающейся ставней, под живое воркование птиц выжигал на лице то ли анаграмму, то ли секретное послание. Юсуф поднял руку и постарался защититься от яркого света. Ему в нос тут же ударил чудовищной силы запах пряностей и трав. Сколько же в нем было намешано: и пряные, и терпкие ароматы, и сладковатые, и кисло-оватно-острые – в носу нестерпимо защекотало и пришлось громко чихнуть. Со лба на простыни плюхнулось что-то тяжелое, завернутое во влажную и теплую, льняную тряпицу и Юсуф осторожно дотронулся рукой – камень. Повернулся – и с груди упал еще один обертыш, явно лечебного свойства. Похоже, его со всех сторон обложили лечащими камнями. Он откинул простыню – несомненно.

Юсуф избавился от камней и наконец оглядел комнату: сундуки беспорядочно сгрудились у окна, на них были брошены грязные, рваные тряпки, стол заполняли миски, кувшины, тряпицы, скомканные и кинутые, как попало, рядом с кроватью возвышалась неказистая гора подушек. Ставня продолжала раздражающе раскачиваться. А луч солнца прыгал по комнате и неровными полосками то засвечивал, то перекрашивал в золотистые цвета серовато-коричневую мебель и кремовые, покрытые незатейливым, растительным рисунком стены. Где он вообще находился? И куда делся Мерод?

Но он уже начал догадываться и сам не заметил, как растянулся в улыбке. Ему были не нужны эти обернутые и нагретые камни, раны сами затягивались со временем. Но наивная забота умиляла. Тепло полилось по телу и Юсуф сладко вздохнул и потянулся.

Донесся легкий шорох шагов, словно поднимались по ступенькам. Чуть зашуршала дверь и на пороге ожидаемо возникла Жасмин. Она была в длинном темно-синем платье в пол широкого покроя с незатейливой вышивкой по рукавам и подолу. Ее голову не покрывал платок и волосы черные у концов и гораздо более светлые, коричневатого медового оттенка у корней, свободно свисали до пояса прямыми локонами. «Жасмин – моя жена, – напомнил себе Юсуф. – Точнее, считается ею». И он не то чтобы против: она безумно его волнует, стоит бросить на нее взгляд даже сейчас.

Однако едва он увидел ее, нахлынули воспоминания о минувшей ночи и настроение помрачнело.

Перед глазами снова возникло рыжее облако, растекающееся над горой, где стоял разбойничий рынок Тихири. Вот он летит ему навстречу и оно бьет и режет его песчаными кинжалами, разрубает мечами, пронзает и разрывает тело – и Жасмин внутри этого облака.

Но она словно забыла о произошедшем: невозмутимо прошла по комнате, поставила на стол у окна поднос с кувшином и чаркой, грубо сдвинув остальную посуду, наполнила чарку, подошла и протянула ему.

– Выпей, это лекарство.

Ее голос прозвучал сухо. В нем неслышно было ни сожаления, ни извинения. Он отбросил ее руку.

– Хотела бы отравить, ты был бы уже мертв, – обиженно сказала Жасмин и вернула чарку на стол.

Юсуф захотел подняться, но осознал, что лежит совершенно нагой.

– Где моя одежда? – потребовал он.

– Ты про эту?

Жасмин подошла к груде сундуков и подняла с них грязные, запачканные кровью лохмотья.

– А где Мерод?

Юсуф сел на кровати, прикрываясь простыней.

– Твой слуга? Он ушел исполнять мои поручения, – ответила Жасмин с безразличием.

«Мерод? Больно сомнительно». Юсуф быстро осмотрел комнату в поисках сабли. Жасмин проследила за его взглядом и сабля, приставленная к стене у окна, вмиг шлепнулась подле него на кровати.

– Ее ищешь? Возьми, если тебе так спокойнее. Ты все равно меня этим не убьешь.

«Вот же плутовка».

– Сказала же, если бы хотела, ты бы умер еще ночью.

Жасмин остановила ставню, раскрыла ее пошире и комнату залило ярким светом.

– Зачем ты это затеяла? – наконец спросил Юсуф, следя за каждым ее шагом, пока она направлялась к дверям, но к сабле не притронулся.

– Что затеяла? – ухмыльнулась Жасмин. – Так и знала, что ты первым делом об этом спросишь. Думала, опохмелю тебя травами, что ли, чтобы ты подольше не просыпался.

«Или вообще не проснулся», – подумал Юсуф и все же подвинул саблю к себе.

– Что мне ответить, чтобы ты наконец вернул моего ребенка? – вдруг спросила она.

– Я видел тебя там, внутри того песка, и ты еще смеешь жаловаться на несправедливость?

Он почувствовал, что злиться. Схватился за саблю, но хотел обхватить шею Жасмин и сжимать, пока она не сознается.

– Это моих-то рук дело? – она в возмущении взмахнула руками. – У тебя по городу люди из песка разгуливают, а я виновата? Да меня похитили у всех на глазах – тащили между лавок и никто даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь. Я защищалась, как могла, а этот человек почувствовал во мне магию и бросился на меня... – Юсуф смотрел на нее, не отводя взгляд. – Ты бы умер там, если бы не я, понятно тебе?

– Я тебе не верю. Я знаю, что видел...

– А Мне не нужна твоя вера, Юсуф.

Он долго ей не отвечал. Что сказать женщине, которая желает недостижимого, но может убить, если не получит то, что хочет?

– Я мать своей девочки, – тихо сказала Жасмин. – Я родила ее. Растила. Почему вы так просто согласились передать ее в чужую семью? Я уже не знаю, что мне делать? Что же вы за люди такие!

В уголках ее глаз блеснули крошечные капельки, но она быстро овладела с собой.

– Что ты хочешь, Юсуф? Мое тело? – прямо спросила она.

И он почувствовал себя не только трусом, но и мерзавцем. Гадкое ощущение, сродни презрению к себе. Оно росло все сильнее внутри него и он опустил глаза. Сбежать бы отсюда. Да куда побежишь без одежды?

– Сам подумай, – продолжила Жасмин, – если бы у меня была такая сила, стала бы я просить твоей помощи вернуть дочь? Если я могу растить людей из песка и убиваю драконов песчаными клинками, то что мне стоит отыскать ребенка в городе? Я дважды сидела на ковре в тронном зале, взывая к вашей милости. Неужели я бы стала так унижаться, будь я настолько могущественной?..

– Довольно, – остановил он ее. Поднял голову и пристально посмотрел.

Врала она или нет, она делала это убедительно. А он был кем угодно, но не трусом и никогда не позволял себе унижать женщин. Она была виновата в своих несчастьях не меньше его.

– Хочешь обратно ребенка? – Юсуф выдержал паузу. – Стань полезна этому городу.

– Что значит «полезна»?

– У Фарука три магазина и он один из крупнейших торговцев коврами на юго-западе Арибо.

– Что? – Жасмин часто заморгала и мотнула головой, словно пыталась сбросить наваждение. – Вы полезность коврами измеряете, что ли, господин эмир? – съязвила она. – Это сейчас-то? У вас по городу ходит...

Он не позволил ей договорить.

– Не нужно мне рассказывать про мой город. И указывать, как я должен править в нем.

Это странно прозвучало «мой город». Он ведь только день назад сел на трон, как эмир. Но ему понравилось. Да, пожалуй, он любил, когда люди, вещи или места ему принадлежали.

– Ты можешь избавить город от этой беды? – продолжил он. – Ты сама только уверяла, что тебя бедную песок утащил. Ты появилась в Кардове – и по пустыне летают синие огни и сжигают целые караваны. Ты поднялась в горы – и эта дрянь и туда залезла. И теперь ты хочешь, чтобы я обидел крупнейшего торговца в городе ради тебя, позволил ему при всех выехать с пожитками за ворота и подать пример другим богатым горожанам? А ты тем временем забереешь ребенка и уйдешь, как ни в чем не бывало, так ты хочешь, Жасмин?

И снова потянулось напряженное молчание, утяжеляющее дыхание и заставляющее нестерпимо желать сбежать из этого места подальше.

Но тут Жасмин подняла левый рукав, размотала бинт на запястье, стянула нефритовый браслет с сильно обожженной руки – она закусила губу, настолько болезненным оказалось для нее это простое движение – подбросила браслет в воздух и он повис, озаряя комнату синим светом. В это солнечное утро не таким ярким, как мог быть, если бы за окном стояла ночь. Но этого хватило, чтобы Юсуф замер на кровати, не смея вздохнуть.

– Вот твои синие огни, – сухо сказала она. – Любой колдун может такие сотворить. Они безобидны. Хочешь – подойди и дотронься.

Он наконец шевельнулся, но вспомнил про отсутствие одежды.

– А, – ухмыльнулась Жасмин и подтолкнула к нему браслет.

Юсуф коснулся светящегося шарика и почувствовал, что огонек холодноватый и шелковистый. Однако внешне он отличался от тех, что встретились Юсуфу в пустыне. Огонек был синим по ободу и белым внутри. Хотя в остальном ощущения были схожими.

– Даже твой слуга, – продолжила Жасмин, – Мерод, да? Он же тоже колдун? Даже он такие может сделать. Проще простого. – И она заговорила снисходительно и с пренебрежением: – Если по пустыне летает магия, Юсуф, – это не значит, что она моя. Она может быть чьей угодно. Даже твоего слуги? Ты ему доверяешь? Он тебе фальшивые рубины хотел продать.

Юсуф насупился. Эта женщина слишком много себе позволяла. И еще удивлялась, что не получает желаемого. Он не собирался слушать ее нравоучения. Замотаться, что ли, в эту простыню и так дошагать до дворца? Проклятье! Не будь он эмиром, он бы так и поступил.

– Ты можешь мне гарантировать, что моя дочь все еще в городе? – потребовала Жасмин.

Он не был уверен. Со всем этим бардаком он совершенно забыл о Талии и ребенке. Однако, если Фарук и увез семью из Кардовы, он сделал это тихо, иначе остальные торговцы уже бы собирали вещи и отправлялись в дорогу. И все же, если сказать Жасмин правду, она сбежит из города уже к полудню и никто ее не остановит. Придется сжечь ее драконьим пламенем и закопать пепел у дворца Арслана – только тогда она точно никуда не денется.

– Я уверяю тебя, – соврал Юсуф, – твою дочь из города не вывозили.

Он видел по ее взгляду, что она не поверила ему. Так, зачем она спрашивала, если ни один ответ ее не устроил бы? Но казалось, она сама не знала, почему задала этот вопрос. Она в задумчивости шагала по комнате и старые доски перекрытия легонько поскрипывали под ее босыми ногами. Наконец она остановилась и строго посмотрела.

– Если ты снова соврал мне, Юсуф Ахмеди, – угрожающе сказала она, – клянусь Великим богом и моей верой в него, ты пожалеешь, что не умер этой ночью.

– Я никогда тебе не врал, – возмутился он.

– Да ну? Так, значит, наш договор еще в силе и тебе нужны те рубины? – усмехнулась она.

Конечно, этот договор не был в силе. Если он покажет ей ребенка, она его выкрадет и точно сбежит. Юсуф ответил ей взглядом: ты не получишь то, что требуешь сейчас; я дал тебе ответ, что ты должна сделать, твое право принимать его или нет.

И она точно прочитала его послание. Ее лицо стало еще более серьезным и раздосадованным. А ему сделалось еще больше не по себе.

– Где Мерод? – буркнул он и попытался обмотать простынь вокруг себя.

Неужели все-таки придется вышагивать по городу, в чем мать родила? Однако новое самодельное платье выходило нескладно. Юсуф приложил силу, резко дернул и простынь с глухим треском разошлась на два неровных куска.

– Когда Мерод уже вернется с твоими поручениями? – с раздражением бросил он, укрываясь разорванной тканью. – Ты же сказала ему принести мою одежду?

Жасмин молча подошла к сундукам. Сбросила на пол лохмотья. Открыла один из них и достала стопку чистого белья. Грубо отодвинула поднос и шлепнула стопку на стол. Побросала на поднос посуду, тряпки, взяла его в руки и отошла. Кивком показал на одежду.

– Может, ты мне ее подашь? – бросил Юсуф, видя, что она не собирается уходить.

– Я не твоя служанка, – хмуро ответила она. – Что ты для меня сделал, чтобы я тебе одежды подавала? Встань и возьми.

И она остановилась у двери, глядя на него. Да, точно, она не собиралась выходить. Стояла и смотрела.

Так, значит? Ну, ладно. И он резко откинул кусок простыни, встал и закрипел досками под тонким шерстяным ковром. И все время, пока шел, внимательно следил за ней. Смелая, значит? Ну так, смотри. Тоже мне, нашла, чем пристыдить. Или она решила, что он будет прятаться от нее за тонкой периной.

Жасмин невозмутимо глядела на него, словно мужчины каждый день разгуливали перед ней нагишом. А когда, он остановился напротив – лишь поднос с чарками и мисками разделял их – и взялся за одежду, то ему показалась... что она улыбается или даже хихикает?

Он буркнул, плохо скрывая обиду:

– Благовоспитанные женщины так себя не ведут.

А она насмешливо повела бровью. «А как они себя ведут? – спросил ее взгляд. – Ты-то у нас пример благовоспитанности. Нагишом по чужому дому разгуливаешь».

И тут он почувствовал еле заметное, словно старательное скрываемое волнение, исходившее от нее. Казалось, она с силой удерживает его внутри себя, сдавливает, комкает, но эта жажда приблизиться к нему, коснуться все равно вырывается, просачивается в кровь и еле заметным светом изливается и обволакивается ее тело, заставляя кожу сиять.

Она же пыталась его убить? Он все еще не верил в ее отговорки. Но вдруг ощутил, как внутри начинает расти ответное чувство. И ему сделалось нестерпимо больно, когда он попытался подавить его. Он смерил ее долгим взглядом, злость и желание смешались и словно соревновались, что быстрее вырвется наружу.

– Что? Теперь ты хочешь, чтобы я тебя одела? – с раздражением спросила она. – Или тебе нужно это?

И его сабля вмиг переместилась к столу, у которого он стоял.

– Ударь, попробуй. Выпусти свой гнев.

Он не выдержал:

– Ты, правда, считаешь, что я об этом думаю, когда стою здесь в таком виде?

И вдруг он увидел, как легкий румянец, такой же прозрачный, как светящаяся кожа Жасмин, коснулся ее щек.

– Да ладно! – вырвалось у него и он ухмыльнулся.

Она зарделась еще сильнее. И он расхохотался в голос. Такого он еще не видел. Стоит здесь, тянет к себе бессовестно, как величайшая из блудниц, завлекает своим колдовством –

иного объяснения он не находил – и следом краснеет, как девочка на выданье перед первым поцелуем.

Жасмин топнула ногой и с досадой шлепнула поднос прямо на его чистую одежду. Он рассмеялся громче и она пнула его по ноге, по самой больной, словно знала, куда бить, выскочила из комнаты и громко хлопнула дверью. Сабля, приставленная к столу, шлепнулась на пол и легонько звякнула.

– Эй ты! – крикнул Юсуф ей через дверь, вдруг вспомнив о Морено и его подручных. – Носи с собой оружие, ненаглядная моя, раз ты так ловко с ним обращаешься.

«Хороша ведьма! То совращает, то краснеет, то калечит».

И он растер побитую ногу. Отставил поднос и принялся разворачиваться одежду и натягивать на себя. Но продолжал посмеиваться, так его это позабавило. Она же играет сейчас с ним? С нее бы стало. Он сделался серьезнее, но настроение осталось приподнятое.

Юсуф спускался по лестнице, сжимая саблю, заткнутую за пояс, и метался в сомнениях: что же за человек эта Жасмин. Правду говорит или искусно обманывает его, завлекает и играет? Он не мог подобрать подходящее слово, чтобы описать чувства, которые испытывает к ней.

Жасмин стояла у цветастой занавески, закрывающей соседнюю комнату от главного зала дома, и теперь уже снова смотрела спокойно и уверенно: не следа румянца на ее щеках, ни смущения в глазах. Словно там, наверху, ему привиделась их забавное словесное сражение. Или она уже так быстро обо всем забыла?

Зато все, что произошло с ними накануне, она очевидно помнила хорошо. Она же нарочно спрятала его одежду, чтобы бросить в лицо все те обвинения. И еще требовала, чтобы он ей верил. Да как же ей поверить?

– Если ты расскажешь обо мне... – сказал он сурово, поравнявшись с ней, вдруг увидел сложенные на столе камни в тряпочной обертке и запнулся.

В свете солнца, что проникало в полураскрытые ставни, блеснула красная яшма, гематит и аметисты. И он запнулся, глупо глядя то на обертку, то на нее. Наконец снова заговорил, но уже намного мягче:

– Если ты меня выдашь, я не смогу тебе помогать. Тебе придется иметь дело с моим братом или кем похуже.

Он вспомнил о человеке, который в ближайшие недели должен был прибыть в город.

– Я не смогу тебя защищать. Меня вышлют. И можешь забыть про дочь. Тебе бы самой жизни не лишиться. Ты же понимаешь меня? – переспросил он, потому что она лишь молча смотрела на него, а он ничего не видел в ее взгляде, ни единой эмоции.

– Ты должна ответить, – потребовал он.

Жасмин сказала сухо, словно ей было безразлична ее жизнь и свобода:

– А что мне за это будет, дорогой мой муж? – выделила она последние слова. – По договору никто из нас бесплатно не работает.

Опять она за старое? Она все еще не поняла? Нет, больше никакого договора.

– Что ты можешь мне предложить? – продолжила Жасмин смело, глядя ему в глаза. – Ты вроде бы эмир, но можешь так мало. Ну, купи мне, что ли, дом в нижнем городе. Я открою лавку и да поможет Великий бог, стану полезнее ваших торговцев коврами. Или ты даже этого не можешь? Как это жена эмира, а ты приведешь ее не во дворец, а в отдельный дом. А, может, она вовсе не жена? – дразнила Жасмин. – Ну, конечно, она ведь ведьма, но слабоватая какая-то. Женить на себе женила, а силенок во дворец войти... ой... никак.

– Можешь не делать те украшения, что должна. Я разрешаю. Сам отыщу им замену, – быстро нашелся Юсуф, чтобы перебить ее насмешки.

И даже подумал, что это к лучшему: чем меньше сумасшедших женщин будут носить ее украшения, тем будет проще. И ему вдруг даже стало легче, он задышал свободнее. Плечи распрямились. И будто крылья за спиной выросли, но не болезненные, драконьи, что раздирали кожу и ломали кости, а воздушные и Юсуф запорхал на них к дверям.

Но далеко улететь не успел – услышал за спиной тихое хихиканье. Резко обернулся. Жасмин стояла, прислонившись к стене и давилась от смеха. Она нарочно? Нашла, чем ответить ему за ту забаву в комнате. Она же не умеет читать мысли? Но Жасмин продолжала смеяться. Подняла на него глаза, вдруг замолкла, стараясь сдержаться – но прыснула и расхохоталась в голос.

– Я запрещаю тебе вообще подходить к камням, если ты сейчас не прекратишь. Посажу во дворец...

Она знаком остановила его.

– Подожди здесь. Минуту. Не уходи.

Глянула на него, снова прыснула и исчезла за занавеской. А он остался глупо топтаться у дверей. Да он никогда не уйдет из этого дома. Может, кроме Жасмин, его притягивал и этот дом? Может, она и на него колдовство наложила? В прошлый раз он тоже никак не мог отсюда выбраться. И что она там удумала? Юсуф шагнул к дверному проему. Но она услышала его шаги и крикнула из комнаты:

– Не заходи. Я уже выхожу.

Да не в жизни! И он резко отбросил занавеску – увидел... невероятное увидел... Но, может, ему казалось? Вокруг Жасмин летали и искрились крошечные желтовато-оранжевые песчинки с легким синеватым ободом, они словно ореолом окружали ее. И она сама стала совсем воздушной, почти прозрачной, она растворялась в этом сиянии.

Он замер у порога, не в силах ни шагнуть вперед, ни сказать, ни развернуться и уйти. «Она, как тот синий огонь в пустыне», – вдруг пришло ему на ум.

Жасмин резко развернулась и свечение унялось. Не исчезло полностью, но стало многократно слабее.

– Вот, – подошла она к нему, – наклони голову.

Но он не пошевелился и она закатила глаза. Словно он уже утомил ее своими страхами и сомнениями. Она подошла вплотную, встала на носочки, потянулась к нему и что-то повязала на шею. Быстро отскочила. Предмет легонько упал на грудь и Юсуф, не сводя с Жасмин глаз, коснулся его.

– Это аметист, – сказала она и он наконец разрешил себе взглянуть на крошечный кулон, что теперь висел у него на груди: темно-фиолетовый, почти необработанный, но в искусной золотой оправе на тонюсенькой витой цепочке. – Был бы сардоникс, вставила бы, – добавила она. – Но что есть, то есть. Этот камень будет защищать тебя от чужой магии, которую ты так боишься.

– Я не боюсь, – хмуро буркнул Юсуф.

– Хорошо, тогда носи его, как мой подарок.

«Или этого ты тоже боишься?» – прочел он по ее глазам.

И вдруг понял, что продолжать этот разговор не стоит, – он проиграет. Развернулся и молча двинулся к дверям.

И пойми, что он чувствовал теперь, покидая ее дом. Еще больший ворох эмоций кружил ему голову, почти так же, как мгновенья назад вокруг Жасмин летали синевато-желтые песчинки и сводили с ума, заставляя безуспешно искать понятное объяснение. Эта женщина и пугала его, и нестерпимо влекла к себе. Он и злился, и умилялся ее заботе и смущению. Или она действительно так умело притворялась?

Он уже ни в чем не был уверен. В смятении выскочил из ее дома через заднюю дверь, как Жасмин ему наказала в последний момент, – и наткнулся на Мерода. Слуга стоял совсем рядом у порога и явно не успел отскочить.

– Я совсем ничего не слышал, мой господин, – бросил он в ответ на грозный взгляд. – Нисколько. – Юсуф сдвинул брови. – Ну, может, капельку. Вот столечко.

И Мерод показал рукой.

Юсуф отвернулся, не желая высказывать прислужнику за его непозволительное поведение – на то не было настроения – и взгляд его упал на дом Жасмин: почти идеально квадратный, теплого, землистого оттенка, выложенный из сырцового кирпича, со вторым этажом явно пристроенным гораздо позже. И Юсуф вспомнил, как уютно ему было внутри: как он лежал в спальне, среди теплых, обернутых камней и солнечный луч скользил по стенам комнаты, подушкам и простыням.

Ему вдруг страстно захотелось вернуться. Подняться по лестнице, броситься на постель и позволить солнцу рисовать по его лицу, как по холсту. Однако Мерод одернул его, напомнив:

– Мой господин, надо бы спешить.

И Юсуф нехотя двинулся вслед за слугой вниз по незаметной, горной тропинке. Он подумал, раз он не может остаться сейчас, то почему бы не прийти в этот дом уже завтра или даже сегодня к вечеру. Но внутри раздражающе зудело и все росло недоброе предчувствие: в прошлый раз он тоже не хотел уходить и потом долго возвращался.

Глава 13

Город гудел о ночном происшествии в ущелье Тихири. Больше никто не сомневался: Жасмин Ахмеди, молодая жена младшего брата эмира Кардовы, – опасная колдунья.

«Она вся светилась, как большой синий огонь, – шептали возбужденные голоса в каждом доме и у каждой лавки. – Нет, она горела зеленым светом. – Нет, белым и фиолетовым. – Нет, это вовсе был не свет, как светят звезды, это было пламя, яркое, бордовое, местами оранжево-красное и алое, как огонь в печи. – Нет, как огонь, который вырывается из пасти дракона. – А еще она обратила того несчастного из пустыни в песчаную статую и тот человек рассыпался в песок у всех на глазах. – Да нет же, это в Кардову проник настоящий песчаный человек из древних легенд и он ударился о землю, вознеся к небу плотным, песчаным столбом и пытался втянуть в себя эту женщину. – Нет, не пытался, это она наложила на него чары и хотела завладеть силой этого человека. А когда не вышло, бросилась внутрь песка и растворилась в нем. И кто знает, что бы случилось, если бы не подоспел дракон. Он выжег песок своим мощным, магическим пламенем, ослепительным на фоне темного неба, и сбросил колдунью с песчаного облака на землю. – Да, не выдумывайте вы. Они оба сражались против песка и слава Великому богу, они победили».

Юсуф не знал, во что верить, когда Мерод рассказывал ему последние городские сплетни. То, что он видел, что знал и что чувствовал – словно принадлежали трем разным людям. Разум твердил, что нужно держать эту женщину подальше. Тело требовало приблизить и не отпускать ни днем, ни ночью. А сердце испытывало сожаление и вину за то, чем обернулось его стремление помочь человеку, который в прошлом вырубил его.

Когда же Юсуф думал об их встречах, его охватывало необъяснимое волнение. И опасное колдовство Жасмин вовсе не отталкивало его, напротив, влекло сильнее. Он вспоминал, как она смело швыряла по комнате его саблю, а следом рдела, глядя на его обнаженное тело, и на губах расплывалась улыбка. Но следом перед глазами мелькали картинки, когда он видел ее в том облаке песка, расстилающемся по ночному небу, и он быстро мрачнел. Хотя все больше думал: ведь он одолел ее тогда. А значит, сумеет приручить и разгадает ее секреты – дай бог, это поможет городу. Он ни за что не должен ее отпускать, как бы она не вырывалась.

Конечно, Жасмин не подходила на роль птицы, ни одна клетка не смогла бы такую удержать. И Юсуф не желал сейчас играть в эту игру. Но он нашел новую забаву: теперь эта женщина представлялась ему редким драгоценным камнем, подобный сапфиру, что он купил у нее в шатре Фарезийского оазиса. Он бесконечно любил дорогие, необычные самоцветы. Она станет его украшением и он будет держать его при себе, пока не надоест.

Так он размышлял, пока спускался в то утро по горной тропинке к нижнему городу. Однако следом события закрутились так лихо, что отстоять принятое решение стояло ему немалых усилий.

Началось с того, что Мерод, закончив делиться городскими сплетнями, посмел произнести перед ним целую нравоучительную речь.

– О чем вы только думали, мой господин? – возмущался он со свойственным ему драматизмом. – Ваш отец вышлет меня из царства посылками по частям, когда узнает о вашей проделке. Ваш брат мечется по дворцу, как ошетилившийся, дикий зверь. Я предупреждал вас с самого начала, когда мы только познакомились – лишь бог помнит, сколько лет назад – ждите беды, если люди запомнят вашего дракона. А от этой женщины, ради которой вы показались этому городу, ждите беды еще больше. Ничего не бывает хорошего, мой господин, когда нарушают правила. Великий бог не даст мне соврать.

Юсуф остановился и с раздражением сказал:

– Не нагнетай, Мерод. Мой дракон принесет спокойствие в этот город. Все видели, что он одолел зло из пустыни – и теперь будут считать его своим спасителем и ложиться спать, зная, что проснуться на утро. Дай бог, и караваны скоро отправятся в дорогу. И я сделал это не ради Жасмин. Я сделал это ради Кардовы.

Мерод хотел возразить, но Юсуф больше не пожелал слушать ни его упреков, ни предупреждений. Сколько бы настойчивости слуга ни проявлял, он ускорил шаг и оставил Мерода далеко позади. Он пожалел об этом, не успел ступить во дворец.

Как и предвещал Мерод, разъяренный Арслан грозно вышагивал по комнатам в ожидании его появления. В воздухе стояло такое напряжение, что, казалось, даже шерстяной ворс ковра на полу боится издать лишний звук.

Брат рычал яростно и злобно:

– Ты немедленно женишься на младшей Морено. И убедишь ее отца отправить свой караван в дорогу.

Остальные торговцы слушали Морено, как одного из самых уважаемых жителей Кардовы, и не двигались с места. И потому вот уже целые сутки ни один караван не выходил через главные ворота и Арслан не желал знать других способов решить эту проблему, кроме брака с дочерью упряма. Он не хотел слушать ни о защите для города, ни о попытках даровать спокойствие его жителям. Он настроился получить то, что считал необходимым, и желал сделать это немедленно.

– Так женись на ней сам, – бросил ему Юсуф. Ему уже давно опостытели непомерные запросы старшего брата.

Но Арслан даже не думал жениться на той женщине. Все знали, что Морено хочет видеть свою дочь главной в доме мужа, а Арслан не желал отказываться от своего гарема. Потому не собирался отступать и их спор о том, кому жениться, чуть не закончился гораздо более удручающими событиями, чем легкая перебранка.

– Этот брак станет удачей для города и счастьем д

я тебя, мой глупый брат, – увещевал Арслан. – Ты не захочешь делиться с младшей Морено своими секретами и это спасет тебя. Ты, правда, думаешь, что хотя бы одна женщина взглянет в твою сторону, узнай она, кем на самом деле тебе приходится та огромная, черная ящерица с крыльями?

Сперва Юсуф лишь ухмыльнулся, но Арслан не собирался останавливаться на сказанном.

– А ты никогда не спрашивал себя, почему до сих пор не женился, если старик Морено спит и видит выдать за нас с тобой одну из своих дочерей?

Арслан заслуживал лишь презрения, но ухмылка сползла с губ Юсуфа.

– Талия ушла от меня не поэтому, – сказал он сквозь зубы. – Она никогда не знала обо мне.

– Она предпочла забыть, – высокомерно ответил Арслан. – И просила меня, чтобы я запретил отцу выдавать ее за тебя замуж.

– Ты врешь. – Но по взгляду, сейчас открытому, пусть надменному, Юсуф понял, что брат не врал. – Как она узнала?

Арслан нахмурил лоб сильнее прежнего и отвел глаза. Долго не отвечал.

– Как она узнала?! – прокричал Юсуф.

В груди жгло так, словно каленым железом из нее вырезали сердце вместе с мясом, разрывая легкие и ломая ребра.

– Я показал ей, – Арслан избегал смотреть на него. – Ты же хотел счастливого брака, брат. Кичился все рассказать, когда поженитесь. Я предпочел, чтобы она узнала раньше.

– Да как ты посмел!

– Что посмел? – Арслан резко повернул голову. Глаза его метали искры. – Я посмел? Твоя Талия не снесла бы тяжести этого великого знания и выложила бы все отцу, лишь бы развестись с тобой. Ты дурак, еще этого не понял?!

И Юсуф не сдержался и бросился на него. С размаху резанул кулаком по лицу и Арслан от неожиданности не успел увернуться и рухнул на пол, проскользнув к дальней стене. Юсуф подскочил, не успел брат поднять голову, схватил за отворот кафтана и занес кулак. Ему стоило диких усилий не ударить вновь. Он словно сдерживал не руку, а пережатую пружину.

– Не смей больше лезть в мою жизнь! – процедил он и отпустил кафтан.

Арслан криво улыбнулся и утер кровь с подбородка.

– Хороший удар, – съязвил он. – Сразу видно, кто ты есть на самом деле.

Юсуф молча направился в сторону дверей.

– Ты женишься на ней. Я со стариком Морено уже все обсудил, – услышал он уже у порога. – Хочешь ты или нет, ты женишься. Не по моему приказу, так по приказу отца. И помни, чей это город и чей дом. Я стерпел этот удар – но большего не стерплю.

Юсуф хлопнул дверью и выскочил в коридор.

– И ты еще пожалеешь, что показался людям таким, какой есть, – слышал он крики, уже шагая к тронному залу. – И будешь еще молить меня, чтобы я забрал ту женщину себе. Я так сказал и так будет.

Юсуф с трудом сдерживал себя, чтобы не возвратиться и не продолжить их перепалку. Он понимал, в нем говорил сейчас гнев и обида. И в Арслане тоже. Брат готовился к отъезду в столицу, но уже не по собственной воле – отец наказал ему прибыть и желал видеть на своем ковре, оттого он так негодовал. Он не хотел становиться гонцом дурных вестей. И намеревался встретить отца со словами, что страшная беда хоть и стоит у стен Кардовы, но город продолжает жить и развиваться.

Однако Юсуф не собирался ему потворствовать. Брат уж слишком много позволял себе. Как он посмел вмешаться в его жизнь и брак! Пусть отныне сам решает свои проблемы. Ничто и никто более не заставит Юсуфа прислушиваться к советам или повелениям Арслана. И он почувствовал себя полным сил и желания сразить всех врагов, хоть настроение и оставалось мрачным и тягостным. Он сказал себе, что не верит ни одному слову брата-предателя. Даже если Талия отказалась от него, это не значило, что все женщины ей под стать. И Арслан сильно удивится, если позволит себе прохладиться по дороге в столицу и затянет свое путешествие. Юсуф впервые за последние годы мысленно поблагодарил Мерода, который проявил чудеса смекалки и отправил людей к султану Южной Арибо задолго до его просьбы.

Однако уже у дверей тронного зала Юсуф строго наказал слуге:

– В следующий раз, если ты еще что-то от меня утаишь или соврешь, или захочешь за мой счет повесить на свою чалму новый камень, я отошлю тебя к отцу. И пусть он, куда угодно, какими угодно посылками и частями, тебя высылает. Ты услышал меня?

Мерод не посмел возмущаться, тут же согласился со всеми обвинениями и признал вину. А как бы иначе он посмел поступить? Юсуф сам бы разослал его частями по сторонам Арибо. И слуга осознавал свое безрадостное положение. Это читалось в его взгляде. Юсуф вошел через двери тронного зала, приняв все извинения, и внутри него горело единственное желание – так же быстро разрешить все проблемы, внезапно свалившиеся на его голову за последнюю неделю. Он надеялся поскорее внушить уверенность и спокойствие уважаемым жителям Кардовы, ожидающим его в зале, и покинуть удушающие стены дворца Арслана. Однако на скорое освобождение Юсуф рассчитывал зря.

Не успел он сесть на трон, как торговцы обступили его и Гафур Урюф, тот, что занимался выделыванием кожи и шерсти, уверенно потребовал, произнес почти ультиматумом:

– Раз это ваш дракон и раз он явился защищать эти земли, то пусть послужит защитой и для наших караванов. Мы желаем, чтобы он сопровождал их на выходе из города. Пока они

не отойдут подальше от Розовых песков. Иначе ни один из них не покинет город, а мы заберем наши семьи и магазины и пойдем искать новый дом, как советует достопочтенный Акиф Морено.

Ни в какой другой день Юсуф не позволил бы говорить с собой таким возмутительным тоном. Но сейчас согласился почти сразу. Быть может, тому причиной послужило его стремление побыстрее сбежать из дворца. Быть может, жажда отомстить брату, посильнее уязвить его гордость. Или же желание увидеть, как Морено разочарованно поджигает губы и опускает голову, когда он произнес короткое согласие. Казалось, сопровождение караванов в образе дракона была такой мизерной жертвой, если он разом смог отплатить всем своим недругам.

В тот же вечер Юсуф пролетел над Кардовой, размахивая массивными драконьими крыльями, и исчез в небе над пустыней. Он с высоты наблюдал, как длинная вереница нагруженных верблюдов медленно вышагивает по горбатым горам песка, и к нему все больше возвращалась легкость, а мрачное настроение после ссоры с братом и возмутительных требований вельмож и торговцев постепенно просветлялось.

Сейчас он был большим, сильным животным, которое никому не было обязано, ничего не страшилось и не питало пристрастий. Он летел над пустыней, любовался бесконечным песчаным краем и ему казалось, что этот мир целиком принадлежит ему.

Он вернулся в город только следующей ночью и отказался возвращаться в тело человека, заночевал под открытым небом высоко в горах. Он вдруг осознал, что в Кардове нет дома, где его ждут. Дворец принадлежал брату, а последний разговор с Жасмин он уже воспринимал иначе: отчего она тогда смутилась, глядя на него – оттого что ей стало стыдно испытывать притяжение к такому чудовищу, как он?

И все же он справлялся у Мерода о делах жены и даже видел ее один раз, пролетая над городом, когда она мило ворковала у магазина с его владельцем. И он вспомнил о добром и надежном помощнике, о котором ему рассказывал Мерод. Выходило, что Жасмин не то, что стыдилась, она даже не думала о нем. И пусть Юсуф понимал, что у этой женщины было гораздо больше причин ненавидеть его, чем тосковать по нему. Но он все сильнее сомневался, что брат был прав и даже такая, как Жасмин, никогда не смогла бы принять его в качестве мужа.

Это больно било по гордости. В груди ныло то ли от тоски, то ли от одиночества, то ли от обиды и презрения к себе. Он терялся в чувствах. И это мучило его. Нестерпимо изъедало изнутри. Спустя неделю метаний он уже был готов на любое безумство, лишь бы наконец разобраться в себе: понять, что же он такое и как должен с этим жить.

Он рванул в пустыню, в самое сердце Розовых песков. Закружил над барханами, словно в них пряталось освобождение от его сомнений и печалей. Он даже не заметил, как на пески упал вечер и в небо стали подниматься знакомые синие огни. А, быть может, он только их появления и ждал? Он вернулся в город уже поздно ночью, весь изрезанный, избитый, казалось, на нем не осталось живого места. А на шее ярко-синим светом горел кулон, подаренный Жасмин, лишний раз болезненно напоминая о ней. Мерод осмотрел его раны, отыскав в одной из пещер Андорских гор, не упустил из внимания светящийся камень на груди и обиженно бросил ему чуть ли не в лицо стопку чистой одежды.

– Мой господин, вы ведете себя, как неразумное дитя, – завел он привычную нравоучительную речь. – Это развлечение убьет вас, а ваш отец убьет меня. Пожалеите старика. Видит Великий бог, моя мечта умереть собственной смертью, лежа в теплой, чистой кровати в своем доме. – (Юсуф мог бы поклясться, что мечты у Мерода иные, но смолчал.) – Бросьте вы эти игры и возвращайтесь к людям, – продолжал причитать слуга. – Эмир должен показываться в тронном зале хотя бы изредка. Вы же не ступили во дворец и шаг с того дня. Хитрый Морено начнет подозревать и тогда вам не избежать этой проклятой свадьбы. Вы же не думаете, что

старый плут от нее отказался? Щас он поймет, что за вашим драконом стоят семейные тайны, начнет копать – и пропали вы, мой господин. Дракон станет вашей погибелью, а не спасением, как вы от него ожидаете.

И Мерод, словно между прочим, вытащил из кармана темно-красного кафтана, непривычно короткого для него, плотный лист пергамента с рисунком и протянул Юсуфу.

– Как вы просили, мой господин, я нашел художника и он втайне написал портрет той женщины. Что велите дальше делать с ним? – Юсуф мог бы снова поклясться, что не просил Мерода о портрете. Он не успел, слишком закружили дела и заботы о караванах и одолели грустные мысли. – Скажите и я разошлю его по всем городам и поселениям южного царства, – пообещал слуга. – Уверен, что из Фрозы быстро придет ответ, что эту женщину никто не знает.

«Чего добивался Мерод? – думал Юсуф. – Чтобы он одумался и выбросил Жасмин из своей жизни или чтобы, напротив, вспомнил о ней и хотя бы на время перестал летать над опасными песками?»

– Она, как и вы, продолжает вести себя неразумно, мой господин, – не сдавался Мерод и он жалостливо рассказал Юсуфу, какую новую, опасную ошибку совершила его самоназначенная жена.

Юсуф сунул рисунок в карман платья и всем видом показал, что ответит позже. Он понадеялся, что старик наконец выполнит все поручения и оставит его в одиночестве. Но Мерод не уходил еще долго. Согласился покинуть гору, лишь когда Юсуф пообещал не менять облик в ближайшие несколько дней. Однако на этот раз Юсуф не собирался обманывать и таиться, его тело так ломило и жгло, что тяжелые крылья и острая чешуя вконец извели бы его.

Вот только спать в пещере в человеческом обличье оказалось занятием, совершенно лишенным приятностей. Даже когда он лежал, не шевелясь, на шершавых, неровных камнях, ему казалось, что они царапают и раздрают кожу, похлеще песчаных кинжалов. Они словно разрывали еще не успевшие затянуться раны и желали проникнуть вглубь, вытеснить внутренности и забить тело каменным песком. Юсуф пытался забыться сном, но сон так и не пришел и он по привычке отправился бродить по горам и ночному городу.

Он снова думал о Жасмин, но не решался развернуть ее портрет. Однако когда шел по узким, горным тропинкам, ноги сами привели его к ее дому. И он увидел, что она больше не одна возвращается с работы. Об этом Мерод умолчал в своих рассказах. Добрый и надежный владелец магазина, у которого она продавала свои украшения, проводил ее до двери, мило попрощался и она ответила ему также мило. И как это следовало понимать? Чувства и сомнения, что мучили Юсуфа эти бесконечно длинные дни, с еще большей силой нахлынули на него, состязаясь друг с другом. И одно из них наконец одержало верх. Он сказал себе, что неважно, кто провожает ее до дверей. Он устал, его тело болит и жжет и он не собирается бродить по городу всю ночь в таком состоянии.

Глава 14

Рида

В то утро неделю назад, когда Юсуф покинул ее дом, Рида поднялась в свою комнату, в раздражении расшвыряла цветастые подушки, стянула с постели матрас из шести и простыни, пропахшие лекарственными травами и телом Юсуфа, и рухнула на голые доски. Она даже не заметила, какое жесткое ложе выбрала себе для отдыха, настолько она устала за прошедшую ночь.

Сначала она помогала этому низкорослому, противному старикашке, Мероду, тащить Юсуфа по узкой, горной тропинке к ее дому. И все потому, что он не пожелал в открытую подъехать к дверям на лошадях. Или нет, сначала были лошади. Когда Мерод отпустил своих людей, трех рослых, широкоплечих мужчин, он взял у них коней и заставил ее помогать забрасывать Юсуфа на животное, а следом потребовал посадить в седло и себя и еще возмущался, что она маленькая и слабая и ей нельзя доверить ни одно приличное дело.

Мерод был колдуном, как догадалась Рида той ночью. Он мог стереть все ее воспоминания. Но во всем остальном он казался совершенно беспомощным. Словно игра с памятью была единственной его магической способностью и положительным качеством. Он измучил ее в тех горах, пока наконец не сумел усесться на коня.

А как он кудахтал, когда Рида заставила его собирать травы и искать камни для лечения ран его господина.

– Ты такая шустрая, как давить драгоценные рубины и открывать клетки с дорожными птицами, – причитал он, – а шалфея с ладанником отыскать сама не можешь? Тоже мне колдунья.

«А сам-то чем лучше?» – молча возмущалась Рида и продолжала терпеливо готовить снадобья, которым обучила ее еще в детстве бабушка.

Однако заказанные травы Мерод притащил и камни тоже, а затем крутился и мешался под ее руками целую ночь: не сводил глаз с того, что как она замачивает и настаивает лекарства и запретил ей использовать магию, когда узнал, что она впервые практикует ее для врачевания. Лишь когда под утро увидел, что Юсуф жив и быстро идет на поправку, исчез на долгие два часа, вернулся с чистой одеждой и предупредил:

– Я буду ждать моего господина у задних дверей.

За всю ночь Рида не прилегла ни на минуту и в благодарность она не получила ни одного доброго слова: ни от Юсуфа, ни от его слуги. Слышала лишь обвинения и насмешки. А как ее так называемый муж хохотал, стоя у стола в этой комнате? Рида непроизвольно свернулась в клубок и спрятала лицо в руках. Зачем она вообще заставила его расхаживать нагишом? И она сама себе ответила: затем, что он упертый, никому не верящий негодяй, бездушный и сластолюбивый. Вдруг подумала, а что если он соврал ей и Нати уже увезли из города. Ведь он бы мог. Но не дай ему бог снова ее обмануть. И она поклялась, что оплатит этому человеку за каждое лживое слово. Уж мстить она научилась.

Рида глубоко и тяжело вздохнула. Закрыла глаза и попыталась забыться сном. Но сон не пришел. Вместо сновидений перед глазами вырос человек из песка и бросился на нее. Рида в ужасе подскочила. Снова задалась вопрос, который мучил ее всю предыдущую ночь, пока она замешивала мази и готовила настойки. Откуда этот человек из пустыни мог ее знать? Там в горах она ясно прочитала по его взгляду, что он пришел за ней. Рида с содроганием подумала, не мог ли ее муж нанять опасных людей, чтобы выследить ее. И ведь она даже не могла сбежать из города, потому что у нее забрали дочь.

Она сжалась еще сильнее на жесткой, неудобной постели и тихонько заплакала. Ей стало невыносимо больно и обидно: казалось, она делала шаг, чтобы вырваться из этого места, она

делала его наперекор себе, нарушала принципы и правила, которым обязалась следовать – и каждый раз этого было недостаточно. От нее требовали больших усилий и большего отречения.

Она столько мечтала отказаться от своего магического дара, она готовилась к этому много лет: искала древние свитки, она даже избавилась от своих камней – при ней остался лишь этот нефритовый браслет. Но сейчас она лежала на голой, деревянной подставке и понимала, что лишь магия способна ее защитить, магия, от которой она почти отеклась. Сохранилась лишь толика ее силы.

Рида горько рассмеялась, пока слезы продолжали течь по ее щекам: она годами мечтала о времени, когда сбежит из Гермена и она прошла долгий путь, чтобы избавиться от дара, тяготившего ее, – но оказалось, эти две мечты не способны ужиться друг с другом. И она уже понимала, что должна делать. Но сердце ее болело при мысли об этом, и все внутри этому сопротивлялось.

Она пролежала без сна весь день и почти всю ночь и лишь наутро ее решимость окрепла. Ее новая задумка была сложной и опасной. Не сравнить с той, что привела ее во дворец эмира и заставила играть на слабостях Юсуфа Ахмеди. Ко всему прочему эта задумка, как и почти все в этом мире, чего бы ни пожелал человек, нуждалась в поддержке золотых монет. И Рида вновь подумала о Юсуфе. Путь ему больше не нужны были летающие рубины, но ведь она могла договориться с ним о новой сделке. И она прождала его, не выходя из дома весь следующий день. Но все ее ожидания и надежды были напрасны – он не пришел.

Как это было похоже на него. Он уходил и никогда не возвращался. Он сам был, как человек из песка. Подул ветер – и он рассыпался, словно его никогда не существовало. И он еще смел ее упрекать, что она действует за его спиной вопреки их договорам. Ну так, между ними больше и не было договора.

Рида собралась и отправилась в магазин Мехмеда Али. Что ж, она отыщет другой способ получить то, в чем нуждалась.

Однако, помня совет Юсуфа, она спрятала в сапоге и за поясом два кухонных ножа. Она собиралась вскоре заменить их на более удобные кинжалы. Но втайне надеялась, что ей никогда не придется ими воспользоваться.

Рида с самого начала знала, что Мехмед Али выжил в ущелье той ночью. Она велела Мероду разузнать о нем и слуга, отправляясь с ее поручениями, принес весточку. Однако Мехмед Али сильно пострадал: ему разбили голову и сломали руку аж в двух местах. Рида, взяв в компанию Зиту и Рашида, отправилась навестить его на третье утро и он, лежа весь перебинтованный и серый от потери крови, но, к удивлению Риды, обрадовался, когда увидел ее.

– Я бесконечно счастлив, Жасмин, что ты не пострадала от рук негодяев, – сказал он, даже забыв поприветствовать Зиту и Рашида, взял ее за руку и тепло пожал.

Словно он не слышал всех тех сплетен, что кружили по городу. Как ее только не называли? Но самое пугающее, пожалуй, было «ведьма, что приносит смерть из песков». Да и горячее рукопожатие Мехмеда Али могло бы показаться неприличным. Спасибо богу, Зита и Рашид списали его поступок на подорванное здоровье.

Однако для Риды не осталось сомнений: этот человек испытывал к ней глубокую симпатию – она же не успела разобраться, что чувствует к нему: ей было приятно его внимание, но ее беспокоило, что эта привязанность причинит им обоим неприятности. Особенно после того, что произошло в горах. Да и среди забот Риды не оставалось места для романтических фантазий и она не желала давать ложную надежду и обижать хорошего человека. Но и уйти она не могла. Он остался ее единственной надеждой осуществить новую задумку. Потому она попробовала поступить иначе.

Чуть позже в тот день Рашид отправился в лавку, а Рида и Зита долго оставались у постели Мехмеда Али: меняли ему компрессы, подносили питье и лекарство, забавляли раз-

говорами. И Рида отважилась сказать о том, что случилось в ущелье, когда Мехмеда Али ударили по голове и он потерял сознание. Она рассказала в своем необычном таланте и втайне понадеялась, что ее откровение отпугнет его. Однако он с участием посмотрел на нее, горячо пожал руку и подбодрил словами:

– Это чудесные новости, Жасмин. Талант – это дар божий. Великий грех – отказываться от него и прятать, каким бы он ни был.

Рида улыбнулась, старательно скрывая разочарование.

На том они попрощались, но встретились уже на следующий день, когда она пришла навестить его уже одна. Зита оказалась занята новыми товарами, что прибыли с караваном, а Рашид сослался на полный магазин покупателей. Через день история повторилась – и Рида снова пришла без сопровождения. Спасибо богу, Мехмед Али на удивление быстро шел на поправку и уже к середине недели он с перевязанной рукой и спрятанной под платок повязкой на голове явился в магазин, поприветствовал работников и показать, что достаточно окреп и готов вернуться к торговым делам.

И дни стремительно полетели один за другим. Днем Рида погружалась в мир драгоценных камней и металлов, творя магию в мастерской за закрытыми дверями, а вечерами она придумала обходить богатые дома в надежде отыскать дочь: она приглядывалась и прислушивалась, следила за подозрительными людьми, которые показались ей похожими на тех, кого она видела в доме Талии, и все больше расспрашивала о семьях, что недавно сняли большие дома в городе.

Порой она улучала минуту и подходила к городским воротам, наблюдала за выезжающими богатыми горожанами и прибывающими караванами. Однако никого похожего на Фарука и Талию не заметила, также как не увидела никого опасного среди новых гостей города. Она уже не страшилась и открыто использовала магию. Все вокруг знали, кто она и на что способна, часто перешептывались за ее спиной. Но это не причиняло неудобство, напротив, Рида чувствовала себя свободнее. С помощью магии она легко могла определить людей, которых создала пустыня, и ей больше не нужно было притворяться в магазине: она работала быстро и аккуратно – и никто не задавал вопросов.

Она часто вспоминала о муже, о настоящем, которого оставила в Гермене, и о том, как он мог додуматься до столь чудовищного способа ее разыскать. Это внушало такой сильный ужас, что она минутами стояла в оцепенении: не могла ни работать в мастерской, ни поддерживать беседу, ни заниматься домашним хозяйством. По ночам ее все чаще одолевали кошмары: она просыпалась и боялась заснуть до утра.

Зато дела в магазине шли все лучше. И ее новая, смелая задумка медленно воплощалась в жизнь. Пусть с опозданием на несколько дней, но она отправила нефритовые сережки тем двум женщинам, страдавшим по любви к Юсуфу. Не без помощи со стороны: она отыскала во дворце Мерода и угрозами заставила его принести кусок белого нефрита.

– Я всего лишь желаю выполнить приказ твоего господина, – сказала она.

– Я точно знаю, уважаемая госпожа, что он разрешил тебе его не выполнять, – надменно возразил Мерод.

Но Рида его резко перебила:

– Вовсе нет. Твой господин всего лишь пытался задобрить меня, чтобы я не выдала его. Так вот, можешь ему передать, что я непременно все разболтаю, если он будет чинить препятствия моей работе. – Какое ей было дело до того, что люди узнают, кто такой черный дракон. Про нее весь город знал – а жизнь с тех пор лишь стала проще. – Сейчас я не могу выполнять свои обязанности честно и достойно по его вине, – продолжила Рида. – Твой господин ухитрился разбить сердца двум самым богатым и влиятельным женщинам этого города, завсегда являясь магазином, где я работаю, и теперь он не желает за это отвечать. И перекладывает эту

ответственность на меня: мол, это я не справилась и не сделала украшение, хотя он велел мне. Найди мне этот нефрит, уважаемый, и не зли меня еще сильнее.

Нефрит вместе с серьгами, присвоенными Юсуфом, доставили Риде уже на следующий день. Еще через день серьги отправились в дома Морено и Урюфа. А спустя два дня, под конец недели, обе женщины оставили огромные заказы в магазине Мехмеда Али и в лавку хлынул поток покупателей, невиданный прежде. И никого не беспокоило, что одна из продавщиц слыла на всю округу колдуньей, убивающей песком. Напротив, все безоговорочно верили в чудодейственную силу ее украшений.

К середине следующей недели магазин заработал немислимые для него двадцать тысяч золотых монет. Мехмед Али ходил, не скрывая улыбки, и каждый раз после большого заказа появлялся на пороге и превозносил заслуги Жасмин.

– Невероятная женщина, ты принесла в это место счастье и богатство. Да пошлет Великий бог тебе дары за твои старания... Зита-дайя, а ну-ка, пойди и расцелуй ее за меня! – говорил он работнице и подталкивал к Риде.

Зита, словно небрежно и нехотя, но ласково, чмокала Риду в лоб и все четверо громко хохотали.

Однако Рида до последнего не была уверена, что ее план с серьгами удастся. Она лишь надеялась, что за богатыми женщинами в лавку потянутся остальные жительницы города, желающие во всем им подражать. Ведь совсем недавно по той же причине исчез из магазинов весь нефрит и обесцвеченное золото. Рида была рада, что не ошиблась. А видя приподнятое настроение Мехмеда Али и остальных работников, набралась смелости и однажды под вечер, когда лавка уже закрылась для гостей и все собирались на отдых, сказала:

– Может ли, господин Мехмед, эта невероятная женщина, которую вы так расхваливаете, просить вас о маленькой просьбе?

Мехмед Али заулыбался шире обычного. Зита и Рашид даже смутились такой радости.

– Невероятная женщина может просить о любом подарке за свои заслуги, – ответил он, не обращая внимание ни на чье смущение.

– Спасибо вам, господин Мехмед, – сказала Рида и не удержалась от широкой, счастливой улыбки.

– Так в чем твоя просьба, Жасмин?

И Рида глубоко вздохнула и ответила:

– Я слышала, что в соседних крупных городах будут проходить ближе к осени большие ярмарки, где можно отыскать редкие и ценные самоцветы. Могли бы вы, господин Мехмед, организовать поездку для меня на эти ярмарки?

Мехмед Али задумался, почесывая подбородок, и Рида уже опасалась услышать отказ. Но он сказал:

– А почему нет, Жасмин? У нас появилось столько богатых покупательниц. Если поток не схлынет, то это даже будет мудрым решением привезти из того же Тахмалина редкие, необычные камни. – И он снова похвалил ее: – Ты, действительно, невероятная женщина. Какие замечательные мысли приходят в твою красивую, умную голову.

Рида засмушалась. Ей было приятно слышать его слова, хотя и совестно: она сейчас использовала этого человека.

Осенние ярмарки были частью ее дерзкой задумки – она надеялась отыскать среди необычных камней, что часто выставлялись на открытых, ярмарочных торгах, свой сапфир, который продала Юсуфу почти два месяца назад. Как же быстро летело время! После того, самого первого разговора с ним в ее доме она не сомневалась: он не оставил камень себе, а продал его и по глупости сильно дешевле, чем мог бы. И все же она рассчитывала отправиться не в Тахмалин, а на ярмарку в Фарезийский оазис. Там она могла и поискать свой сапфир среди

торговых шатров, и попытать удара выкопать бирюзу, которую неподалеку зарыла в песках. Но она посчитала безопаснее не говорить открыто об этом желании.

Замолчала она и другую свою просьбу. Но уже не из безопасности, а потому что ей стало неудобно просить еще и об этом. Знала бы она, что ей будет стоить это стеснение, она бы влила в себя чуть больше магии для храбрости и подошла к Мехмеду Али.

В тот вечер Мехмед Али ушел домой, привычно поручив Зите закрыть двери. Рашид шуршал по полкам и прилавкам, пересчитывая и убирая товар в другом конце магазина, и был настолько увлечен, что казалось, не заметит, если над городом разразится ураган. Окна уже закрыли ставнями и лишь через резные двери в лавку проникал свет от фонарей да внутри горело несколько керосиновых ламп. Царил уютный, вечерний полумрак. Неспешная суэта придавала ему атмосферу особой приятности и спокойствия. И хотя чувствовалась легкая усталость, удовлетворение от успешной торговли с лихвой перекрывало ее. Казалось, было трудно отыскать более подходящее время для дружеской беседы. И Рида решила перешептаться о своих заботах с человеком, опытным и знающим этот город и магазин. Она тихонько подошла к Зите и тихо спросила ее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.